

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

№ 2
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

2024

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ

S O C I O L O G I C H E S K A J A N A U K A
I S O C I A L ' N A J A P R A K T I K A

Рецензируемый научный журнал

Основан в 2013 г.
Выходит 4 раза в год;
с 2023 г. в сетевом формате

2024. Том 12, № 2

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2
EDN: VDCDUC

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический
центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)

Журнал включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа

Все выпуски журнала размещаются на официальном сайте:

<https://www.socnp.ru>

ГОРШКОВ Михаил Константинович	главный редактор, академик РАН, доктор философских наук, директор, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
АКТАМОВ Иннокентий Галималаевич	кандидат педагогических наук, доцент, директор Восточного института Бурятского государственного университета (Россия)
БАРАШ Раиса Эдуардовна	кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГРИГОРЬЕВА Ксения Сергеевна	кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ГОФМАН Александр Бенционович	доктор социологических наук, профессор, НИУ ВШЭ (Россия)
ГРИНБЕРГ Руслан Семёнович	член-корреспондент РАН, научный руководитель, Институт экономики РАН (Россия)
ДУАЙЕР Том	профессор, университет Кампинаса, член Исполкома Международной социологической ассоциации (Бразилия)
ЗУБОК Юлия Альбертовна	доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КОНСТАНТИНОВСКИЙ Давид Львович	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
КРАВЧЕНКО Сергей Александрович	заместитель главного редактора, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО-Университет МИД РФ (Россия)
МОЗГОВАЯ Алла Викторовна	заместитель главного редактора, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
МОРГАН Джон	доктор философии, профессор, Председатель национальной комиссии ЮНЕСКО Соединенного Королевства, заведующий кафедрой политической экономики образования Ноттингемского университета (Великобритания)
МУКОМЕЛЬ Владимир Изявич	доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ЛИ Пейлин	академик, Китайская академия общественных наук (Китай)
СМИРНОВ Александр Ильич	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)
ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна	доктор социологических наук, профессор-исследователь НИУ ВШЭ (Россия)

Editorial Board

GORSHKOV Mikhail	(Editor in Chief), Academician, Director, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
AKTAMOV Innocentiy	Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Director of the Oriental Institute of the Buryat State University (Russia)
BARASH Raisa	Candidate of Politology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
DWYER Tom	Professor, University of Campinas, a Board member of the International Association of a sociological (Brazil)
GOFMAN Alexander	Doctor of Sociology, Professor of Department of General Sociology of the HSE University (Russia)
GRIGOR'EVA Ksenija	Candidate of Sociology, Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
GRINBERG Ruslan	Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Russia)
KONSTANTINOVSKY David	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Head of the Department of Sociology of Education, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
KRAVCHENKO Sergey	(Deputy Editor), Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Chair of Sociology MGIMO-University of the Russian Foreign Ministry (Russia)
LI Pailin	Academician, Chinese Academy of Social Sciences, (China)
MORGAN John	Ph.D., Professor, Chairman of the National Commission for UNESCO, the United Kingdom, Head of the Political Economy of Education University of Nottingham (UK)
MOZGOVAYA Alla	(Deputy Editor), Doctor of Sociology, Main Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
MUKOMEL Vladimir	Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher, Institute of Sociology of the FCTAS RAS (Russia)
SMIRNOV Alexander	Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Russia)
TIKHONOVA Natalia	Doctor of Sociology, Professor, HSE University (Russia)
ZUBOK Julia	Doctor of Sociology, Deputy Director for Research, Institute of of Sociology of FCTAS RAS (Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

- Беляева Л. А.*
Современная Россия в массовом сознании
жителей страны 6

СОЦИОЛОГИЯ КОММУНИКАЦИИ

- Зернов Д. В., Шалютина Н. В.*
Молодёжь в социальных сетях: масштабирование социальных
взаимодействий и практики формирования индивидуальных
медиасред (на материалах региональных исследований) 27

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- Косыгина К. Е.*
Культурный потенциал современного российского региона:
инфраструктура и потребление услуг населением
(на примере Вологодской области) 55

СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

- Носкова А. В., Кузьмина Е. И.*
Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений
(по материалам лонгитюдных исследований) 78

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

- Кравченко С. А., Свирская Д. А.*
Становление сложных страхов в молодёжной среде:
рефлексия через призму генотипа отечественной культуры . . . 102

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ДИНАМИКА

- Шекера Е. А.*
Адаптационный потенциал мигрантской молодёжи в мегаполисе:
ресурсообеспеченность и возможность развития (на примере
дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге) 122
- Эндрюшко А. А.*
Длительность проживания и интеграция мигрантов:
(не)очевидные взаимосвязи 147

СОЦИОЛОГИЯ РИСКА

- Мозговая А. В.*
Личная жизненная среда в социально-политическом контексте
современной России: статус по признаку определённости. . . . 169

SOCIOLOGY OF MASS CONSCIOUSNESS

- Belyaeva L. A.*
 Modern Russia in collective consciousness
 of the country's inhabitants. 6

SOCIOLOGY OF COMMUNICATION

- Zernov D. V., Shalyutina N. V.*
 Young people in social networks: scaling social interactions
 and practices of forming individual media environments
 (based on regional studies) 27

SOCIOLOGY OF CULTURE

- Kosygina K. E.*
 The cultural potential of the modern Russian region:
 infrastructure and consumption of services by the population
 (on the example of the Vologda region 55

SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS

- Noskova A. V., Kuzmina E. I.*
 Changes in the resource potential of older generations
 of Russians (based on materials from longitudinal studies) 78

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

- Kravchenko S. A., Svirskaya D. A.*
 The becoming of the complex fears among young people: reflection
 through the prism of the genotype of the domestic culture 102

SOCIAL PROCESSES. SOCIAL DYNAMICS

- Shekera E. A.*
 The adaptive potential of migrant youth in the megapolis:
 resource availability and the development opportunities
 (using the example of Dagestanis living in St. Petersburg) 122

- Endryushko A. A.*
 Duration of stay and the integration of migrants:
 (un)obvious relationships 147

SOCIOLOGY OF RISK

- Mozgovaya A. V.*
 Personal life environment within the socio-political context
 of modern Russia: status according to the attribute of certainty . . . 169

УДК 316.64
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1
EDN: BXIKXC

Научная статья

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ЖИТЕЛЕЙ СТРАНЫ

Людмила Александровна Беляева

Институт философии РАН,
Москва, Россия,
bel46@mail.ru,
ORCID 0000-0003-0538-7331

Для цитирования: Беляева Л. А. Современная Россия в массовом сознании жителей страны // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 6–26. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.1. EDN BXIKXC.

Аннотация. В статье рассматривается массовое сознание как теоретический конструкт, разновидность общественного сознания и как реальные отношения населения к России на эмоциональном и рациональном уровнях. Показано, что современное массовое сознание в России есть порождение массовой культуры, которая актуализировалась в процессе модернизации общества в экономической, политической, культурной, бытовой сферах жизни. Сегодня оно находится под воздействием системы массовых коммуникаций и высокотехнологических средств связи, отражая в то же время жизненный опыт разных поколений. Методология исследования основана на трактовке массового сознания как усреднённого сознания всей массы входящих в социальные группы индивидов, в нём стираются индивидуальные различия, особенности людей, которые в каждом единичном случае могут не совпадать с массовым сознанием, но придают ему качественное разнообразие. Эмпирическую базу исследования составили репрезентативные массовые опросы: 8-я волна Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России» (лето 2023 г.), Всероссийский опрос взрослой молодёжи России (июнь 2020 г.), Европейское социальное исследование (2018–2019 гг.). В представленном в статье анализе данных предпринята попытка определить, насколько российский менталитет более склонен к эмоциональным, чем к рациональным акцентам в отношении к «малой родине», к своей области/республике/краю, к России как стране и обосновано предположение, что эти свойства менталитета составляют особенности такого сложного психологического явления, как российский патриотизм. В статье показано, что на фоне высокого уровня эмоционального отношения к стране и месту жительства респондентов наблюдается рост рационального восприятия проблем общества с выраженной критической направленностью. Таковы оценки привлекательных и непривлекательных черт России, значимости прав и свобод граждан, среди которых первые места с поддержкой более 90% респондентов заняли права, обеспечивающие основные современные жизнеобеспечивающие потребности населения, – занятость, образование, ответственность, безопасность и защита законом. На этом фоне выделяется когорта мо-

лодѣжи 18–24 лет, для которой по сравнению с другими когортами более значимыми становятся политические права и демократические свободы, которые закреплены в Конституции России.

Ключевые слова: массовое сознание, масса, обыденное сознание, менталитет, эмоциональность, рациональность, права

Благодарности: исследование проводится при поддержке РФФ, грант № 23-28-00539 «Ценности и интересы населения России в условиях цивилизационных вызовов (восьмая волна всероссийского мониторинга)».

Постановка проблемы. Основные понятия. Эмпирическая база

Массовое сознание как разновидность общественного сознания занимает своё место в современных философских, социологических, психологических, политологических исследованиях. При всей кажущейся очевидности этого феномена он довольно сложен для анализа и интерпретации, сопряжён с другими видами общественного сознания и эмпирически фиксируемыми явлениями. Как самостоятельный предмет исследования массовое сознание рассматривается как общественный феномен, включённый в общественное сознание наряду с философией, религией, политикой и правом, моралью, культурой и наукой. Массовое сознание можно даже интерпретировать как сознание «глубинного народа», при всей неоднозначности этого понятия, предложенного Сурковым [1]. Само массовое сознание реактивно по своему воздействию на массы, манипулирует ими, играет свою роль в формировании массовых движений, особенно в переломные и опасные периоды развития общества. Можно допустить, что массовое сознание аккумулирует в себе в упрощённом виде все другие формы общественного сознания, воздействующие в разной степени на отдельных включённых в массу индивидов и социальные общности, оказывая влияние посредством отдельных личностей на всю массу и ту энергию, которая образуется в самой массе.

Первые опыты анализа массового сознания фиксируются в литературе с конца XIX в. и связаны с именем Г. Лебона, который ещё в 1895 году в своей книге «Психология народов и масс» обосновал механизм влияния толпы на человека [2]. В России широкое обсуждение массового сознания началось сравнительно недавно – примерно с середины XX в. [3, 4, 5, 6], а сегодня в связи с качественными изменениями информационного пространства и существенными изменениями самого носителя этого сознания, а главное, с выявлением его связи с практическими действиями – массовыми выступлениями, привлекает особое внимание исследователей [7–17].

Массовое сознание – это усреднённое сознание всей массы входящих в социальные группы индивидов, в нём стираются индивидуальные различия, особенности людей, которые в каждом единичном случае могут не совпадать с массовым сознанием, но сообщают массовому сознанию качественное разнообразие. В массе объединяются индивиды, имеющие разное социальное положение, профессии, образование, возраст, разную национальность. Как отмечал Д. В. Ольшанский, массовое сознание включает основной (первичный) – эмоционально-действенный и вторичный – рациональный уровни. В основе массового сознания обычно лежит яркое эмоциональное переживание некой социальной проблемы, вызывающей всеобщую озабоченность. Это может быть война, революция, масштабный экономический кризис, реформы и т. д. Крайняя степень переживания проблемы выступает как системообразующий фактор массового сознания. Такое переживание, проявляясь в сильных эмоциях или чувствах, заслоняет собой все другие привычные правила жизни – групповые нормы, ценности и образцы поведения [9, с. 20].

Отмечаемое в современных исследованиях усреднение образа жизни, наряду с усилением различий крайних имущественных страт, содействует тому, что масса приобретает некоторые общие черты, оставаясь всё же внутренне дифференцированной по тем или иным своим характеристикам. Эта внутренняя дифференцированность имеет воздействие на структуру массового сознания, которое является неоднородным, «слоистым», пористым, как его охарактеризовал Б. А. Грушин, оно отражает различные типы его носителей [4, с. 35]. Оно дифференцировано по разным содержательным и формальным видам, которые самостоятельно существуют в границах действия различных массовых субъектов. Важное уточнение сделал Г. Г. Дилигенский, который считал, что исторические типы массового сознания детерминируются объективными и субъективными познавательными возможностями его субъектов, доступными им социальными знаниями, их собственными когнитивными способностями, уровнем их интеллектуального развития [5]. При этом в отдельных секторах массового сознания формируется то, что называется общественным мнением, которое представляет собой частный случай массового сознания. Массовое сознание всегда существует в конкретной форме, которая реализуется в массе индивидуальных сознаний, но не совпадает с каждым из них в отдельности.

Носителями массового сознания является, как правило, не всё общество, а отдельные локальные образования, достаточно обширные, чтобы быть классифицированными как массы. Такая масса имеет свои содержательные границы, специфику, в ней индивидуальные и групповые признаки представлены в синтетической форме. Массовое сознание представлено

как надиндивидуальное и надгрупповое по содержанию, но индивидуальное по форме функционирования, хотя и реализуется в массе индивидуальных сознаний. Массовая культура и массовое сознание – специфический продукт современного индустриального урбанизированного общества.

Изучение носителя массового сознания – массы – как объекта исследования было актуализировано в результате процессов модернизации обществ в экономической, политической, культурной, бытовой сферах жизни, при интеграции масс в систему государственных и общественных институтов, с формированием массовой культуры, чему способствовали массовые коммуникации, социальная мобильность и трансформация иерархической материальной и социальной пирамиды общества. Теперь многие авторы рассматривают массовую культуру как соответствующую современному индустриальному обществу, в котором наблюдаются приемлемое качество жизни, высокий уровень образования больших масс населения, развитая система массовых коммуникаций, повсеместное использование высокотехнологичных средств связи. В современной социологии понятие «массовая культура» всё более утрачивает свою критическую направленность. Сегодня уже архаизмом является квалификация массового сознания как принадлежащего «черни», «тёмной», «неразвитой» массе, которая не может выработать свою позицию и поэтому следует транслируемым от «культурных» элит предназначенным для неё социальным и культурным нормам и представлениям, оказывается исключительно продуктом влияния извне. Ортега-и-Гассет писал: «Толпа – понятие количественное и видимое. Выражая её в терминах социологии, мы приходим к понятию социальной массы. Меньшинства – это личности или группы личностей особого, специального достоинства. Масса – это множество людей без особых достоинств. Это совсем не то же самое, что рабочие, пролетариат. Масса – это средний, заурядный человек. Таким образом, то, что раньше воспринималось как количество, теперь предстаёт перед нами как качество; оно становится общим социальным признаком человека без индивидуальности, ничем не отличающегося от других, безликого общего типа» [18, с. 197]. Г. Лебон, как первый учёный, обративший внимание на феномен «масса», был довольно категоричен, относя к характеристикам этой категории общности такие черты, как анонимность (безнаказанность), заразность (распространение мнения), внушаемость (толпу можно заставить видеть даже то, чего нет на самом деле), стремление немедленно претворить свои идеи в жизнь [2]. Они, как отмечает Т. С. Злотникова, имеют у Лебона в своём основании физиологизм, основанный на пристрастии «толпы» к восприятию простых, едва ли не осязаемых образов и к отказу от интеллектуальной (аналитической) работы [17, с. 53]. Длительный тренд исследований, именно так оценивающих субъект мас-

совой культуры и сознания, сейчас также имеет своих сторонников, находя в носителях массового сознания такие «отсталые» слои [19].

С развитием исследований массового сознания было выявлено, что оно как особый тип общественного сознания обладает сложной структурой и функциями, может быть классифицировано по уровням – высокий, средний и низкий. Массовое сознание в современных условиях находится во взаимодействии с научным, культурным, религиозным и другими уровнями сознания, проходит в своём развитии разные исторические этапы. Ему свойственно воспринимать воздействия извне специализированных импульсов, направленных на его изменение и на манипуляцию им. Т. С. Злотникова, в частности, обращает внимание на интегральный характер массового сознания, которое имеет корреляцию с отдельными философски осмысленными концептами, характеризующими бытие в его широком смысле [17, с. 53].

Массовое сознание не идентично обыденному сознанию, которое отражает представления и стереотипы, рождаемые непосредственным повседневным, часто бытовым опытом людей и доминирующие в социальной общности, которой они принадлежат. Обыденное сознание включает в себя индивидуальный и коллективный опыт, но может ориентироваться и на научные знания, не включённые в актуальные обыденные практики, но имеющиеся в виду в силу образованности и интеллектуальной развитости человека.

В отличие от обыденного, массовое сознание обычно рассматривается как рефлексия по отношению к тем объектам и предметам, которые оказываются вне поля повседневных практик людей, составляют некий промежуточный пласт сознания между обыденным и научным, религиозным, культурным и другими специализированными уровнями сознания.

Следует также «развести» такие понятия, как массовое сознание и общественное мнение. Первое не идентично второму, оно шире его по своему строению, по качеству отражения жизни и формам проявления. Общественное мнение представляет собой частный случай массового сознания, оно, по мнению Б. А. Грушина, должно квалифицироваться в качестве особого случая массового сознания, хотя и реализующегося в массе индивидуальных сознаний, а являющиеся его носителями субъекты будут квалифицироваться в качестве особого рода человеческих общностей – масс [20, с. 255].

Таким образом, обращаясь к нашему предмету исследования – массовому сознанию, можно констатировать, что, несмотря на его изменчивость, пористость, неустойчивость, подверженность влиянию, оно составляет важную часть общественного сознания и тесно связано с массовыми действиями, что определяет актуальность его изучения в контексте обще-

ственного развития. Но рассмотрение массового сознания преимущественно в модусе связи с активностью масс не должно ослаблять внимания к его изучению по отношению к оценкам состояний, тенденций и противоречий общественного развития на социетальном уровне, на уровне регионов и отдельных территорий. Знание этих оценок позволяет изучать настроения масс и оценивать влияние этих настроений на процессы консолидации или разобщения общества, выявить те «скрепы общественного развития», которые можно использовать в каждый период времени.

Сегодня массовое сознание оказывает значительное влияние на решение многих социально-экономических и общественно-политических проблем местного, национального и глобального масштаба. Недаром проводятся многочисленные исследования общественного мнения, которые служат инструментом изучения и измерения массового сознания по тем или иным вопросам – от электоральных проблем до оценки и корректировки политического и социально-экономического курса внутри страны и в мире.

Изучение общественного мнения основывается, как правило, на различных методиках, используемых в научных дисциплинах, – социологических, психологических, политических, экономических. При этом применяются различные методы – как традиционные, так и с использованием информационных технологий: массовые и экспертные опросы, фокус-группы, наблюдения, в том числе включённые наблюдения при массовых акциях, анализ информации в интернете, личных чатов, гражданской журналистики и т. д. Сегодня широко используются возможности информационных технологий для изучения и воздействия на массовое сознание населения усилий идеологических структур, органов правопорядка, политических организаций, других сил влияния. Выделяются три направления в этой сфере: а) анализ содержания средств массовой информации; б) формирование нужного содержания СМИ; в) конструирование нужных событий путём управления информацией в СМИ [21].

Достоверность результатов изучения массового сознания посредством опроса населения зависит от многих факторов – применяемой методики, методической грамотности исследователя, формулировки вопросов, ответственности вопросов респонденту его компетентности. Но, как верно заметил Б. Грушин, оценка компетентности/некомпетентности суждения масс затруднена из-за вынужденного субъективизма аналитика. «Объявления же этих суждений истинными или ложными недопустимы, поскольку всякое мнение содержит в себе не только знание о предмете, но и отношение к предмету, а последнее ...не может интерпретироваться в терминах “истины” или “лжи”» [4, с. 35]. Население современной России достаточно информировано и образовано, чтобы судить о многих сторонах не только своей собственной жизни, но и жизни страны, её бу-

дущего и прошлого. Знание мнений не только экспертов, которые не всегда беспристрастны и чистосердечны, часто окрашены субъективизмом, но и мнения масс, которые судят о тех или иных событиях со своей, несогласованной с начальством точки зрения, позволяет говорить о массовом сознании, о месте той или другой проблемы в этом общественном феномене.

В статье основное внимание будет уделено тем оценкам и отношениям, которые формируют в массовом сознании образ России, с акцентом на эмоциональное восприятие страны и на рациональные оценки «простых» людей, составляющих особого рода человеческую общность – массу, которая представлена в статье как массив респондентов, репрезентирующий население России.

Эмпирические данные. В центре исследования – данные онлайн-опроса в рамках Всероссийского мониторинга «Ценности и интересы населения России», проводимого по репрезентативной всероссийской выборке с 1990 года с периодичностью 4–5 лет. Руководителем мониторинга 1–7-й волн был член-корреспондент РАН Н. И. Лапин, 8-й волны – Л. А. Беляева. Последняя волна была осуществлена летом 2023 г. фирмой «Анкетолог». Обработку данных 8-й волны выполнила К. В. Ракова. В опросе участвовали респонденты от 18 лет и старше. Анкета включала 71 вопрос. Было сформировано три массива данных: всероссийская выборка репрезентирует население России по полу, возрасту, образованию, типу поселения – город/село (представлены все федеральные округа, в том числе мегаполис Москва), N = 1000; вторая выборка по СЗФО, третья – СКФО вместе с ЮФО. Две последние выборки репрезентативны по полу и возрасту и включают около 250 респондентов каждая. Кроме того, использованы данные онлайн-опроса, проведённого в июне 2020 г. по всероссийской квотной выборке двух молодёжных когорт 18–24 лет и 25–34 лет. Анкета содержала 80 вопросов. Опрошено 1700 человек – по 850 в каждой когорте. Контроль признаков: пол, уровень образования, тип поселения. В статье приводятся последние опубликованные данные Европейского социального исследования (ESS–2020), в котором участвовали 20 европейских стран, в том числе Россия¹.

Россия в массовом сознании населения: эмоции и рациональность

Российский национальный характер, а также аналогичные понятия – «народный характер», «психический склад нации», «дух народа», «психологические особенности народа», «базовая личность», «модаль-

¹ Европейское Социальное Исследование в России : официальный сайт. Москва, 2024. URL: <http://www.ess-ru.ru> (дата обращения: 07.02.2024).

ная личность», «этническое бессознательное», «коллективная душа», «народное сознание», «национальное самосознание», «национальный склад ума», которые доминировали в разные периоды в исследованиях психологов и социологов, стали всё чаще заменяться понятием «менталитет», «ментальность». При всей неопределённости и структурной расплывчатости этого понятия есть плодотворные попытки выделить набор базовых компонентов национального менталитета, составляющих его ядерный слой: 1) коллективная память; 2) социальные представления, установки и отношения; 3) закрепляющие их коллективные эмоции, чувства и настроения; 4) нормы, ценности и идеалы; 5) национальный характер и темперамент; 6) язык; 7) ментальные репрезентации культуры; 8) стиль мышления и социального восприятия; 9) поведенческие образцы; 10) национальная идентичность [15, с. 122]. Почти на всех этих компонентах (возможно, меньше на языке) лежит печать превалирования эмоциональности или рациональности, если говорить об обобщённом менталитете народа. Российский менталитет более склонен к эмоциональным, чем к рациональным акцентам в своих базовых компонентах. По мнению некоторых исследователей, россияне отличаются повышенной эмоциональностью и идеалистичностью, которые противостоят рациональности. Они считают, что Россия находится как бы между двумя макрорегионами с различной структурой характеров: западной европейской и дальневосточной (Китай, Япония), отличаясь от них своей природной реалистичностью, изначальной тревожностью, со сложными нравственными исканиями, переживанием неполноценности. В западном душевном устройстве (понятно, что речь идёт о самой обобщённой характеристике) преобладает рационалистический характер. На характере людей эмоционального, идеалистического склада души сказывается переживание изначальности духовного по отношению к телесному, материальному [22, с. 227]. При этом нужно обратить внимание на замечание авторов книги «Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований» [15, с. 117], которые используют понятие полиментальности, сформулированное В. Е. Семёновым [23]. Полиментальность точнее отвечает многокомпонентной реальности в России, чем представление об относительно едином для нации менталитете.

Понятие «российский менталитет» оказалось востребованным и по своему очень «удобным» для объяснения неуспеха российских реформ 1990-х гг., обнаружив свой незаурядный потенциал в выполнении как объяснительных, так идеологических и прочих функций (оправдание нашей неспособности жить по западным образцам и т. п.) [15, с. 106]. С изменением общественных условий и отношений менталитет спосо-

бен изменяться, оказывая в то же время влияние на трансформацию общества.

Эти особенности национального менталитета формируют такое социально-политическое явление, как патриотизм, который представляет собой многосоставное понятие, объединяющее эмоциональное и рациональное отношение к своей стране и идентификацию со страной, её историей и народом, а также отношение к своей «малой родине», месту, где человек родился или где он живёт в настоящее время. Патриотизм как сложное психологическое состояние и деятельность включает в себя эмоциональные черты – привязанность, сопереживание, заботу о благополучии, коллективные эмоции, чувства и настроения. Патриотизм – один из базовых компонентов национального менталитета.

Посмотрим, как это сказывается на отношении к местам, где живут россияне, и к России как стране – в сравнении с другими странами Европы. В эмпирическом исследовании 2023 года перед респондентами были поставлены несколько вопросов, позволяющих оценить уровень эмоционального отношения к стране и к локальностям, где живут респонденты.

Первый вопрос: «Какие чувства Вы испытываете по отношению к своей области/республике/краю?». Несмотря на все трудности жизни, 80% респондентов – жителей России, сказали, что рады и довольны, что живут в своём регионе, хотя из них почти 44% видят те или иные недостатки своего местожительства. 11% респондентов относятся равнодушно к месту своего пребывания, среди них почти половина говорят о привычке жить здесь и о нежелании поэтому куда-то уезжать. А у 9% респондентов зреет желание покинуть регион, 3% – хотят вообще уехать из России. При этом на территории северо-запада страны практически 90% респондентов довольны своим регионом проживания, несмотря на недовольство некоторыми обстоятельствами жизни. Только 5% опрошенных желают переехать в другой регион (3%) или вообще уехать из России (2%). Несколько другая ситуация на юге, здесь меньше – 83% респондентов довольны жизнью в регионе, 6% желали бы уехать в другой регион, а 2% – уехать из страны. Такие распределения ответов свидетельствуют об эмоционально положительном отношении россиян к своему месту жительства, укоренённости основной части населения, её привязанности к своей «малой родине», они не видят перспектив для себя на новом месте, опасаются трудностей обустройства и не собираются переезжать. Эта укоренённость, привязанность к месту жительства является традиционной чертой, ментальной ценностью российского населения. Недаром в России родились такие поговорки: «Где родился, там и содился», «Где сосна выросла, там она и красна», «В гостях быть – гостем слыть», «Скучно Афонюшке на чужой стороншке», «Чужая сторона прибавит ума. На стороне обтолкнут бока». Эти и де-

сятки других пословиц из книги В. Даля¹ репрезентируют эмоционально-положительное отношение к своей родине. При этом наблюдается зависимость этих настроений, привязанности к месту своего рождения и взросления от объективных характеристик респондентов. С повышением уровня образования снижаются оценки привязанности к «малой родине», но они повышаются при росте материальной обеспеченности, они выше у жителей сельской местности, чем у городских жителей.

И в целом укоренённость на своём месте жительства – отличительная черта россиян. По данным нашего опроса, более 25 лет в своём городе/посёлке/селе/деревне живут 60% опрошенных, 16–25 лет – 14% и только 26% – менее 15 лет. Подвижность населения, внутренняя миграция взрослых поколений в России довольно незначительны по сравнению с другими европейскими странами. Исключение составляет молодёжная когорта 16–29 лет, для которой продолжение учёбы после средней школы и трудоустройство в крупных или привлекательных с экономической точки зрения городах – основные причины миграции. По данным статистики, в 2000–2022 гг. внутренней миграцией в России были охвачены от 2,5 до 3,5 млн человек, или от 1,5 до 2,4% населения страны соответственно². Свою значительную лепту в «неподвижность» взрослого населения страны вносят плохие условия для перемещения к местам возникновения новых, современных рабочих мест, в частности – обеспеченность жильём. Таким образом, незначительная внутренняя миграция – следствие не только эмоциональной привязанности к месту, но и отсутствия доступных условий для внутренней миграции.

Основную долю во внутренней миграции составляет молодёжь, направляющаяся из сельских поселений и небольших городов в региональные центры и столичные города, что ухудшает демографическую ситуацию – в местах выезда наблюдаются старение населения, гендерные диспропорции, чрезмерная нагрузка на трудоспособное население. Глубинка уже становится «царством» очень пожилых женщин. Специалисты давно выказывают тревогу в связи с асимметрией внутренней миграции. «Можно себе представить будущее населения, в котором остаётся лишь 30% молодёжи, причём, вероятно, не самой выдающейся, подверженной негативной селекции. Исследование показывает демографическую обречённость российской глубинки» [24, с. 81].

Вопрос второй: «О каком месте на земле Вы можете сказать, что это Ваша родная земля?»: Привязанность к месту своего рождения и взросления (к так называемой «малой родине») оказывается самой распространён-

¹ Даль В. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М.: Гослитиздат, 1957. 991 с. URL: <https://vdahl.ru/чужая-сторона-прибавит-ума-на-стороне-обтолкнут-бока/> (дата обращения: 10.06.2024)..

² Российский статистический ежегодник. 2023. М.: Росстат. 2023. С. 110–111.

ной в ответах на этот вопрос. Об этом сказали 52% опрошенных, 23% назвали всю Россию своей родной землёй. Другие ответы «место, где сейчас живёт респондент» и «где живут его родные и близкие ему люди» выбрали 15 и 12% опрошенных соответственно. Именно «малая родина» вызывает у более половины россиян ассоциацию, что это родная земля. При этом у молодёжи 18–24 лет это чувство наиболее обострено – так считают 75% представителей этой когорты. Что это значит, сказать пока трудно, при этом заметим, что Россию как свою родную землю воспринимают только 15% молодёжи этой группы, что значительно меньше (разница до 11 п. п. по сравнению с показателями в других возрастных группах).

Вопрос третий касался уровня эмоциональной привязанности к России, который оценивался по 10-балльной шкале. Отвечая на соответствующий вопрос анкеты, 75% респондентов указали на сильную привязанность, на умеренную – 19%, на слабую – 6%. Прослеживается зависимость этих эмоциональных оценок от возраста и материального положения опрошенных (см. табл. 1), а уровень образования и место жительства (город/село) не оказывают заметного влияния.

Таблица 1

Уровень эмоциональной привязанности к России*, доля от опрошенных в группе, %

Группы по материальному положению и по возрасту	Уровень эмоциональной привязанности			Итого
	слабый	умеренный	сильный	
Материальное положение				
Нищие	11	29	60	100
Бедные	5	29	66	100
Необеспеченные	8	26	66	100
Обеспеченные	6	16	78	100
Зажиточные и богатые	2	13	85	100
Всего	6	19	75	100
Возрастные когорты				
18–24 года	14	34	52	100
25–34 года	7	22	72	100
35–44 года	5	20	75	100
45–54 года	4	17	79	100
55–64 года	5	14	81	100
65+	5	19	76	100
Всего	6	19	75	100

*Десятибалльная шкала переформатирована: 1–3 балла – слабая эмоциональная привязанность, 4–7 баллов – умеренная эмоциональная привязанность, 8–10 баллов – сильная эмоциональная привязанность.

У самых бедных и у молодёжи до 25 лет (эти группы частично пересекаются) самый низкий уровень эмоциональной привязанности к стране, что можно объяснить целым рядом объективных факторов. Это: материальная нестабильность, часто неустроенность в личной жизни, жилищные проблемы, большие риски трудоустройства, незавершённая социализация и т. д.

Насколько возможно утверждать, что именно в России у населения какая-то повышенная эмоциональность по отношению к своей стране? Ответить на этот вопрос можно, используя данные сравнительных исследований, которые осуществлялись в странах Европы и в России в рамках проекта Европейского социального исследования (ESS) в относительно спокойный период 2018–2019 гг. На фоне других европейских стран очень сильная эмоциональная привязанность к своей стране (с оценкой 10 баллов) была в России на среднеевропейском уровне, хотя и снизилась по сравнению с прошлыми периодами. Очень сильную эмоциональную привязанность к своей стране демонстрировали самые разные страны, максимальный показатель (10 баллов) у Кипра – 50% респондентов, Сербии – 42%, Польши – 39%, Венгрии – 36%, Австрии – 33% опрошенных. В России 30% респондентов отметили свою очень сильную эмоциональную привязанность к стране, что ниже, чем в перечисленных странах, но сопоставимо с Германией, Швецией и другими развитыми странами.

Эмоциональная связь со своей страной с повышением возраста усиливалась во всех странах Европы, в том числе в России (табл. 2). Самую большую привязанность к своей стране демонстрировала польская молодёжь и взрослое население этой страны [25].

Таблица 2

*Оценка эмоциональной привязанности к своей стране в возрастных категориях разных стран, средний балл по 10-балльной шкале**

Возраст, лет	РФ	Польша	Чехия	Испания	Германия	Швеция
15–24	6,6	7,4	7,2	6,7	6,3	6,2
25–34	6,8	7,9	7,6	7,3	6,9	7,5
45–59	7,4	8,7	7,8	7,8	7,6	8,2

*Формулировка вопроса: «Насколько сильно Вы эмоционально привязаны к своей стране?»

На отношение к своей стране воздействует формирование новых ценностных ориентаций под влиянием распространения интернета, сетевых мобильных связей и отношений, которые всё более заменяют личное реальное общение, в том числе со своим ближайшим окружением, влияя на идентификацию со своей страной. Молодёжь России выбирает и традиционалистские, и современные ценности и обнаруживает тенденцию

к универсализации ценностных ориентаций наряду с европейской молодёжью. Можно сказать об общих тенденциях существования устойчивой эмоциональной связи со своей страной – независимо от страны обитания, о присутствии в сознании жителей стран и традиционных, эмоционально окрашенных, и современных рациональных ценностей. В связи с этим обратим внимание на «взрослую молодёжь» России [26]. По данным нашего последнего опроса молодёжи, наблюдается определённая закономерность. По мере взросления молодёжи возрастает гордость за Россию, её историю, отношение к родине становится более рациональным, осознанным, а эмоциональная компонента начинает сокращаться.

На фоне высокого уровня эмоционального отношения к стране и месту жительства респондентов наблюдается рост рационального восприятия проблем общества с выраженной критической направленностью. Таковы оценки привлекательных и непривлекательных черт России, значимости прав и свобод граждан, критическое отношение к работе управленческих структур и социальных институтов и т. д.

Характерно единодушие в отношении привлекательных и непривлекательных черт России. Индекс привлекательности и непривлекательности страны, составленный на основе четырёх суждений – о красоте природы, природных ресурсах, оценках качеств людей, возможностей для инициативных граждан, продемонстрировал рационально-критическую направленность мнений респондентов (табл. 3).

Таблица 3

Оценка привлекательных и непривлекательных черт России, доля респондентов, давших максимальную оценку (5 баллов из 5), %

Оцениваемые черты России: привлекательные (положительная оценка) / непривлекательные (отрицательная оценка)	Положительная оценка	Отрицательная оценка	Разница положительных и отрицательных оценок
Красота природы / суровый климат	86	18	68
Природные богатства* / низкие темпы развития страны	78	24	54
Добрые, душевные люди / неприветливые люди	30	7	23
Есть возможности для инициативных людей / не любят инициативных людей	42	13	29

* Положительная оценка природных богатств была противопоставлена утверждению о низких темпах развития страны как отрицательная характеристика России, связанная с отраслевыми диспропорциями.

Разница между положительными и отрицательными оценками составила разительный контраст. Природное достояние России оценивается очень высоко, тогда как качества людей, возможности для инновационного поведения – значительно ниже. Чем это не оценка в массовом сознании достоинств и преимуществ страны и необходимости повышения доброжелательности и доверия в обществе и создания благоприятных условий для развития человека?

Во все годы мониторинга своё место занимает проблема соблюдения прав и свобод человека в России. Это один из маркеров рациональных оценок страны в массовом сознании. Важность оценок состояния общества в этом модусе свидетельствует о потребности в развитии демократических основ общества, в соответствии с главой 2 Конституции Российской Федерации. В юридической литературе существует множество классификаций индивидуальных (наряду с коллективными) прав и свобод, среди которых общепризнанной является классификация по сферам деятельности. Данный критерий классификации прав человека является общепринятым в международном и внутригосударственном праве и наиболее распространённым в правовой литературе. Соответственно этим сферам выделяются шесть классов (групп) прав человека: 1) прирождённые, неотчуждаемые права; 2) гражданские; 3) политические; 4) экономические; 5) социальные; 6) культурные [27]. В анкете мониторинга предлагалось оценить важность отдельных прав человека, относимых к этим классам.

Опрос 2023 года показал большой уровень значимости для респондентов большинства перечисленных в анкете прав и свобод, в то же время есть существенные различия в их поддержке (табл. 4). Пять позиций: 1) право безопасности и защиты личности; 2) равенство перед законом; 3) право на труд; 4) право на собственность; 5) право на образование и обучение находятся в приоритете, они в большей или в меньшей степени важны для более 90% опрошенных. Следующая группа прав – право народа на собственный язык, культуру и право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т. д. получила менее 90%, но более 80% голосов; свобода слова, религиозные свободы и свобода совести – в следующей группе, эти права набрали менее 80, но более 70% голосов; и последняя группа прав – наименее актуальная с точки зрения респондентов – право на эмиграцию и свобода объединений, групп, союзов – получила 46 и 53% голосов соответственно.

Как можно видеть, пять верхних позиций занимают права, обеспечивающие основные современные жизнеобеспечивающие потребности населения – занятость, образование, собственность, безопасность и защита законом. Их можно отнести к социально-экономической и правовой сфере общества.

Таблица 4

*Важность соблюдения прав и свобод человека,
доля от числа опрошенных по России, %**

Права и свободы	Оценка степени важности		
	очень важно	довольно важно	очень и довольно важно (суммарно)
Право на образование и обучение	76	18	94
Право на труд	70	23	93
Право на собственность	72	21	93
Право безопасности и защиты личности	62	29	91
Равенство перед законом	72	19	91
Право на тайну личной переписки, телефонных разговоров и т. д.	66	23	89
Право народа на собственный язык и культуру	55	30	85
Свобода слова	40	39	79
Религиозные свободы и свобода совести	43	34	77
Свобода объединений, групп, союзов	24	29	53
Право на эмиграцию	24	22	46

* Формулировка вопроса: «Насколько важно для Вас соблюдение следующих прав и свобод?»

Остальные права и свободы имеют социально-культурное, политическое и демократическое содержание. Они менее актуализированы в массовом сознании, особенно такие права, как свобода объединений, групп, союзов и право на эмиграцию. Разумеется, разделение прав и свобод на сферы условно, они переплетены и взаимосвязаны. Здесь важно подчеркнуть другое – приоритет в списке прав и свобод тех, которые обеспечивают занятость, образование как залог эффективного трудоустройства, право на собственность и безопасность личности как от посягательств со стороны преступников, так и с точки зрения соблюдения законности со стороны государства.

В оценке важности прав и свобод особую позицию занимает молодёжь 18–24 лет, у которой ранжирование прав почти совпадает с общими распределениями по трём массивам – общероссийскому, южному и северо-западному, но значительно отличается своей радикальностью в признании важности «свободы слова» (выше, чем в среднем по России, – на 6 п. п., по югу – на 9 п. п., по северо-западу – на 12 п. п.); «свободы объединений, групп, союзов» (выше, чем в среднем по России, – на 11 п. п., по югу – на 9 п. п., по северо-западу – на 20 п. п.), «права на эмиграцию» (выше, чем в среднем по России, – на 10 п. п., по югу – на 22 п. п.,

по северо-западу – на 16 п. п.). Эти права для молодёжи 18–24 лет менее значимы, чем права экономические и правовые, но рост их значимости по сравнению со всем населением знаменателен, это права человека демократического общества, и они закреплены в российской Конституции и актуализируются во всё большей мере у молодых жителей России. Этот вывод согласуется с мнением Н. Е. Тихоновой, которая на материалах эмпирических исследований показала, что для молодёжи до 25 лет при безусловном приоритете прав человека по отношению к интересам государства характерна бóльшая значимость прав социально-экономического характера, чем политические права и демократические свободы. Но динамика приоритетности прав и свобод столь высока, что можно уже в ближайшем будущем ожидать дальнейших сдвигов в этой области, особенно в крупных городах, и прежде всего в Москве [28].

Массовое сознание населения России довольно противоречиво, оно не монолитно, а дифференцировано в соответствии со структурными характеристиками общества и особенностями исторического этапа развития страны. В нём присутствуют и эмоциональные, и рациональные начала, соотношение которых определяется подвижными ценностными ориентациями и самоидентификационными практиками индивидов. По отношению к выбору модели развития России и своего собственного стремления жить в параметрах той или иной модели выбор большинства населения в 2023 году был вполне определён [29]. Свой – российский, самобытный путь для страны выбрали 61% опрошенных по всероссийской выборке и на северо-западе страны, в южных округах (65%). На втором месте модель, которая вбирает в себя лучшее, что есть в других странах (треть опрошенных выбрали этот путь для страны и примерно столько же хотели бы жить в такой стране). Западный путь развития привлекателен для меньшинства – его выбрали от 3 до 6% опрошенных, они полагают, что Россия должна жить по тем же правилам, что современные западные страны¹.

Проведённое исследование показало, что в массовом сознании населения России присутствуют традиционные и современные, западные и российские ценности. Выбирая самобытный российский путь для страны как приоритетный, респонденты заявили себя сторонниками демократических форм правления, желали бы соблюдения прав и свобод человека, прежде всего в экономической и социальной сферах как наиболее близких повседневным интересам людей. Есть все основания сделать вывод, основанный в том числе и на изучении мнения респондентов моло-

¹ Данные мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН за июнь 2023 г. показали вариативность мнения респондентов относительно пути развития России. В этом году 52% считали, что у России должен быть свой путь развития. Это совпадает с показателем 1992 года, когда страна стояла на перепутье в выборе модели развития, тогда как в более благополучные 2017 и 2020 гг. этот показатель был на уровне 42 и 33% соответственно. См.: [30].

дого и среднего возраста, что самобытный путь для России понимается большинством населения как путь суверенного государства, основанного на традиционных и гуманитарных ценностях, и отнюдь не означает желания жить в традиционном обществе, которое утратило многие свои черты под воздействием десятилетий модернизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сурков В. Долгое государство Путина: О том, что здесь вообще происходит // Независимая газета. 2019. 11 февраля.
2. Лебон Г. Психология народов и масс / Г. Лебон ; пер. с фр. Э. Пименовой, А. Фридмана. М. : Изд-во АСТ, 2018. 384 с. ISBN 978-5-17-101642-5.
3. Ашин Г. К. Доктрина «массового общества». М. : Политиздат, 1971. 191 с.
4. Грушин Б. А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времён Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-я. Эпоха Хрущева. М. : «Прогресс-Традиция». 2001. 624 с. ISBN 5-89826-074-9.
5. Дилигенский Г. Г. Марксизм и проблемы массового сознания // Вопросы философии. 1983. № 11. С. 3–15.
6. Уледов А. К. Духовная жизнь общества. М. : Мысль. 1980. 271 с.
7. Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–57.
8. Кукушкина Е. И., Насонова Л. И. Обыденное и массовое сознание // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1991. № 1. С. 22–33.
9. Ольшанский Д. В. Психология масс. СПб. : Питер, 2002. 368 с. ISBN 5-318-00038-X.
10. Марченя П. П. Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 3 (03). С. 86–90.
11. Горшков М. К. Динамика массового сознания в контексте социальной трансформации // Мониторинг общественного мнения. 2005. № 3 (75). С. 16–23.
12. Виноградова Л. В. Сущностные признаки массового сознания // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 73-1. С. 104–110.
13. Вебер А. Б. Массы и власть: массовое сознание и политическая система в России // Вестник Института социологии. 2015. № 1 (12). С. 60–78.
14. Михайлов В. А., Скудалова О. В. Массовое сознание и средства массовой информации // Вестник ТвГУ. Серия: Философия. 2013. № 4. С. 21–31.
15. Массовое сознание и поведение. Тенденции социально-психологических исследований / А. В. Юревич, А. Л. Журавлёв, В. А. Соснин [и др.]. М. : Институт психологии РАН. 2017. 424 с. ISBN 978-5-9270-0360-0. EDN ZFIOAR.
16. Дробужева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 4 (158). С. 480–498.
17. Злотникова Т. С. Массовое сознание в философской традиции и в современных интерпретациях // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 46–56. DOI 10.21146/0042-8744-2020-10-46-56. EDN YLPPJQ.

18. *Омега-и-Гассет Х.* Восстание масс // Психология масс. Хрестоматия / Сост. Д. Я. Райгородский. Самара : Бахрах, 1998. С. 195–314.
19. *Выжutowич В.* Леонтий Бызов: Россияне хотят порядка в сочетании со справедливостью // Российская газета : [сайт]. 15.05.2014. URL: <https://rg.ru/2014/05/16/obshestvo.html> (дата обращения: 10.02.2024).
20. *Грушин Б. А.* Массовое сознание: опыт определения и проблемы исследования. М. : Политиздат, 1987. 368 с.
21. *Почепцов Г.* Анализ массового сознания для целей операций влияния: от социологов до спецслужб // Psyfactor.org : [сайт]. URL: <https://psyfactor.org/psyops/psyops8.htm> (дата обращения: 01.02.2024).
22. *Канарш Г. Ю.* Справедливость, демократия, капитализм: пути модернизации России в XXI веке. М. : Ленанд, 2020. 304 с. ISBN 978-5-9710-7050-4.
23. *Семёнов В. Е.* Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2008. 484 с. ISBN 978-5-288-04786-2. EDN QOKBQH.
24. *Кашницкий И. С.* Миграция молодёжи в России: влияние на возрастные структуры // Современные исследования миграции населения : сборник статей / Под ред. Е. В. Донец, О. С. Чудиновских. Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. С. 79–93.
25. *Беляева Л. А.* Российская молодёжь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы политической социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27. DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-17-27](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27). EDN JRTZFP.
26. *Беляева Л. А.* «Взрослая» молодёжь в современном социальном пространстве России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22, № 4. С. 812–827. DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827). EDN UYTEOF.
27. *Стремоухов А. В.* Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1 (27). С. 7–17. EDN PJEAXN.
28. *Тихонова Н. Е.* Соотношение интересов государства и прав человека в глазах россиян: эмпирический анализ // Полис. Политические исследования. 2018. № 5. С. 134–149. DOI [10.17976/jpps/2018.05.11](https://doi.org/10.17976/jpps/2018.05.11). EDN YAEIAN.
29. *Беляева Л. А.* Цивилизационная идентичность населения в современной России: поиск исследовательских инструментов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 754–769. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769). EDN FKIWIZ.
30. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 53 этап социологического мониторинга, июнь 2023 года : [бюллетень] / В. К. Левашов, Н. М. Великая, И. С. Шушпанова [и др.]. М. : ФНИСЦ РАН, 2023. 91 с.

Сведения об авторе

Л. А. Беляева

доктор социологических наук,
ведущий научный сотрудник,
и. о. руководителя Центра
AuthorID РИНЦ: [614677](https://elibrary.ru/author_index.action?id=614677)
SPIN-код: [1122-4651](https://elibrary.ru/author_index.action?id=11224651)

Статья поступила в редакцию 04.03.2024; одобрена после рецензирования 11.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.1

MODERN RUSSIA IN COLLECTIVE CONSCIOUSNESS OF THE COUNTRY'S INHABITANTS

Ludmila Aleksandrovna Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS,

Moscow, Russia,

bela46@mail.ru,

ORCID 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Modern Russia in collective consciousness of the country's inhabitants. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):6–26. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.1.

Abstract. The article explores collective consciousness as a theoretical construct, a type of social consciousness and as real attitude of the population towards Russia at the emotional and rational levels. It shows that modern collective consciousness in Russia is a product of mass culture, which actualized during modernization of the Russian society in the economic, political, cultural and everyday spheres of life. Today, it is influenced by mass and high-tech communications, while also reflecting the life experience of different generations. The research methodology is based on the interpretation of collective consciousness as the averaged consciousness of the whole mass of individuals in social groups; it erases individual differences, human characteristics, which in any single case may not be the same as collective consciousness, but impart collective consciousness a qualitative diversity. Empirically, the research is based on representative mass surveys – the Seventh Wave of the Russian Values and Interests Monitoring (Summer 2023), Russian Survey of Young Russian Adults (June 2020), European Social Study (ESS 2018–2019). The research attempts to determine whether the Russian mentality is more emotional than rational towards their “lesser motherland” or birthplace, their oblast/republic/krai, Russia as a country and the author suggests that these properties of mentality constitute characteristics of such a complex psychological phenomenon as Russian patriotism. The article reveals a growing rational perception of the problems of society with outspoken criticism amid high levels of emotional attitude of the respondents to the country and “lesser motherland”. Such is the evaluation of Russia's attractive and unattractive characteristics and the importance of civil rights and liberties, among which the rights that ensure people's basic modern life-supporting needs, such as employment, education, property, security and protection by law, were ranked first with more than 90% of respondents stating their support. There is also a cohort of young people aged 18–24, for whom political rights and democratic freedoms, enshrined in the Russian Constitution, become more important compared to other cohorts.

Keywords: collective consciousness, mass, everyday consciousness, mentality, emotionality, rationality, rights

Acknowledgements: The study is supported by the Russian National Science Foundation, grant No. 23-28-00539 “Values and interests of the Russian population in the context of civilizational challenges (the eighth wave of the All-Russian monitoring)”.

REFERENCES

1. Surkov V. Putin's long state: About what's going on here in general. *Independent Newspaper=Nezavisimaya Gazeta*. 11.02.2019. (In Russ.).
2. Lebon G. Psychology of peoples and masses. (translated from French by E. Pimenova, A. Friedman). Moscow: Izd-vo AST; 2018. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-17-101642-5.
3. Ashin G. K. The doctrine of "mass society" [Doktrina "massovogo obshhestva"]. Moscow: Politizdat; 1971. 191 p. (In Russ.).
4. Grushin B. A. Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life 1st. The era of Khrushchev. Moscow: Progress-Tradiciya; 2001. 624 p. (In Russ.). ISBN 5-89826-074-9.
5. Diligensky G. G. Marxism and problems of mass consciousness [Marksizm i problemy' massovogo soznaniya]. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 1983;(11):3–15. (In Russ.).
6. Uledov A. K. Spiritual life of society [Duxovnaya zhizn' obshhestva]. Moscow: My'sl'; 1980. 271 p. (In Russ.).
7. Prigozhin I. Philosophy of instability [Filosofiya nestabil'nosti]. *Questions of philosophy=Voprosy Filosofii*. 1991;(6):46–57. (In Russ.).
8. Kukushkina E. I., Nasonova L. I. Everyday and mass consciousness [Oby'dennoe i massovoe soznanie]. *Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Science=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12: Politicheskie nauki*. 1991;(1):22–33. (In Russ.).
9. Olshansky D. V. Psychology of masses. St. Petersburg: Piter; 2002. 368 p. (In Russ.). ISBN 5-318-00038-x.
10. Marchenya P. P. Modern approaches to the study of the masses and mass consciousness in history: trends and results. *Modern research on social problems=Sovremennyy'e issledovaniya social'ny'x problem*. 2010;(3):86–90. (In Russ.).
11. Gorshkov M. K. Dynamics of mass consciousness in the context of social transformation [Dinamika massovogo soznaniya v kontekste social'noj transformacii]. *Monitoring of public opinion=Monitoring obshhestvennogo mneniya*. 2005;(3):16–23. (In Russ.).
12. Vinogradova L. V. Essential signs of mass consciousness. *Proceedings of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical=University Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. 2008;(73-1):104–110. (In Russ.).
13. Veber A. B. Masses and power: mass consciousness and the political system in Russia. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik Instituta sociologii*. 2015;(1):60–78. (In Russ.).
14. Mikhailov V. A., Skudalova O. V. Mass consciousness and mass media. *Bulletin of TvSU. Series: Philosophy=Vestnik TvGU. Seriya: Filosofiya*. 2013;(4):21–31. (In Russ.).
15. Yurevich A. V., Zhuravlev A. L., Sosnin V. A. et al. Mass consciousness and behavior. Trends in social psychological research. Moscow: Institut psixologii RAN; 2017. 424 c. (In Russ.). ISBN 978-5-9270-0360-0.
16. Drobizheva L. M. The meanings of the all-Russian civic identity in the mass consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya*. 2020;(4):480–498. (In Russ.).
17. Zlotnikova T. S. Mass consciousness in the philosophical tradition and in modern interpretations. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 2020;(10):46–56. (In Russ.). DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-46-56](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-46-56).

18. Otega-i-Gasset H. Revolt of the masses [Vosstanie mass]. In: Psychology of the masses. Reader Comp. D. Ya. Raigorodsky. Samara: Baxrax; 1998. P. 195–314. (In Russ.).
19. Vy`zhutovich V. Leonty Byzov: Russians want order combined with justice. Rossijskaya gazeta. Available at: <https://rg.ru/2014/05/16/obshestvo.html> (accessed: 10.02.2024). (In Russ.).
20. Grushin B. A. Mass consciousness: experience of definition and research problems [Massovoe soznanie: opy`t opredeleniya i problemy` issledovaniya]. Moscow: Politizdat; 1987. 368 p. (In Russ.).
21. Pocheptsov G. Analysis of mass consciousness for the purposes of influence operations: from sociologists to special services. Psyfactor.org. Available at: <https://psyfactor.org/psyops/psyops8.htm> (accessed: 02.01.2024). (In Russ.).
22. Kanarsh G. Y. Justice, democracy, capitalism: ways of modernization of Russia in the XXI century. Moscow: Lenand; 2020. 304 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-7050-4.
23. Semenov V. E. Russian polymentality and socio-psychological dynamics at the crossroads of eras. St. Petersburg: Izd-vo SPbGU; 2008. 484 p. (In Russ.). ISBN 978-5-288-04786-2.
24. Kashnitsky I. S. Youth migration in Russia: impact on age structures. In: Modern studies of population migration: a collection of articles. Ed. by E. V. Donets, O. S. Chudinovskikh. Moscow: MGU im. M. V. Lomonosova; 2015. P. 79–93. (In Russ.).
25. Belyaeva L. A. Russian youth in an era of change: structural changes and new challenges of political socialization. *Questions of Philosophy=Voprosy Filosofii*. 2020;(10):17–27. (In Russ.). DOI [10.21146/0042-8744-2020-10-17-27](https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27).
26. Belyaeva L. A. “Adult” youth in the modern social space of Russia. *Bulletin of RUDN University. Ser.: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya* 2022;22(4):812–827. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827).
27. Stremoukhov A. V. Bases for the classification of human rights and freedoms. *Leningrad Law Journal=Leningradskij juridicheskij zhurnal*. 2012;1(27):7–17. (In Russ.).
28. Tikhonova N. E. The relationship between the interests of the state and human rights in the eyes of Russians: an empirical analysis. *Polis. Political Studies=Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2018;(5):34–149. (In Russ.).
29. Belyaeva L. A. Civilizational identity in modern Russia: search for research tools. *Bulletin of RUDN University. Ser.: Sociology=Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Sociologiya*. 2023;23(4):754–769. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-754-769).
30. How are you living, Russia? Express information. 53 stage of sociological monitoring, June 2023: [bulletin]. Moscow: FNISZ RAN; 2023. 91 p. (In Russ.).

Information about the Author

L. A. Belyaeva

Doctor of Sociology,
Leading Researcher, Head of the Centre
ResearcherID: [J-8006-2018](https://orcid.org/0009-0001-8006-2018)
Scopus AuthorID: [57193216019](https://orcid.org/0009-0001-5719-3216)

The article was submitted 04.03.2024; proved after reviewing 10.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

УДК 316.77
DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.2.
EDN: HVERVL

Научная статья

МОЛОДЁЖЬ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ: МАСШТАБИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ МЕДИАСРЕД (НА МАТЕРИАЛАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Дмитрий Васильевич Зернов¹

Надежда Владимировна Шалютина²

^{1, 2} Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия,

¹ zernov@fsn.unn.ru,

ORCID 0000-0002-2864-9253

² shalyutina@fsn.unn.ru,

ORCID 0000-0001-6101-4551

Для цитирования: Зернов Д. В., Шалютина Н. В. Молодёжь в социальных сетях: масштабирование социальных взаимодействий и практики формирования индивидуальных медиасред (на материалах региональных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 27–54. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.2. EDN HVERVL.

Аннотация: Актуальность исследования цифровых практик молодёжи в социальных сетях связана как с ростом влияния социальных медиа на все сферы жизни молодёжи, так и с процессами адаптации пользователями цифровых технологий под собственные потребности. Использование студентами социальных медиа рассматривается как коммуникативная практика, находящаяся под влиянием объективных и субъективных факторов. Пользователи выступают как активные субъекты, осуществляющие действия по комбинированию каналов коммуникации на основе, с одной стороны, социотехнических аффордансов социальных медиа, с другой – собственных целей и потребностей. Эмпирической базой анализа выступают данные социологических исследований, проведённых среди студенческой молодёжи Нижнего Новгорода с 2021 по 2023 гг., среди которых: четыре анкетных опроса (2021–2023 гг.) и одна серия глубинных интервью (2023 г.). Триангуляция данных анкетных опросов и материалов глубинного интервью студентов позволяет описать практики медиаиспользования как в количественных данных, так и с точки зрения социальных смыслов взаимодействий. Полученные результаты позволяют выделить основные элементы, формирующие практики использования медиа: 1) выбор цифрового пространства взаимодействий (по параметрам «публичности-приватности») и практики индивидуального комбинирования социальных сетей и мессенджеров; 2) количество используемых аккаунтов; 3) пользовательский контроль над выкладываемой в профиль личной информацией. Через анализ динамики популярности социальных

© Зернов Д. В., 2024

© Шалютина Н. В., 2024

сетей описаны объективные факторы, влияющие на выбор молодёжи цифрового пространства. Делается вывод об усилении тенденции к приватности социальных взаимодействий в цифровом пространстве. Обозначены сценарии конструирования индивидуальной полимедиасреды на основе социотехнических параметров, соответствующих пользовательским мотивам и потребностям. Рассмотрены три основные коммуникационные потребности, удовлетворяемые в социальных медиа: 1) неформальное общение по линии «сильных связей», реализуемое преимущественно посредством мессенджеров; 2) поддержание «слабых связей» путём комбинирования различных медиаканалов и управления количеством участников взаимодействий; 3) формирование «квазисвязей» и наблюдение за «другими». Показано, что удовлетворение этих потребностей мотивирует молодых людей адаптировать свои цифровые практики к различным фреймам социальных взаимодействий, обозначая демаркации между публичным и приватным пространствами. Выявлены две доминирующие стратегии формирования индивидуальной медиасреды. Сделан вывод о масштабировании молодыми людьми цифровых взаимодействий на основе системы социальных ожиданий, потребностей и целей.

Ключевые слова: социальные сети, интернет-практики, масштабирование социальности, конвергенция медиа, коммуникативные потребности, субъектность

Исследовательский контекст

Отличительной чертой современной конвергентной культуры является возможность активного конструирования медиапользователями собственного цифрового пространства в контексте потенциально безграничного доступа к медийным потокам глобального и локального уровней [1]. Информационная избыточность способствует формированию специфических практик использования молодыми людьми социальных медиа. Это практики комбинирования режимов использования (иммерсивного и фоновое, пассивного и активного); одновременного взаимодействия с различными типами контента и формата, исполнение нескольких коммуникационных ролей (источника, передатчика, получателя); выбор типа обратной связи из широкого спектра реакций. Возможность управлять собственным медийным потреблением и адаптировать цифровую среду под собственные потребности сместило акцент в исследованиях медиа.

В первой половине XX в. исследователи были сосредоточены на эмпирическом изучении воздействия медиа на людей и общество (в оптике эмпирического функционализма [2; 3]), отвечая на вопрос: «что медиа делают с людьми?». Во второй половине XX в. в рамках теории «использования и удовлетворения» [4] эмпирические исследования были сконцентрированы вокруг вопроса «что люди делают с медиа?», как люди удовлетворяют свои социальные потребности с помощью медиа. В начале XXI в. актуальным становится выяснение точки пересечения между запросами и мотивами пользователей, с одной стороны, и социотехни-

ческими функциями социальных медиа – с другой. Эта задача решается в рамках теории медиатизации [5; 6], которая рассматривает медиа на макросоциальном уровне как социальный институт, роль которого в обществе усиливается; и на микросоциальном уровне как среду социальных практик, способствующих «приручению технологии» [7]. Возможность выбора медиаканала, его конкретных функций, режимов его использования ставит вопрос о необходимости исследования медиа-практик как практик (осознанных и неосознанных) по преобразованию социального мира в части адаптации цифровой среды к повседневным задачам пользователей.

В этой связи видится необходимым изучение практик взаимодействия пользователей, в частности, студентов, с цифровой средой. Будучи «аборигенами» этой среды, молодые люди, приобщившиеся к цифровому пространству в 9–10 лет [8, с. 265], демонстрируют общие тенденции, связанные с «приручением технологий», управлением своим цифровым поведением и социальными взаимодействиями в онлайн-пространстве.

Теоретико-методологические основы исследования практик конструирования индивидуальной медиасреды

Теоретический анализ цифровых практик необходимо начать с дефиниций того пространства, в котором они реализуются в русскоязычном академическом дискурсе. Это пространство обозначается терминами «новые медиа», «социальные медиа», «социальные сети». Данные термины близки по значению и возникли достаточно случайно, в результате поиска слов для обозначения специфических социальных функций цифровых сервисов на основе технологии web 2.0. С точки зрения функционального подхода термин «социальные медиа» представляется авторам наиболее адекватным, так как акцентирует внимание на интеграции медиа технологий и их социального значения как способа взаимодействия и конструирования смыслов. При этом в повседневной жизни термины «социальные медиа» и «социальные сети» используются как синонимичные, поэтому в процессе анкетирования и интервьюирования авторы применяли привычное респондентам понятие «социальные сети».

В данной статье социальные практики использования молодыми людьми социальных медиа рассматриваются как инструмент коммуникации, позволяющий конвергировать публичный и приватный режимы общения; онлайн и офлайн-взаимодействие; развлекательный и информационный контент; индивидуальный, групповой и массовый уровни коммуникации. В качестве теоретической основы мы рассматриваем коммуни-

кативные практики молодых людей в социальных медиа в оптике теорий и исследований Дэниэля Миллера, Даны Бойд и Марка Гранноветтера.

В антропологических исследованиях Д. Миллера [9], социальные медиа не просто реализуют коммуникативные функции, но формируют экосистемы, охватывающие пространство социального как на публичном, так и на приватном уровнях. Описывая конвергенцию публичного и приватного в социальных медиа, Д. Миллер предлагает понятие «масштабируемой социальности», которая представляет собой процесс выборов субъектами информационных потоков. На основе собственных целей и потребностей пользователи не только выбирают платформу медиавзаимодействия, но и регулируют количество участников, управляя тем самым уровнем приватности.

Анализируя процессы масштабирования социальности, Д. Миллер использует концепт «полимедиа» [10]. С точки зрения Д. Миллера, этот термин, близкий по значению понятию «социальные медиа», не только описывает технологическое пространство, насыщенное разнообразными средствами коммуникации, но и акцентирует внимание на социальных последствиях цифровых взаимодействий. Выбор пользователями определённых технологических и коммуникативных опций социальных медиа конструирует специфические каналы и пространства межличностных отношений и институционализированных взаимодействий. В этих пространствах пользователи, взаимодействуя с сообщением, контактируют и с другими субъектами коммуникативного процесса в разных масштабах: «один пользователь – одному», «один – многим», «многие – одному», «многие – многим». В этой оптике пользователи не рассматриваются как «потребители» информации, а приобретают субъектность, основанную на выборах. Осмысливая медиа как структуру возможностей, пользователи выбирают канал и контент, действия или бездействие, осознавая при этом, что любая активность, например, по отношению к сообщению в социальных медиа, потенциально меняет статус этого поста. В логике Д. Миллера пользовательскую субъектность можно экстраполировать и на другие типы медиа. Например, в зависимости от целей коммуникации можно выбрать уровень контекстуальности: воспользоваться электронной почтой (с низким уровнем контекстуальности) или телефонным звонком (с высоким уровнем). Кроме того, на пользовательский выбор медиа влияют и другие факторы: стоимость услуг связи, техническая возможность доступа, уровень цифровой грамотности.

Подобная трактовка медиасреды смещает ракурс с описания характеристик конкретных каналов социальных медиа как дискретных технологий на анализ полимедиа среды как пространства возможностей (аффордансов). Термин «аффордансы» применительно к цифровому про-

странству был использован Даной Бойд для описания социальных возможностей медиа в смысле создания новых контекстов и архитектуры социальных взаимодействий [11]. Аффордансы представляют собой материально-технические и социально-эстетические характеристики медиа, которые с точки зрения пользователя рассматриваются как возможности взаимодействия с каналами коммуникации. К социотехническим аффордансам относятся: масштаб сети, её функционал, сложившиеся в сообществе практики её использования, репутация канала у других пользователей. Выбор возможностей взаимодействия с каналом влияет на распространение и сохранение информации в социальных медиа, усиливая или ослабляя социальный эффект сообщения. Рассматривая цифровую среду как набор аффордансов, мы подразумеваем, во-первых, что пользователь активен в своём выборе цифрового места (конкретной социальной сети, платформы или мессенджера) и времени, проводимом в цифровом пространстве; во-вторых, он пользуется возможностями комбинирования коммуникационных каналов в зависимости от своих потребностей. Таким образом, в рамках эмпирического анализа большой интерес представляют субъективные процедуры выбора пользователями определённых аффордансов медиа и социальные последствия этого выбора нежели объективные ограничения работы медиаканалов (технологического, экономического, общественно-политического характера).

Преыдушие исследования авторов данной статьи показывают, что основной потребностью, удовлетворению которой служат социальные медиа, является потребность в коммуникации [12]. Таким образом, конструирование индивидуальной медиасреды зависит от социальных связей и межличностных взаимоотношений коммуникаторов. Социальные медиа, в отличие от других средств опосредованной коммуникации, предоставляют возможности настройки масштаба взаимодействий (на микро-, мезо- и макросоциальных уровнях). Соответственно, выбор пользователями канала коммуникации основан на представлениях о предполагаемой аудитории и целях взаимодействия: пользователи разделяют публичные, приватные и групповые каналы коммуникации.

В этом смысле анализ мотивов обращения к социальным медиа как к конструируемой среде взаимодействия видится логичным проводить с опорой на теорию «силы слабых связей» М. Грановеттера [13]. Согласно этой теории, все социальные связи можно разделить на «сильные» (эмоционально насыщенные, доверительные и регулярные, например, «дружба») и «слабые» (неинтенсивные, спорадические, но разнообразные, например, «знакомства» или рекомендованные контакты из социальных медиа). Сильные связи поставляют субъекту информацию, которой он и так уже владеет, при этом они важны для поддержания доверительных отношений

и способствуют межгрупповому сплочению на основе разделяемых интересов, мнений и эмоций. Слабые связи, благодаря своему многообразию, способствуют формированию социального капитала, так как через контакты с малознакомыми людьми происходит обмен действительно новой и потенциально полезной информацией. Как показал анализ М. Грановеттера, в современных обществах именно слабые связи значимы с точки зрения информационного влияния, так как обуславливают скорость и масштаб распространения сообщений. Сильные связи участвуют в организации повседневности индивидов, поэтому важны для реализации социального влияния. С позиций этой теории, социальные контакты, существующие в офлайн-жизни и активно сохраняющиеся в социальных сетях, можно отнести к сильным связям; а те контакты, которые формируются и поддерживаются преимущественно в социальных медиа – к слабым.

Эмпирическая база исследования и методика анализа данных

В данной работе повседневные медиапрактики пользователей рассматриваются как практики взаимодействия, находящиеся под влиянием объективных и субъективных факторов. Соответственно, задачами исследования является, во-первых, выявление объективных факторов выбора того или иного социального медиа. В этом смысле, очевидно, что основной детерминантой, регулирующей в настоящее время медиапрактики российской молодёжи, являются ограничения в работе некоторых социальных медиа. Во-вторых, нас интересуют субъективные практики выбора, связанные со стремлением молодых людей конструировать собственные архитектуры социальных взаимодействий. Для решения этой задачи будут проанализированы инструменты управления приватностью, предоставляемые цифровой средой (количество аккаунтов и полнота заполнения профиля), а также механизмы масштабирования социальности на основе анализа пользовательских социальных потребностей, прежде всего, коммуникационных.

Эмпирической базой являются данные исследований, проведённых авторами среди студентов ведущих вузов Нижнего Новгорода (ННГУ им. Н. И. Лобачевского, Мининский университет, ПИМУ, НГТУ им. Р. Е. Алексеева, ННГАСУ):

- 1) серия глубинных интервью «Социальные сети как источник социально-политической информации»: май–июнь 2023 г., n=45, общая продолжительность 52,6 часа;
- 2) анкетный опрос «Источники знаний о прошлом» (сентябрь–октябрь 2023 г., n=1050, выборка квотная по учебным заведениям, специальностям и курсам обучения);

- 3) анкетный опрос «Социальные сети и проблема качества социально-политической информации»: январь 2023 г., n=512, опрос студентов ННГУ им. Н. И. Лобачевского, выборка квотная по специальностям и курсам обучения;
- 4) анкетный опрос «Фильмы о Великой Отечественной войне: взгляд молодёжной аудитории»: сентябрь–октябрь 2022 г., n=1000, выборка квотная по учебным заведениям, специальностям и курсам обучения;
- 5) анкетный опрос «Трансформация потребления интернет-контента»: октябрь–ноябрь 2021 г., n=1452, выборка квотная по учебным заведениям, специальностям и курсам обучения.

Результаты исследования

1. Объективные факторы формирования индивидуальной полимедиасреды: выбор цифрового пространства

Медиасреда, воспринимаемая пользователями как комплекс афроданасов, то есть социотехнических возможностей, претерпела изменения в результате ограничения доступа и необходимости использовать VPN для работы с некоторыми социальными медиа. Блокировка на территории Российской Федерации одних социальных сетей (Instagram*, Facebook*) и ограничение других (YouTube, TikTok) – сказалась на их рейтинге популярности в молодёжной аудитории.

Пятёрка лидеров рейтинга популярности социальных сетей и мессенджеров у студентов в конце 2023 г. выглядит следующим образом (см. рис. 1). На первом месте – Telegram с 91,9% ежедневных пользователей. На втором месте – ВКонтакте (83,6%). Причем, чаще – это те, кто пользуется здесь мессенджером (78,3%), тогда как новостную ленту ВКонтакте ежедневно читает 69,8% студентов. На третьем месте – YouTube (69,8%), на четвертом – Instagram* (42,2%), а на пятом – TikTok (39,1%).

Всего три года назад ситуация была совершенно иной. Ещё в конце 2021 г. социальная сеть Instagram* достаточно успешно конкурировала с ВКонтакте по количеству ежедневных пользователей (83,6 против 97,3%). В середине марта 2022 г. Instagram* был заблокирован на территории России, что привело к резкому сокращению его активных пользователей. В октябре 2022 г. ежедневно сюда заходило лишь 48,5%, тогда

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

как 23,9% отмечали, что имеют здесь аккаунт, но самой социальной сетью не пользуются. Спустя год (октябрь 2023 г.) ситуация с активными пользователями остаётся прежней: ежедневно сюда продолжает заходить 42,2% студентов. Вместе с тем растёт число тех, кто уже не регистрируется в данной сети (с 9,1% в 2022 г. до 15,5% в 2023 г.).

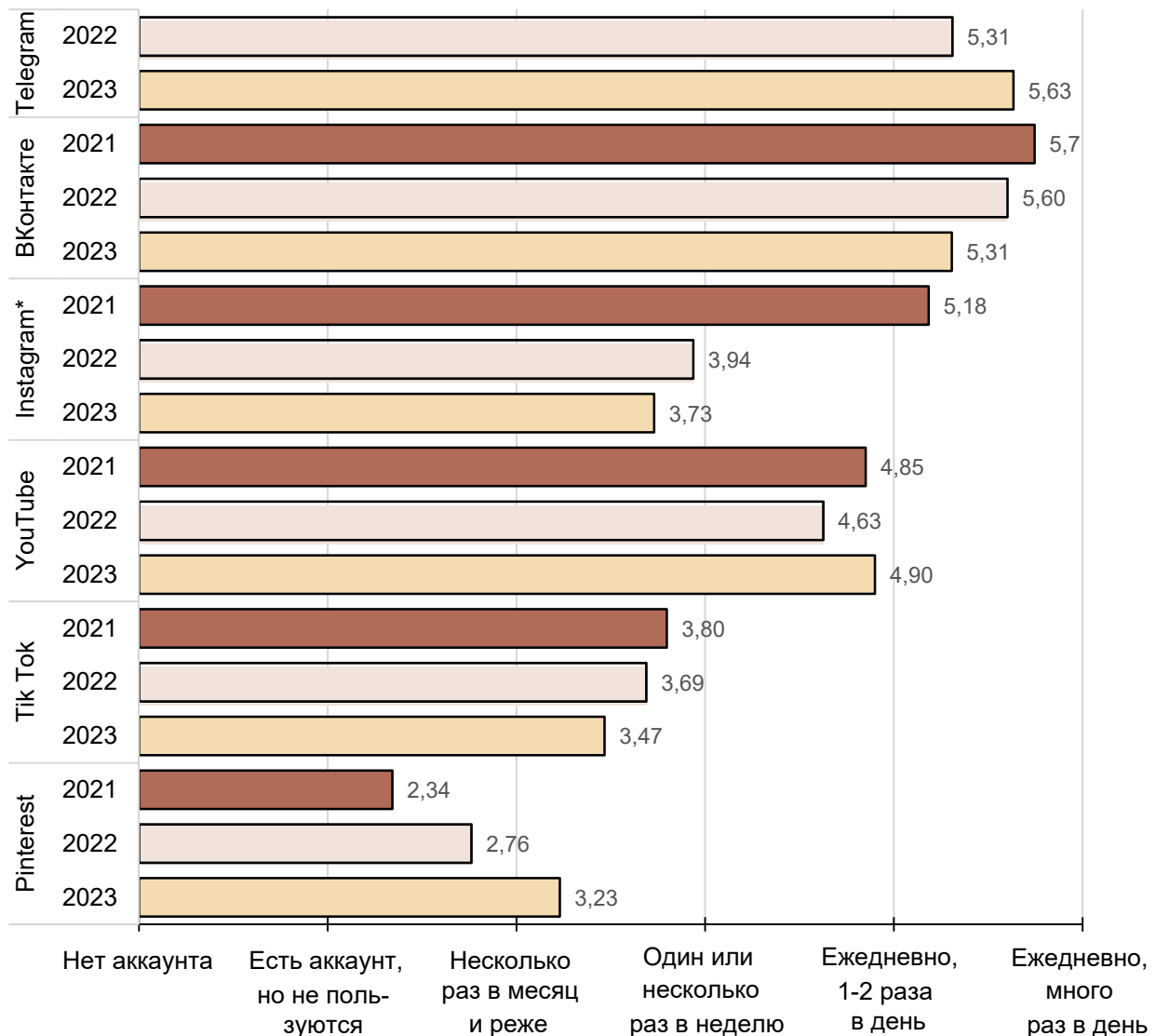

Рис 1. Основные изменения в рейтинге популярности социальных сетей

- Индекс регулярности рассчитан как отношение суммы ответов с присвоенными коэффициентами (где 1 – «Нет аккаунта», 2 – «Не пользуются», 3 – «Несколько раз в месяц и реже», 4 – «Один или несколько раз в неделю», 5 – «Ежедневно, 1–2 раза в день», 6 – «Ежедневно, много раз в день») к общему числу ответов.
- В исследовании 2021 года Telegram авторами не был включён в список оцениваемых социальных сетей, а рассматривался только в качестве мессенджера.

В 2022 году произошёл резкий скачок числа пользователей Telegram. Осенью 2022 г. 84,4% студентов отмечали, что пользуются этим приложением, и значительная часть из них заходят в него несколько раз в день. В рейтинге 2022 года Telegram занял второе место, а по числу активных пользователей уже почти догнал ВКонтакте (включая VK мессенджер) с его 93,2% активных пользователей. С одной стороны, это было связано с некоторой усталостью от привычного и отчасти уже поднадоевшего молодёжи ВКонтакте, а с другой стороны с тем, что как раз в это время Telegram существенно обновил свой функционал и по его характеристикам стал ближе к социальным сетям, чем к кроссплатформенной системе мгновенного обмена сообщениями, каковым он изначально задумывался разработчиками. В рейтинге 2023 года Telegram выходит на первое место. В настоящее время большинство студентов воспринимает Telegram как полноценную социальную сеть: в 2022 году 51,0% студентов однозначно отнесли Telegram к социальной сети (сомневались в этом 17,2%), а в 2023 году – уже 67,6% (сомневаются – 9,1%). Это подтверждают и данные интервью: *«с увеличением числа групп и каналов, Telegram теперь скорее социальная сеть. Сейчас там прямые эфиры можно вести»*.

ВКонтакте, который регулярно публикует информацию о росте аудитории своих пользователей¹, по данным опросов, начинает постепенно терять популярность у студенческой молодёжи. Если в конце 2021 г. ежедневно сюда заходило 97,3% (80,0% по многу раз в день), осенью 2022 г. – 93,2% (75,6% по многу раз в день), то осенью 2023 г. – уже 83,6% (61,0% по многу раз в день).

Несмотря на то что на территории России YouTube работает с некоторыми ограничениями, он достаточно уверенно держит своё третье место. За последние три года число студентов, которые заходят в него ежедневно, не очень сильно изменилось: 68,3% в 2021 году, 62,1% – в 2022 году и 69,8% – в 2023 году. В отличие, например, от Telegram, YouTube реже воспринимается студентами как социальная сеть: *«Я не считаю YouTube соцсетью, это видеохостинг»*. Однако если в 2022 году его называли социальной сетью только 51,2% (однозначно – лишь 22,7%), а сомневались в этом 41,8%, то уже в 2023 году число сомневающихся уменьшилось до 33,0%, а считающих YouTube социальной сетью выросло до 62,0%.

¹ ВКонтакте установила новые рекорды по аудитории и её активности: 53,6 млн ежедневной аудитории в России и 1,1 млрд просмотров клипов в сутки. Новость для прессы от 21 марта 2023 г. URL: <https://vk.com/press/record-march-2023> (дата обращения: 12.11.2023); Ежемесячная аудитория VK ID в России выросла на 14,6% до 91 млн пользователей. Новость для прессы от 5 сентября 2023 г. URL: <https://vk.com/press/id-results-2023> (дата обращения: 12.11.2023).

В 2021 году в России TikTok, по данным ряда аналитиков, занимал третье место по мобильному интернет-трафику¹ и не пользовался у студентов популярностью: ежедневно в него заходило 51,3% студентов. В марте 2022 г. TikTok из-за закона о фейках перестал распространять в России новый контент. К осени 2022 г. более чем в два раза (с 6,0 до 14,2%) выросло число студентов, которые перестали заходить в эту сеть. Число ежедневных пользователей TikTok сократилось сначала до 47,6%, а осенью 2023 г. – до 39,1%.

Таким образом, позиции основных социальных сетей за последние три года претерпели существенные изменения. Запрет одних социальных сетей и ограничение работы других привёл к перераспределению части пользователей между другими сетями. К примеру, функцию размещения фотографий частично берёт на себя Pinterest. Несмотря на то что он существует довольно давно (с 2010 г.), раньше он не имел у молодёжи большой популярности: в декабре 2021 г. ежедневно сюда заходило лишь 10,5%. В конце 2022 г. число ежедневных пользователей Pinterest составляло уже 18,2%, а в 2023 году выросло до 25,4%. И если в 2021 году 47,0% студентов сказали, что не имеют здесь аккаунта, то в 2023 году число таких сократилось до 23,6%.

Важно отметить, что социальные сети стали постепенно передавать мессенджерам функцию коммуникации. Студенты активно критикуют социальные сети и через них собственную жизнь в социальных медиа: сложность контролировать своё время и внимание вследствие чрезмерной погружённости в социальные сети. В интервью молодые люди замечают, что подобное времяпровождение *«довольно бессмысленное, жвачное», что здесь «по сути, тратишь время впустую», тогда как можно «заняться чем-то полезным, например, спортом или рисованием»*. В отличие от социальных сетей, основной аффорданс мессенджеров – не столько потребление информации, сколько коммуникация в относительно частных пространствах. Данные анкетных исследований демонстрируют усиление роли мессенджеров, во всяком случае, они конкурируют с социальными сетями по времени, проводимом в них молодыми людьми. На обмен личными сообщениями у студентов уходит столько же времени, сколько и на чтение новостей в социальных медиа или просмотр роликов (примерно по два часа на то и на другое). Доля тех, кто пользуется чаще мессенджером, чем самой сетью, выше, чем тех, кто пользуется чаще самой сетью, чем её мессенджером (39,1% против 9,0%) (см. рис. 2). Примерно одинаково пользуются и мессенджером, и социальной сетью 43,9%, чаще мессенджером – 39,1%, а чаще социальной сетью, чем её мессенджером – лишь 9,0%.

¹ Черноусов И. Аналитики назвали самые популярные соцсети в России // Российская газета. Специальный проект: Технологии (08.12.2021). URL: <https://rg.ru/2021/12/08/analitiki-nazvali-samyepopuliarnye-socseti-v-rossii.html> (дата обращения: 12.11.2023).

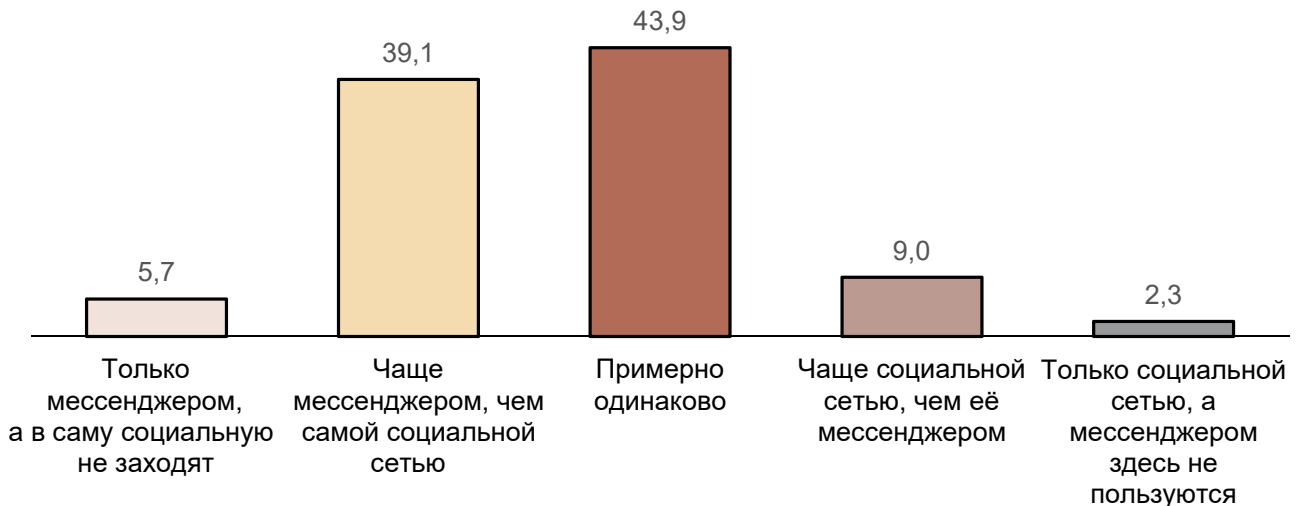

Рис. 2. Сравнение использования мессенджеров социальной сети и собственно социальных сетей (январь 2023 г.), %

Основной объективный фактор, оказывающий влияние на процесс формирования медиасреды молодыми пользователями – это возможности использования социальных медиа и прежде всего доступом к ресурсу. В условиях ограничения доступа или его усложнения, пользователи переключаются на другие платформы со схожим функционалом, то есть принципиальную важность имеет не столько канал коммуникации, сколько те аффордансы, которые он предлагает пользователям. Значение имеют социотехнические характеристики, которые удовлетворяют запросы пользователей: в потреблении информации или в коммуникации, в публичном или приватном взаимодействии, в возможностях саморепрезентации.

2. Способы и факторы конструирования индивидуальной полимедиасреды

Через управление аккаунтами. Цифровая социализация, которую современная молодёжь успешно проходит ещё в раннем возрасте, нивелирует барьеры в использовании ею тех или иных медиаресурсов. Высокая степень медиаграмотности, отсутствие затруднений, связанных с доступом к Интернету, приводят к тому, что молодые люди достаточно легко принимают нововведения, которые активно предлагают разработчики медиа. Студенты не только ориентируются в пространствах электронных медиа, но и активно конструируют медиамир в соответствии со своими потребностями.

Важным инструментом формирования индивидуальной полимедиасреды является возможность выстраивания цифровой идентичности.

Цифровая репрезентация себя позволяет демонстрировать другим пользователям ту личность или её черты и социальные роли, которые необходимы пользователю для решения определённых задач. Основным инструментом этого процесса является механизм управления аккаунтами.

Мало кто из студентов предпочитает проводить время лишь в одной социальной сети или пользоваться только одним мессенджером. По данным анкетного исследования, проведённого осенью 2023 г., свыше 90% из тех, кто ежедневно пользуется ВКонтакте, ежедневно посещают YouTube, Instagram* или TikTok. Как показали результаты опроса в 2021 году, три четверти студентов имеют более одного аккаунта только в одной социальной сети (см. рис. 3):

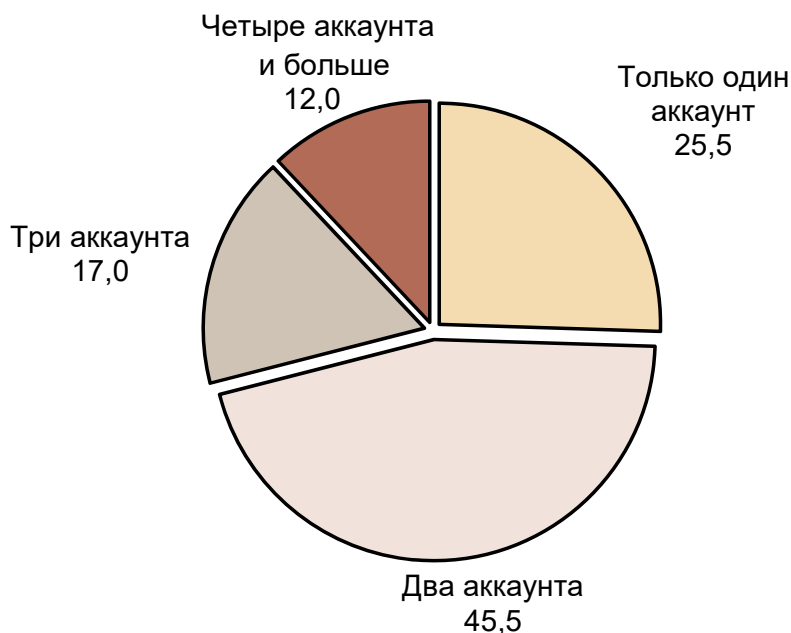

Рис. 3. Число аккаунтов в одной социальной сети (ноябрь 2021 г., n=1452), %

Желание оставаться невидимым в публичном пространстве социальной сети является для молодёжи основной причиной для появления дополнительного аккаунта (см. рис. 4). Так, желание анонимно просматривать чужие профили и страницы входит в число лидирующих поводов завести дополнительный аккаунт (21,8%) и практически не уступает желанию не смешивать работу и учёбу с приватной жизнью (23,4%). Для кого-то из студентов важно через дополнительный аккаунт общаться только с близкими людьми (19,5%), а кому-то, напротив, важно спрятаться от знакомых или родственников (16,5%). Столько же ответило, что заве-

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

ли дополнительный аккаунт, т. к. не хотят публично транслировать свою личную жизнь (16,5%) или чтобы анонимно наблюдать за интересными людьми (17,1%). В число основных причин также вошло желание общаться с теми, кто нравится анонимно (6,7%). В общей сложности на различные основания так или иначе оставаться невидимым указало 67,1% студентов, имеющих несколько аккаунтов, что выше обстоятельств, связанных с работой или оптимизацией своего досуга в социальной сети.

Рис. 4. Основные причины появления дополнительного аккаунта в социальной сети (ноябрь 2021 г., n=1000*), %

* От числа тех, кто имеет дополнительные аккаунты

Молодые люди стараются контролировать информацию о себе в цифровом пространстве, во всяком случае, через заполнение своего аккаунта. По данным опроса, проведённого в январе 2023 г., подавляющее большинство студентов, заполняя свой профиль, оставляет минимальное количество личной информации: имя, дата рождения и несколько фотографий (см. рис. 5). Лишь менее пятой части студентов выкладывают в профили всю личную информацию, включая интересы, увлечения, любимые фильмы и т. д. или даже заполняют все поля, включая необязательные для заполнения.

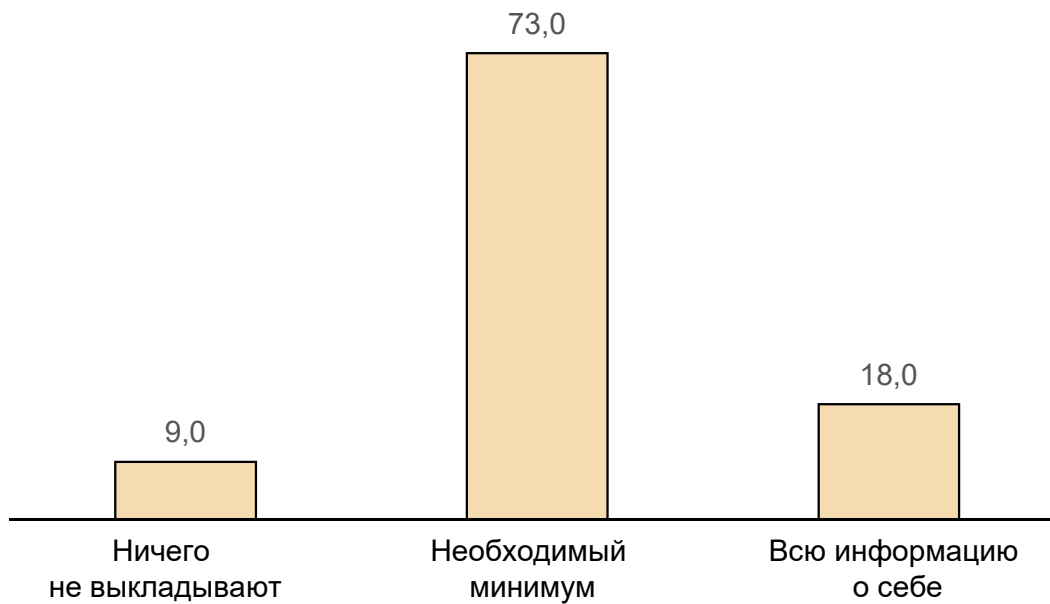

Рис. 5. Информация, которую студенты публикуют о себе, заполняя профиль в социальных сетях (январь 2023 г., n=512), %

Социальные сети, в сущности, функционируют как публичные «вещательные» медиа, так как их аудитория является неограниченной и неопределённой. Именно эта публичность вызывает насторожённость некоторых пользователей и нежелание активно вести свою страницу в социальной сети. Однако, общаясь со своими друзьями лично или в мессенджерах, молодые люди всё-таки имеют аккаунт в одной или нескольких социальных сетях, хотя и оставляют здесь минимум личной информации: «у меня на страницах минимум информации обо мне: имя, фамилия, дата рождения и пара фотографий».

Управление аккаунтами позволяет не только создавать различные идентичности, но и контролировать разные уровни социальных взаимодействий. В оптике Маршала Маклюэна основной функцией любых типов медиа является «расширение себя»: «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением, или новой технологией, в наши дела» [14, с. 9]. Если принять этот тезис, то важным аффордансом социальных медиа является не столько «расширение себя», сколько возможность контролировать это расширение как с точки зрения потребления информации, так и с точки зрения её производства и распространения, особенно это касается информации о себе. Как было указано выше, многие молодые люди испытывают определённые сложности с контролем времени по-

требления в социальных медиа. Что же касается контроля над производством информации, пользователи стараются достичь его, управляя уровнем приватности взаимодействий на основе своих мотивов, целей и потребностей.

Субъективные факторы конструирования индивидуальной медиасреды: цели и мотивы социальных взаимодействий. Говоря об использовании молодыми людьми социальных медиа, мы предполагаем, что ключом к пониманию феномена социальных медиа является само понятие «использование». Создатели цифровых платформ закладывают определённые технические аффордансы в каждую из них, но пользователи при этом самостоятельно выбирают и используют только те, что согласуются с их социальными потребностями. То есть суть социальных медиа находится не столько в технических характеристиках канала коммуникации, сколько в осознанных социальных возможностях его использования: индивидуализации функционала и возможности выбора опций, необходимых для решения конкретных задач. Благодаря этому социальные медиа из коммуникационного сервиса трансформируются в некое подобие экосистемы, новой медиатизированной среды обитания с разнообразными социальными функциями, ресурсами и рисками.

Данные глубинных интервью позволяют не только выделить цели и потребности пользователей, но и раскрыть при этом специфическую черту взаимодействия молодых людей с медиасредой – возможность масштабировать социальность, то есть самостоятельно выстраивать архитектуру социальных взаимодействий, комбинируя различные цифровые платформы на основе своих мотивов и потребностей.

Мотивация пользователей при взаимодействии с медиа, как уже упоминалось ранее, изучается преимущественно теорией «использования и удовлетворения», в рамках которой было разработано несколько классификаций запросов аудитории [15], удовлетворяемых с использованием медиа. К ним относятся: информационные, образовательные, развлекательные, социальные и инструментальные потребности. В статье мы остановимся на социальных потребностях молодых людей, выделив три группы на основе ожидаемого уровня приватности или публичности коммуникаций: неформальное общение по линии «сильных связей», поддержание «слабых связей» и формирование «квазисвязей». Удовлетворение этих потребностей мотивирует молодых людей адаптировать свои цифровые практики к различным фреймам социальных взаимодействий, обозначая демаркации между публичным и приватным пространствами.

Неформальное общение и поддержание «сильных связей». Как показывают результаты исследования, для многих молодых людей характерно осознанное разделение публичного и приватного пространства взаимодей-

ствия. Для поддержания коммуникации в рамках «сильных» связей молодыми людьми используются преимущественно мессенджеры. Несмотря на то, что эти каналы имеют разнообразный технический функционал, они используются главным образом для передачи сообщений конкретному адресату или группе в рамках приватного чата. Наиболее популярные, Telegram, WhatsApp*, Viber и Discord, используются для общения с родственниками и другими близкими людьми: «*WhatsApp* – чтобы общаться с родными*», «*Telegram привязан к номеру телефона, поэтому там общение только с семьёй и близкими*», «*Я использую Viber. Там у нас семейные чаты с родственниками и просто переписываюсь с сёстрами и братиками*». Выбор Telegram в качестве основного канала коммуникации с близкими людьми связан, во-первых, со стремительным ростом его популярности, а во-вторых, с приватностью передаваемых сообщений: «*В Telegram можно создавать частные, закрытые каналы и, соответственно, контролировать подписчиков в них. В Telegram, в принципе, легко делиться информацией прямо в моменте. Также по Telegram я часто общаюсь с родственниками, которые живут в других городах и странах, которые не пользуются WhatsApp*, Viber или ВК*». Однако не стоит забывать и то, что для части молодых людей он продолжает восприниматься исключительно как мессенджер, а не как социальная сеть, где можно вести свой канал или организовать сообщество по интересам: «*Мне кажется, что в Telegram всё больше заточено под личностную коммуникацию. Тем самым, в нём не совсем удобно вести те же условно сообщества, как ВКонтакте*».

В отдельных случаях для поддержания приватного общения используется социальная сеть ВКонтакте. Прежде всего, это связано с масштабностью данного ресурса, с тем, что у многих молодых пользователей здесь зарегистрировано их ближайшее социальное окружение: «*ВКонтакте у меня для общения с друзьями, родственниками, родными. Большинство там зарегистрировано*».

Впрочем, большинство молодых людей не рассматривают ВКонтакте как способ общения с близкими людьми. Для них он скорее «официальный» канал коммуникации, который используется только для учёбы, работы и воспринимается как публичная площадка социальных взаимодействий на мезо- и макроуровнях: личность – группа, личность – институт. Молодые люди рассматривают свои данные в этой сети как некое резюме или публичную репрезентацию себя в цифровом пространстве, поэтому ограничивают распространение собственной информации на этой платформе, используя её преимущественно для взаимодействия с внешними институтами и старшим поколением: «*ВКонтакте сейчас пользуется большим спросом*

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

у взрослого поколения, потому что это именно та социальная сеть, которая может связываться с нашим поколением. Старое поколение сейчас туда переходит, потому что, наверное, Одноклассники – это вообще давно забытая вещь. У меня сейчас в ВК все: мама, родственники. Я, конечно, не буду выкладывать там фотографии, которые их напрягут».

Кроме того, молодёжь рассматривает ВКонтакте как небезопасную сеть, поэтому предпочитают не делиться в ней информацией приватного характера: «Во ВК очень много взломщиков, очень много способов перевести деньги через эти соцсети с помощью каких-нибудь махинаций. ВК для меня намного хуже и главным моментом являются взломы и возможности заполучить частную информацию и соответственно шантажировать ею».

В процессе поддержания сильных связей социальные медиа используются преимущественно как механизмы формирования повестки дня, создания поводов для общения с близкими людьми в рамках доверительных «сильных связей». Алгоритм медиатизированного обсуждения актуальной повестки представляет собой, как правило, отправление конкретным пользователям ссылки на заинтересовавшую информацию в личные чаты и последующее обсуждение в частной переписке или по телефону: «Если я вот что-то вижу, чем хочется поделиться сию секунду, то скидываю пост или ссылку на пост, а если это новость не настолько важная, могу просто написать: «Что думаешь по этому поводу?». Могу, конечно, поискать, где я эту новость увидел, и человеку отправить, чтобы он имел полное представление об этом», «В соцсетях я могу всё, что меня как-то зацепило или что понравилось, скинуть друзьям. Очень часто я кидаю ссылку на видео с YouTube друзьям. Как я уже говорила, reels отправляю в Instagram* и в TikTik также делюсь. В Telegram присылаю посты, надеюсь, мои друзья это смотрят». Здесь важно отметить, что репост информации на своей странице в социальной сети многими молодыми людьми воспринимается как устаревшая практика передачи актуальной информации, прежде всего, из-за того, что переданная таким образом информация, скорее всего, затеряется в ленте: «Репостами я вообще не пользуюсь. Я считаю, что это устарело. Потому что, например, ВКонтакте в ленте, это вообще не попадет. Вряд ли я замечу или ещё кто-то из моих друзей этот репост увидит. То есть это неудобная форма преподнесения информации для друзей».

Таким образом, онлайн-коммуникация становится неотъемлемой частью семейного, дружеского общения и поддержания «сильных связей». Цифровая коммуникация связывает не только сверстников, но и разные поколения, причём молодые люди демонстрируют определённую гиб-

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

кость, подстраиваясь под цифровые привычки старших поколений. Кроме того, в коммуникативных практиках молодёжи чётко прослеживается осознанная демаркация приватного и публичного, забота о собственной цифровой безопасности и рефлексия над своими цифровыми следами.

Масштабируемая социальность и удержание «слабых» связей. Другая важная коммуникативная потребность, поддержание «слабых связей», была переведена социальными медиа на качественно новый уровень. Если в доцифровую эпоху «слабые» связи преимущественно зависели от пространственных контактов субъектов и в этом смысле зачастую носили не публичный характер, то в цифровом пространстве приватность «слабых» связей нивелируется. Присутствие в цифровой среде предполагает публичность, в смысле неограниченного потенциального доступа других людей к индивиду (как в форме реальных контактов, так и в форме предполагаемых контактов и пассивного наблюдения со стороны других пользователей). Осознание потенциальной возможности общаться с неопределённым и неограниченным количеством людей трансформирует практики пользователей и определяет выбор ими того или иного медиа.

Масштаб социального медиа (как потенциальная возможность социальных контактов) является фактором первостепенной важности. Наиболее масштабной русскоязычной сетью, как в представлении пользователей, так и по данным самой сети, приведённым выше, является сеть ВКонтакте, которая по мнению молодых людей, свидетельствует о самом существовании человека в цифровом пространстве: *«Сейчас я пользуюсь ВКонтакте просто для галочки, так как я считаю, что в нём сидит большинство жителей России».*

Социальные масштабы ВКонтакте вызывают у пользователей неоднозначные ощущения. Признавая эту соцсеть пространством, где можно найти «всех», где потенциально связываются субъекты с самыми разнообразными социальными профилями, молодые люди описывают своё присутствие в нём как необходимость, некое свидетельство своего существования в цифровом пространстве: *«Там (ВКонтакте) не хочется ничем делиться, поэтому давно ничего не репостила... Она уже существует как будто не для тебя, а просто, чтобы была. У меня такое чувство, что это просто для других людей, чтобы другие люди знали, что ты есть, для какого-то твоего социального типа. Очень там все официально. Абсолютно всё там есть, как будто это соцсеть, которая объединяет. И взрослые люди, и, младшее поколение есть. Представители всех возрастов».*

ВКонтакте имеет чёткую коннотацию публичной площадки, где требуется тщательно выстраивать репрезентацию себя, поэтому это цифровое пространство не воспринимается молодыми людьми как «личное», «свое».

Студенты не только называют эту сеть «официальным» каналом ком-

муникации, но и подчеркивают его институциональный характер. У многих молодых людей ВКонтакте плотно встроена в учебные процессы: *«В основном ВКонтакте у меня для учёбы. Это самый комфортный промежуточный вариант. И для преподавателей, и для студентов».*

Студенты вполне осознают, что их пользовательские страницы могут просматриваться самыми разными людьми. Особенное беспокойство респондентов вызывает возможность просмотра со стороны учителей, родителей и потенциальных работодателей, т. е., не незнакомых людей, а субъектов, имеющих социальное влияние: *«ВК нужен чтобы передать какую-нибудь важную информацию. Сейчас он для меня официальная соцсеть».*

Для молодых людей значительным условием выбора социального медиа оказывается не столько охват сети, сколько возможность управлять числом участников взаимодействий и уровнем приватности, то есть, параметрами «масштабируемой социальности». Социальные медиа захватывают всё пространство социального между приватным и публичным на основе двух параметров: потенциального размера сообщества и настройками приватности. Молодые люди стремятся контролировать различные коммуникационные потоки, комбинируя на основе своих целей и предполагаемой аудитории разнообразные сети, паблики и чаты. При этом они имеют возможность конструировать различные идентичности, в том числе используя дополнительные аккаунты.

Маневрируя между публичностью и приватностью ВКонтакте, молодые люди используют её как многофункциональный сервис, реализующий не только коммуникативные функции. Впрочем, именно возможность поддерживать самые разные контакты остаётся востребованной: *«У меня ВКонтакте сейчас для всего. Для учёбы, там группы по предметам, группы с куратором. Для общения с роднёй, там все зарегистрированы».*

Кроме поддержания контактов, сформированных офлайн, социальные медиа позволяют на своих площадках выстраивать и онлайн-связи («слабые»). Обыденной практикой стали онлайн-знакомства и общение с подписчиками: *«У меня в Instagram* остались некоторые фолловеры, друзья, с которыми я там познакомилась и общалась. Из Китая, Германии, из Португалии».*

Кроме того, социальные медиа продолжают выполнять функцию репрезентации себя для поддержания новых контактов и отношений, завязанных в офлайн социальном пространстве: *«Instagram* был, и, в принципе, сейчас является как бы визиткой, которой обмениваются люди при знакомстве, когда хотят поделиться чем-то, своими какими-то связями».*

Молодые люди таким образом масштабируют свои социальные взаимодействия в пространстве социальных сетей для реализации коммуни-

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

кативных контактов разного типа: от обозначения своего присутствия в цифровом мире и формирования новых контактов до инструментального использования в учёбе и поддержании «слабых» связей. Встраиваясь в различные социальные институты, социальные медиа способствуют формированию новых социальных практик, целью которых является разграничение различных пространств взаимодействия, демаркация публичного и приватного.

Наблюдение за другими и формирование квазисвязей. Социальные медиа стали для молодых людей пространством наблюдения за другими и, как результат, поиском идентичности. Современные урбанизированные общества, в которых хорошим тоном считается эффект «вежливого невнимания» [16, с. 155], ограничивают возможности индивидов удовлетворять любопытство относительно приватной жизни других людей. Ослабление и уничтожение реальных общинных связей в городской среде, с одной стороны, и появление цифровых сообществ и отношений, с другой, воплотило в жизнь метафору М Маклюэна о «глобальной деревне» [17].

Медиа организуют социальный опыт, передавая «фоновые черты повседневных сцен» [18, с. 47], благодаря чему пользователи получают возможность легитимного наблюдения за жизнью других людей, удовлетворяя своё любопытство и выбирая способы самоидентификации, шаблоны поведения и референтные группы. В удовлетворении этой потребности у студентов лидирует Instagram*: «Instagram* я использую в развлекательных целях: чтобы увидеть, как живут люди, как у них проходит день, а также чтобы показать часть своей жизни», «Использую Instagram* для того, чтобы следить за жизнью своих друзей, знакомых, а также разных известных личностей», «В Instagram* можно напрямую следить за жизнью звёзд и своих близких людей».

Иллюстрации «чужой» жизни интересны пользователям независимо от того, являются ли объекты их внимания публичными персонами или это «обычные» люди, а также независимо от того, кем и с какой целью выложены посты, и хотят ли персонажи делиться информацией о себе: «Слежу, что происходит с селебритиз. Очень интересно это смотреть, наблюдать за чужой жизнью немножко со стороны, а не то, что они <знаменитости> выкладывают сами».

Для одних пользователей возможность наблюдать за чужой жизнью является развлечением, для других – поиском мотивации и вдохновения. Социологический смысл практики наблюдения и в том и в другом случае заключается в нахождении образцов для подражания и самоидентификации, в рефлексии над своим местом в социальной реальности. Эти потребно-

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

сти пользователи удовлетворяют, во-первых, просматривая фото и видео чужой жизни (и здесь лидерские позиции занимают Instagram* и Pinterest), а также читая печатные материалы и посты, иллюстрирующие жизнь «других»: *«Люблю почитать разных блогеров, узнать, что у них там происходит. Можно просто почитать об их жизни, а можно и что-то полезное у них найти по каким-то темам».*

Во-вторых, потребность в самоидентификации удовлетворяется через получение реакций на собственные посты. *«Я просто делюсь своей жизнью. Выкладываю, чем я занимаюсь, как я выгляжу, что я ем. Просто моменты из жизни. Без какой-то информативности, просто чтобы меня оценили, поставили лайк. Чтобы я понимала: я ещё о-го-го! Чтобы какие-то одноклассники, друзья, с которыми почти не общаемся, дальние родственники посмотрели, увидели, как я изменилась. Возможно, в лучшую сторону, это уже им решать. Наверное, хочется получить какую-то оценку. Наверное, все, кто выкладывают хотят этого, ждут оценки».*

Публикация информации о себе не рассматривается пользователями как некий «монолог», квазивзаимодействие с неопределённым кругом лиц. Публикующий пользователь имеет систему ожиданий: обратной связи, поддержки, эмоциональных реакций со стороны других. Таким образом, потребность наблюдать за жизнью других связана с потребностью наблюдения за собой. Сам процесс наблюдений функционален: это не только развлечение, но и самоидентификация, расширение «границ себя» и своих потенциальных социальных контактов (квазисвязей).

Обсуждение результатов

Описанное выше стремление получить обратную связь, выйти в режим диалогического или группового обсуждения заставляет пользователей комбинировать различные платформы и мессенджеры в зависимости от целевой аудитории. Этот процесс был замечен Д. Бойд [19], сделавшей вывод о том, что Интернет является «публичным приватным пространством». Мы наблюдаем, что пользователи, с одной стороны, вполне сознательно масштабируют свои цифровые взаимодействия и, соответственно, регулируют обратную связь. С другой стороны – зачастую не отдают себе отчёта в том, насколько публичным может стать пост благодаря алгоритмам социальной сети. Этот феномен спонтанной, нецеленаправленной популярности в социальных сетях обозначается сленговым глаголом «завируситься», и, по всей видимости, становится предметом беспокойства для многих пользователей. Отсутствие возможности ограничивать распространение

* Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

информации в цифровой среде подталкивает многих пользователей к рациональному взаимодействию с социальными медиа и способствует формированию социальных норм цифрового пространства. Эти нормы направлены на усиление приватности в Интернете. И здесь мы сталкиваемся с парадоксом: с одной стороны, технологии медиа продолжают интенсивно развиваться, предлагая пользователям всё более совершенные способы и каналы коммуникации, как акустические (пятиканальное стерео), так и визуальные (изображение высокой чёткости). При этом сами пользователи зачастую выбирают узкие каналы для частной коммуникации (традиционная переписка через смс, электронную почту или веб-мессенджер) [20].

Как было отмечено ранее, большинство студентов используют для коммуникации преимущественно мессенджеры, то есть приватные каналы общения, что свидетельствует об усталости пользователей от необходимости контроля над собственным контентом в публичном пространстве. Этот факт констатирует постепенное завершение эпохи суперпубличного интернета. Молодые пользователи отдадут предпочтение коммуникации в самостоятельно сформированных и закрытых (или ограниченных) цифровых сообществах.

В зависимости от собственных целей и потребностей и на основе аффордантов, предлагаемых социальными медиа, пользователи формируют собственные медиасреды. Наш анализ выявил две основные стратегии формирования индивидуальной медиасреды.

Первая стратегия – удовлетворение всех медийных потребностей с использованием одной платформы, предоставляющей, по мнению пользователя, максимальное количество опций: *«ВКонтакте сейчас самый удобный, в одном приложении можно найти всё. Там много разных сервисов: и музыка, и новости, паблики разные и мессенджеры, там всё общение с друзьями. Всё сейчас туда перетекает, вплоть до такси. Вообще, огромный функционал, там есть сейчас всё для жизни. Поэтому, наверное, у других приложений популярность снижается: зачем скачивать много разных приложений, сервисов и захламлять телефон, когда можно просто скачать один ВК и найти там всё, что угодно».*

Противоположная и более частая стратегия – формирование персонифицированной полимедиасреды на основе комбинации нескольких цифровых платформ. В рамках этой стратегии пользователи самостоятельно масштабируют свои социальные взаимодействия в зависимости от целей и потребностей: *«Telegram использую для переписки с родственниками, друзьями. Для развлечения, просмотра рилсов, фото, видео смотрю Instagram*, там ещё слежу, что выкладывают друзья, родственники. А ВКонтакте у меня*

*Принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена в РФ.

для информации: смотрю ленту, интересные новости, статьи какие-то научные» или «По *Viber* я общаюсь с родственниками. В *Контакте* – для рабочих переписок, туда я публикую какие-то истории, фотографии различные. *Instagram** – только для фотографий, публикую, делюсь видео с близкими друзьями. А *Telegram* – только для переписок, он удобен как мессенджер, удобно подгружать фото и видео в переписках».

Делая выбор между той или иной стратегией медиаиспользования, студенты стараются подчинить себе цифровую среду, вполне осознанно разделяя публичные и приватные пространства, переключаясь, в терминологии И. Гофмана, между «сценой» и «кулисами» и комбинируя практики потребления и коммуникации на основе своих потребностей.

Заключение

Поколение Z, прошедшее цифровую социализацию, успешно нивелирует объективные барьеры цифрового пространства. Ограничения на некоторые социальные медиа, связанные с началом СВО, несколько изменили профиль медиаиспользования, но не повлияли на основной принцип функционирования молодых людей в цифровом пространстве – использования социальных медиа исходя из собственных потребностей.

Медиапрактики, удовлетворяющие социальные потребности в коммуникации, помещены в социотехнический контекст медиасреды, предоставляющей пользователям набор аффордансов. На основе выбора и комбинирования этих аффордансов молодые люди конструируют персонифицированную полимедиасреду социальных взаимодействий через механизмы управления приватностью. Данный механизм реализуется, как показало наше исследование, посредством, во-первых, создания (или не создания) нескольких аккаунтов на основе различных предъявляемых цифровому пространству идентичностей. Во-вторых, контролем над информационным наполнением своего аккаунта, для представления удобного «образа себя» другим пользователям. В-третьих, комбинированием различных сетей и мессенджеров для разных уровней социального взаимодействия, что позволяет обозначить демаркации между публичным и приватным пространствами и оптимизировать социальные отношения на основе личных интересов.

В сущности, повседневные практики медиаиспользования позволяют молодым людям масштабировать социальность, адаптируя функции конкретных медиа под свои коммуникативные потребности. В данной статье были описаны три группы потребностей, удовлетворяемые в цифровой среде: поддержание «сильных связей» и общение; удержание «слабых связей» и масштабирование социальных взаимодействий; формирова-

ние «квазисвязей» и наблюдение за другими. Полученные данные демонстрируют тенденцию к усилению приватности: сосредотачивая внимание на индивидуализации цифрового пространства, студенты для повседневного общения и поддержания «сильных» связей чаще используют мессенджеры, а не социальные сети. Публичные же площадки востребованы преимущественно не для коммуникации, а для потребления информации. Впрочем, общение там также реализуется: в ситуации квазивзаимодействия молодые люди стремятся превратить монолог в диалог с помощью механизмов обратной связи.

Таким образом, социальные медиа как коммуникативная среда не являются единым и тотальным пространством социальных взаимодействий. Они демонстрируют тенденцию к усилению приватных информационных потоков и представляют собой сеть конвергированных индивидуальных полимедиа сред, формируемых самими пользователями; фактически каждый пользователь живёт в собственной полимедийной среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Дженкинс Г.* Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Пер. с англ. А. В. Гасилина. М. : Рипол-Классик, 2019. 384 с. ISBN 978-5-386-13461-7.
2. *Липпман У.* Общественное мнение / Пер. с англ. Т. В. Барчуковой. М. : Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. 382 с. ISBN 5-93947-016-5. EDN **OXCHMG**.
3. *Lasswell H. D.* The Structure and Function of Communication in Society // The Communication of Ideas. a series of addresses / L. Bryson (ed.). N. Y. : Harper, 1948. P. 37–51.
4. *Blumler J., Katz E.* The Uses of Mass Communications: Current Perspectives on Gratifications Research. Beverly Hills : Sage Publications, 1974. 318 p. ISBN 978-08-039-03401.
5. *Hjarvard S.* The Mediatization of Culture and Society. L. : Routledge, 2013. 192 p. ISBN 978-11-365-80444.
6. *Lundby K.* Mediatization of communication // Handbooks of Communication Science. Vol. 21. Mediatization of communication / K. Lundby. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 3–35. DOI **10.1515/9783110272215.3**.
7. *Domestication of Media and Technology* / Eds. T. Berker, M. Hartmann, Y. Punie, K. Ward. N. Y. : Open University Press, 2006. 255 p. ISBN 978-0335217687.
8. Зернов Д. В. Медиатизация исторической памяти молодёжи и проблемы регулирования фейковой информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 1 (57). С. 265–267. EDN **CDSXCL**.
9. *How the World Changed Social Media* / D. Miller, E. Costa, N. Haynes [et al.]. L. : UCL Press, 2016. 262 p. ISBN 978-1910634493. DOI **10.14324/111.9781910634493**.
10. *Мадиану М., Миллер Д.* Полимедиа: новый подход к пониманию цифровых средств коммуникации в межличностном общении // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 1 (143). С. 334–356. DOI **10.14515/monitoring.2018.1.17**. EDN **YQUCSQ**.

11. *Boyd D.* Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dynamics, and Implications // *Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites*. New York and L. : Routledge, 2010. P. 39–58. DOI [10.4324/9780203876527-8](https://doi.org/10.4324/9780203876527-8).
12. *Зернов Д. В., Шалютина Н. В.* Типология интернет-практик молодёжи в социальных сетях: ориентации и режимы использования // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 4 (68). С. 84–94. DOI [10.52452/18115942_2022_4_84](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_84). EDN [QUAOCE](https://edn.ru/QUAOCE).
13. *Грановеттер М.* Социологические и экономические подходы к анализу рынка труда: социоструктурный взгляд // *Экономическая социология*. 2011. Т. 12, № 2. С. 49–79. EDN [OYTSGN](https://edn.ru/OYTSGN).
14. *Маклюэн М.* Понимание медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М. : «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 463 с. ISBN 5-86090-102-X. EDN [QOCITF](https://edn.ru/QOCITF).
15. Теоретические аспекты изучения медиапотребления российской молодёжи: к пересмотру теории использования и удовлетворения / Д. В. Дунас, С. А. Вартанов, Д. Ю. Кульчицкая [и др.] // *Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика*. 2019. № 2. С. 3–28. DOI [10.30547/vestnik.journ.2.2019.328](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2019.328). EDN [WUWRDF](https://edn.ru/WUWRDF).
16. *Гоффман Э.* Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Пер. с англ. А. Корбута. М. : Элементарные формы, 2017. 382 с. ISBN 978-5-9500244-0-5.
17. *Маклюэн М.* Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего / Пер. с англ. И. О. Тюриной. М. : Академический Проект, 2013. 496 с. ISBN 978-5-8291-1479-4. EDN [VRSDOV](https://edn.ru/VRSDOV).
18. *Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии / Пер. с англ. З. Замчук, Н. Макаровой, Н. Трифоновой. СПб. : Питер, 2007. 335 с. ISBN 5-469-00033-8.
19. *Boyd D.* Social Network Sites: Public, Private or What? // *Knowledge Tree*. 2007. Vol. 13, № 1. P. 1–7.
20. *Hjarvard S.* The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. № 29 (2). P. 105–134.

Сведения об авторах

Д. В. Зернов

кандидат политических наук,
доцент

AuthorID РИНЦ: [326889](https://elibrary.ru/author_index.action?id=326889)

SPIN-код: [8382-0930](https://elibrary.ru/spin_index.action?code=8382-0930)

Н. В. Шалютина

кандидат социологических наук, доцент,
доцент

AuthorID РИНЦ: [876529](https://elibrary.ru/author_index.action?id=876529)

SPIN-код: [7904-4155](https://elibrary.ru/spin_index.action?code=7904-4155)

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию 06.03.2024; одобрена после рецензирования 22.03.2024; принята к публикации 03.04.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.2)

YOUNG PEOPLE IN SOCIAL NETWORKS: SCALING SOCIAL INTERACTIONS AND PRACTICES OF FORMING INDIVIDUAL MEDIA ENVIRONMENTS (BASED ON REGIONAL STUDIES)

Dmitrii Vasilevich Zernov¹

Nadezhda Vladimirovna Shalyutina²

^{1, 2} National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia,

¹ zernov@fsn.unn.ru,

ORCID [0000-0002-2864-9253](https://orcid.org/0000-0002-2864-9253)

² shalyutina@fsn.unn.ru,

ORCID [0000-0001-6101-4551](https://orcid.org/0000-0001-6101-4551)

For citation: Zernov D. V., Shalyutina N. V. Young People in Social Networks: scaling social interactions and practices of forming individual media Environments (based on regional studies). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):27–54. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.2](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.2).

Abstract. The relevance of young people's digital practices in social networks learning is connected both with the growing influence of social media on all spheres of young people's life and with the processes of adaptation of digital technology users to their own needs. Students' use of social media is considered as a communicative practice influenced by objective and subjective factors. The users act as active persons, undertaking actions to combine communication channels based on the one hand, upon the socio-technical affords of social media and on the other hand, on their own goals and needs. The empirical basis of the analysis is the data of sociological research conducted among the student youth of Nizhny Novgorod from 2021 to 2023, including four questionnaire surveys (2021–2023) and one series of in-depth interviews (2023). Triangulation of the data from questionnaire surveys and materials of in-depth interviews of students allows describing media use practices both in quantitative data and in terms of social interactions meanings. The obtained data allow to identify the main elements that shape the practices of media using: 1) the choice of digital space of interactions (according to the parameters of publicity-privacy) and the practice of individual combination of social networks and messengers; 2) the number of accounts used; 3) user control over the personal information posted in the profile. Objective factors influencing young people's choice of digital space are described through analysing the dynamics of social network popularity. It is concluded that the trend towards privacy of social interactions in the digital space is increasing. The paper outlines the scenarios of constructing an individual polymedia environment based on sociotechnical parameters corresponding to user motives and needs. Three main communication needs satisfied in social media are considered: 1) informal communication along the lines of “strong ties”, realised mainly through messengers; 2) maintaining “weak ties” by combining different media channels and managing the number of participants in interactions; 3) forming “quasi-connections” and ob-

serving “others”. It is shown that fulfilling these needs motivates young people to adapt their digital practices to different frames of social interactions, marking demarcations between public and private spaces. Two dominant strategies for shaping individual media environments are identified. It is concluded that young people scale their digital interactions based on a system of social expectations, needs and goals.

Keywords: social media, internet practices, scaling sociality, media convergence, communicative needs, subjectivity

REFERENCES

1. Jenkins H. *Convergence culture: Where old and new media collide*. Transl. from English A. Gasilin. Moscow: Ripol-Klassik; 2019. 384 p. (In Russ.). ISBN 978-5-386-13461-7.
2. Lippman W. *Public opinion [Obshhestvennoe mnenie]*. Transl. from English by T. V. Barchukova. Moscow: Institut Fonda «Obshhestvennoe mnenie»; 2004. 384 p. (In Russ.). ISBN 5-93947-016-5.
3. Lasswell H. The structure and function of communication in society. In: *The communication of ideas*. L. Bryson (ed.). N. Y. : Harper; 1948. P. 37–51.
4. Blumler J., Katz E. *The uses of mass communications: Current perspectives on gratifications research*. Beverly Hills: Sage Publications; 1974. 318 p. ISBN 978-08-039-03401.
5. Hjarvard S. *The mediatization of culture and society*. London : Routledge; 2013. 192 p. ISBN 978-11-365-80444.
6. Lundby K. Mediatization of communication. In: *Handbooks of communication science*. Vol. 21. Mediatization of communication. Eds. K. Lundby. Berlin : De Gruyter Mouton, 2014. P. 3–35. DOI [10.1515/9783110272215.3](https://doi.org/10.1515/9783110272215.3).
7. Berker T., Hartmann M., Punie Y., Ward K. (eds). *Domestication of media and technology*. New York: Open University Press; 2006. 255 p. ISBN 978–0335217687.
8. Zernov D. V. Mediatization of historical memory of youth and problems of regulating fake information. *Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia=Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii*. 2022;1(57):265–267. (In Russ.).
9. Miller D., Costa E., Haynes N., et al. *How the world changed social media*. London: UCL Press; 2016. 262 p. ISBN 978-1910634493. DOI [10.14324/111.9781910634493](https://doi.org/10.14324/111.9781910634493).
10. Madianou M., Miller D. Polymedia: Towards a new theory of digital media in interpersonal communication. Transl. from English A. Paukova, V. Chumakova. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'*. 2018;1(143):334–356. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2018.1.17](https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.1.17).
11. Boyd D. Social network sites as networked publics: Affordances, dynamics, and implications. *Networked self: Identity, community, and culture on social network sites*. New York, London: Routledge; 2010. P. 39–58. DOI [10.4324/9780203876527-8](https://doi.org/10.4324/9780203876527-8).
12. Zernov D. V., Shalyutina N. V. The Typology of young people’s internet practices in social networks: Orientations and modalities of use. *Bulletin of Nizhny Novgorod Lobachevsky University. Series: Social Sciences=Vestnik*

- Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'ny'e nauki.* 2022;4(68):84–94. (In Russ.). DOI [10.52452/18115942_2022_4_84](https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_84).
13. Granovetter M. The sociological approaches to labor market analysis: A social structural view. *Economic sociology=E'konomicheskaya sociologiya.* 2011;12(2):49–79. (In Russ.).
 21. McLuhan M. Understanding media: The extensions of man. Transl. from English by V. Nikolaeva. Moscow: KANON-press-CZ, Kuchkovo pole; 2003. 463 p. (In Russ.). ISBN 5-86090-102-X.
 22. Dunas D. V., Vartanov S. A., Kulchitskaya D. U., et al. Theoretical aspects of studying media consumption of russian youth: Towards a revision of the theory of use and satisfaction. *Bulletin of Moscow University. Series 10: Journalism=Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika.* 2019;(2):3–28. (In Russ.). DOI [10.30547/vestnik.journ.2.2019.328](https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.2.2019.328).
 23. Goffman E. Behavior in public places: Notes on the social organization of gatherings. Transl. from English by A. Korbuta. Moscow: E'lementarny'e formy'; 2017. 382 p. (In Russ.) ISBN 978-5-9500244-0-5.
 24. McLuhan M. The gutenbergalaxy: the making of typographic man. Transl. from English by I. O. Tyurina. Moscow: Akademicheskij Proekt; 2013. 496 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-1479-4.
 25. Garfinkel H. Studies in ethnomethodology. Transl. from English by Z. Zamchuk, N. Makarova, N. Trifanova. St. Petersburg: Piter; 2007. 335 p. (In Russ.). ISBN 5-469-00033-8.
 26. Boyd D. Social network sites: Public, private or what. *Knowledge Tree.* 2007;13(1):1–7.
 27. Hjarvard S. The mediatization of society. A theory of the media as agents of social and cultural change. *Nordicom Review.* 2008;29(2):105–134.

Information about the Authors

D. V. Zernov

Candidate of Politics,
Associate Professor
Scopus AuthorID: [56112413300](https://orcid.org/56112413300)

N. V. Shalyutina

Candidate of Sociology, Associate Professor,
Associate Professor
Scopus AuthorID: [58503011100](https://orcid.org/58503011100)

Contribution of the authors: The authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 06.03.2024; approved after reviewing 22.03.2024; accepted for publication 03.04.2024.

КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО РЕГИОНА: ИНФРАСТРУКТУРА И ПОТРЕБЛЕНИЕ УСЛУГ НАСЕЛЕНИЕМ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)

Ксения Евгеньевна Косыгина

Вологодский научный центр РАН,
Вологда, Россия,
sene4ka.87@mail.ru,
ORCID 0000-0001-5875-8912

Для цитирования: Косыгина К. Е. Культурный потенциал современного российского региона: инфраструктура и потребление услуг населением (на примере Вологодской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 55–77. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.3. EDN LVAZRL.

Аннотация. Объектом анализа в статье является культурный потенциал российского региона в контексте развития инфраструктуры и потребления населением услуг культурно-досугового назначения. Цель исследования – выявить количественные и качественные характеристики различных составляющих сферы культуры региона. Эмпирической основой выступают данные статистики, отчёты органов власти, государственные программы и проекты, а также материалы мониторинга общественного мнения населения Вологодской области за 2022 год (n=1500). Методология анализа опирается на ресурсный подход к изучению культурного потенциала региона. Анализ данных статистики показывает негативные тенденции в части сокращения числа культурно-досуговых учреждений в регионе, снижение потребления некоторых видов услуг за 2000–2022 гг., отставание муниципальных районов и сельских территорий от крупных городов в развитии инфраструктуры культуры и досуга. Позитивные изменения связаны с реализацией комплексной государственной культурной политики как со стороны федерального центра, так и со стороны региональной власти: выявлен рост общих бюджетных расходов на культуру при недостаточной доле внебюджетных источников финансирования. В качестве эффективного ресурса нивелирования проблем с привлечением внебюджетных источников приведены примеры участия частных инвесторов в рамках государственно-частного и государственно-муниципального партнёрства. Результаты социологического опроса зафиксировали позитивные изменения в оценках населением общей ситуации в культурно-досуговой сфере региона, выявили спектр востребованных услуг культуры, досуга и спорта, высокий уровень удовлетворённости их качеством, который превосходит среднероссийские показатели. Установлено, что старшее поколение, категория жителей с низким уровнем образования и малообеспеченные жители проявляют меньшую активность в потреблении услуг культурно-досугового профиля. С повышением возраста сокращается посещаемость всех предложенных к выбору учреждений сферы. Комплекс

результатов анализа обосновывает потребность использования более дифференцированного подхода к разработке национальной и региональной культурной политики с ориентацией на социально-демографические категории населения, учитывая их потребности.

Ключевые слова: культурно-досуговая инфраструктура, культура, потенциал, регион, социологическая диагностика, территории, потребление услуг

Введение

В современных реалиях развитие и сохранение культурного потенциала страны и её регионов обрело статус стратегического приоритета. Перестройка государственной политики в области культуры началась с 2014 года, когда были приняты Основы государственной культурной политики, утверждённые указом Президента РФ № 808 от 24.12.2014, и через два года, в 2016 году, Стратегия государственной культурной политики до 2030 года. В Стратегии значительное внимание уделяется реализации культурной политики на региональном уровне и отмечаются негативные тенденции в системе инфраструктуры культурно-досугового назначения «региональные диспропорции в развитии культуры проявляются в зависимости от обеспеченности объектами культуры, финансирования и доступности культурных благ для широких слоёв населения... региональные различия в развитости инфраструктуры продолжают оставаться значительными»¹.

Продолжением стратегических инициатив по развитию отрасли является разработка и реализация с 2019 года национального проекта «Культура», в рамках которого действуют федеральные проекты «Культурная среда», «Цифровая культура» и «Творческие люди», нацеленные на расширение доступа и приобщение граждан к культурным ценностям за счёт строительства новых объектов культуры и улучшения их технического состояния, оснащения современной техникой и внедрения цифровых технологий. В национальном проекте ключевой ориентир – это развитие инфраструктуры культуры. Так, из трёх федеральных программ, входящих в нацпроект, самой высокочатратной является «Культурная среда» [1]. При этом особое место отводится формированию инфраструктуры в российских регионах, в частности реновации и строительству организаций культурно-досугового типа, поддержке добровольчества в сфере культуры, развитию региональных и муниципальных библиотек. Как отметил Президент РФ В. Путин, «национальная программа в сфере куль-

¹ Стратегия государственной культурной политики на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 года № 326-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/AsA9RAyYVAJnoBuKgH0qEJA9Ixp7f2xm.pdf> (дата обращения: 22.12.2023).

туры должна получить сильное региональное измерение, стимулировать повышение качества и разнообразие культурной жизни в малых городах и посёлках страны»¹.

Немаловажно то, что необходимость развития инфраструктуры культуры обусловлена прямыми, а также косвенными социально-экономическими эффектами для региона и его населения. В первую очередь, в исследованиях отмечаются такие эффекты, как развитие человеческого капитала [2; 3; 4]; создание уникальной культурной среды территориального сообщества [5; 6]; формирование и укрепление благоприятного имиджа административно-территориальных образований для внешних и внутренних стейкхолдеров [7; 8], повышение качества жизни граждан. Кроме того, культура является способом самовыражения и самоидентификации населения [9].

Таким образом, проблемы развития культурного потенциала региона и его муниципальных образований являются актуальными и востребованными для научного осмысления, учитывая то, что региональная культура в России подвергается значительным изменениям в рамках национальной политики сохранения, создания и развития инфраструктуры культурного назначения [10]. Цель настоящего исследования состоит в выявлении количественных и качественных характеристик культурного потенциала российского региона в контексте развития инфраструктуры культурно-досугового назначения и потребления услуг культуры и досуга населением (на материалах Вологодской области).

Теоретико-методологическая часть: обоснование категорий

В научной литературе существует несколько основных подходов к изучению культурного потенциала. С одной стороны, термин «культурный потенциал» относится к индивидуальному уровню человека и отражает ценностно-мировоззренческие установки, ориентиры и потребности [11; 12]. Согласно определению из терминологического словаря, культурный потенциал представляет собой «сформированную во взаимодействии с социально-культурной средой потребность и способность индивида и (или) группы взаимодействовать с миром материальных и духовных ценностей, способность понимать и критически оценивать разные типы и формы культуры, находиться в контексте культуры на протяжении всей жизни и создавать свои собственные культурные ценности»². В дан-

¹ Заседание Совета по культуре и искусству // Президент России : [сайт]. 15 декабря 2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/59416/work> (дата обращения: 20.12.2023).

² Культурный потенциал // Терминологический словарь. 2005. URL: <https://yuvnologicheskyy.academic.ru/143> (дата обращения: 21.12.2023).

ной трактовке культурный потенциал является структурным элементом человеческого потенциала, этот аспект рассматривается в работе В. А. Лапшина [13]. Вопросы социокультурного развития личности изучаются Р. А. Литвак, которая анализирует процессы индивидуального освоения культуры, включая социальные потребности личности и ориентацию на социально-культурные ценности, присвоение опыта социально-культурных отношений, существующих в окружающем мире [14]. Уровень культуры человека выражается в конкретных моделях поведения или в идеях и убеждениях, лежащих в их основе [15]. В свою очередь, население рассматривается как носитель культурного потенциала [16].

С другой стороны, культурный потенциал определяется исследователями как совокупность накапливаемых ресурсов культуры, средств, источников, запасов и возможностей, которые находятся в природе или создаются обществом в форме материальных и духовных результатов человеческого труда, а также сохраняются в качестве культурных ценностей и объектов культурного наследия [17]. По мнению исследователей, ресурсы культуры выступают «катализатором» возрождения определённой территории, создавая как прямую, так и косвенную экономическую ценность [18]. Д. Тросби рассматривает экономические аспекты культуры и культурный контекст экономики и показывает, каким образом осуществляется оценка культурных благ в экономическом отношении [19]. В трактовке Т. В. Кузьменко «социокультурный потенциал региона представляет собой совокупность материальных, социальных, кадровых, духовных ресурсов, а также потенциальные возможности их использования в решении стоящих перед обществом задач культурного, социального и экономического развития» [20, с. 304].

Культурный потенциал региона в статье понимается с позиции отмеченного ресурсного подхода. В качестве ресурса рассматривается та политика, которая направлена на создание и сохранение инфраструктуры культурно-досугового назначения в регионе [21]. К объектам данной инфраструктуры относятся сеть организаций культуры, досуга и спорта. Ориентируясь на ресурсный подход, будем рассматривать культурно-досуговую инфраструктуру региона как комплекс объектов, функционально обеспечивающих удовлетворение ключевых потребностей и интересов населения в культурно-досуговой сфере и создающих благоприятные условия для развития культурного потенциала региона.

С точки зрения выявления тенденций, закономерностей развития культурно-досуговой инфраструктуры в регионах учёные обращаются

к доступным данным официальной статистики, хотя некоторые важные аспекты не могут быть полностью охвачены этой информационной базой. Для полноты анализа требуется использование социологического инструментария, который позволяет распознать особенности и оценить актуальное состояние общества в изучаемой сфере [22].

Информационная и эмпирическая база исследования

Выбранный автором статьи количественный и качественный методический подход, предполагает выполнение двух этапов, необходимых для достижения поставленной цели.

На первом этапе осуществлялся анализ статистических данных для выявления количественных характеристик культурного потенциала Вологодской области в части рассмотрения развития инфраструктуры культурно-досуговой сферы. В качестве информационной базы были взяты данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области за 2000–2022 гг., а также ведомственные отчёты и материалы государственных исполнительных органов власти в регионе. Выбранный период даёт возможность выявить ключевые изменения в долгосрочной динамике.

На втором этапе анализа рассматривались качественные характеристики инфраструктуры сферы культуры в субъективных оценках жителей Вологодской области. Использованы данные мониторинга общественного мнения за 2022 год, объём выборочной совокупности которого составил 1500 респондентов. Опрос проводился по случайной выборке с квотным отбором единиц наблюдения. Репрезентативность обеспечивалась соблюдением следующих условий: пропорции между городским и сельским населением; половозрастная структура взрослых жителей области. Население опрашивалось в двух крупных городских округах (Вологде и Череповце), трёх районах и пяти муниципальных округах региона. Метод опроса – анкетирование. В инструментарий мониторинга общественного мнения блок вопросов, отражающих «Культурные ориентации и запросы населения», включён в 2022 год. В составе исследовательского коллектива автор участвовал в определении целей и задач программы исследования и формировании общей методической концепции данного блока вопросов.

В качестве эмпирических индикаторов основных изучаемых признаков выступают: оценки населением состояния сферы культуры в регионе, отношение к процессу государственного управления в отрасли, активность жителей в использовании услуг культурно-досуговой сферы; удовлетворённость качеством предоставляемых услуг; оценки проблем посещения

населением учреждений и мероприятий культуры. Данные опроса анализировались с учётом распределения по социально-демографическим показателям (пол, возраст, образование, доход, тип поселения), что позволило определить проблемные категории населения. Использовались двойные распределения; расчёты выполнены с помощью программного пакета SPSS.

Результаты

Общий контекст: состояние и проблемы развития сферы культуры в Вологодской области. Вологодская область расположена на северо-западе России. Согласно административно-территориальному делению в составе региона преобладают сельские территории и малые города. В Вологодской области только два крупных города (численность населения более 100 тыс. чел.) – Вологда и Череповец, тринадцать малых городов (численность населения менее 50 тыс. чел.) Постоянное городское население на 2022 год составляет 818,6 тыс. чел. (72,5%), сельское – 310,1 тыс. чел. (27,5%)¹.

Регион обладает значительным культурным потенциалом и историческим наследием. В регионе расположены 860 объектов культурного наследия (245 объектов федерального значения, в том числе 20 объектов археологического наследия, 614 объектов регионального значения и один объект местного значения) и 189 особо охраняемых природных территорий, в том числе три – федерального значения. Территория области включает 11 исторических городов России².

Несмотря на существенный историко-культурный потенциал Вологодской области, состояние инфраструктуры культурно-досуговой сферы характеризуется отрицательными изменениями в долгосрочной динамике по некоторым показателям. За 2000–2022 гг. более чем на 30% сократилось количество библиотек и библиотечный фонд, на 44% – число организаций культурно-досугового типа и уменьшилась обеспеченность населения местами в данных учреждениях, наблюдается спад посещаемости кинозалов. При интерпретации данных следует учитывать активное развитие современных цифровых технологий и переход к самообслуживанию населения культурными благами при помощи медиаконтента. Так, физическая востребованность кинозалов и библиотек снижается за счёт

¹ Городские и муниципальные округа (районы) Вологодской области. Социально-экономические показатели. 2022 // Вологдастат : [сайт]. URL: <https://35.rosstat.gov.ru/folder/55314/document/221708?ysclid=lvlau2qcsv515791645> (дата обращения: 21.01.2023).

² О Стратегии социально-экономического развития Вологодской области на период до 2030 года (с изменениями на 30 октября 2023 года) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/444743929/titles/2B7A610> (дата обращения: 21.01.2023).

использования населением этих услуг в сети Интернет. Общее количество пользователей российских онлайн-кинотеатров в 2023 году насчитывало 36,7 млн, а рост за год составил 41%. Лидером по числу пользователей остаётся «Кинопоиск» – им пользуются 9,1 млн чел.¹ Однако, как показывают данные статистики, вырос интерес населения региона к театрам и музеям, что свидетельствует о меняющихся досуговых и культурных предпочтениях (см. табл. 1).

Таблица 1
Динамика основных показателей сферы культуры Вологодской области

Показатель	2000	2022	Изменение 2000–2022, %
Число общедоступных библиотек	733	473	-35,5
Библиотечный фонд, тыс. экз.	10232	6902	-32,5
Число организаций культурно-досугового типа (клубы, дома культуры, музыки и др.) единиц	802	449	-44,0
Число мест в организациях культурно-досугового типа, на 1000 человек населения, единиц	96	49	-49,0
Число киноустановок с платным показом, единиц	510	28	-49,0
Число посещений киносеансов, тыс.	741	64	-94,5
Число профессиональных театров, единиц	6	5	-91,4
Число посещений театров**, тыс.	189	241	29,6
Число музеев, единиц	26	40	53,8

* Уменьшение в связи с оптимизацией объектов

**В показатели по театрам не включены данные по народным, любительским коллективам.

И с т о ч н и к: Составлено автором по: Вологодская область в цифрах. 2022: крат. стат. сб. / Вологдастат. Вологда, 2023. 130 с.

Анализ количественных показателей развития сферы культуры в Вологодской области позволяет сделать вывод о том, что дальнейшее сокращение учреждений культурно-досугового типа способно привести к негативным последствиям, в том числе сказаться на удовлетворении духовных потребностей, развитии творческого потенциала, проведении рационального досуга и, как следствие, – качества жизни населения.

В то же время один из наблюдаемых трендов – рост объёма предоставления платных услуг культуры населению области: с 888,2 млн руб. в 2018 году до 1453,4 млн руб. в 2022 году (на 64%). Однако в общей структуре потребляемых платных услуг культурные услуги занимают только девять

¹ Отчёт ИАА TelecomDaily: число подписчиков ОК за полгода выросло на 23% // Telecom Daily : [сайт]. URL: <https://telecomdaily.ru/news/2024/01/31/iaa-telecomdaily-chislo-podpischi-kov-ok-za-polgodu-vyroslo-na-23> (дата обращения: 02.02.2024).

тое место. В 2022 году на них приходилось всего 1,9% от общего объёма оказанных платных услуг, для сравнения: в 2018 году – этот показатель составил 1,5%. В структуре платных услуг населению преобладают базовые услуги жизнеобеспечения: жилищно-коммунальные, телекоммуникационные, транспортные и бытовые услуги. По состоянию на 2022 год в регионе объём платных услуг в сфере культуры на душу населения составляет 1271 руб. (в расчёте на месяц – 106 руб.)¹. Результаты исследований показывают, что выявленные тенденции увеличения объёма предоставления платных услуг в культурно-досуговой сфере характерны не только для Вологодской области, но и для России в целом [23].

Создание условий для развития культуры, обеспечение гражданам региона доступа к культурным ценностям и участия в культурной жизни является целью региональной культурной политики, которая основывается на законодательстве Российской Федерации и субъекта РФ. В 2019 году в Вологодской области принят закон «О традиционной народной культуре Вологодской области». В регионе, как и на уровне федерального центра применяется проектный принцип работы. Аналогично структуре Национального проекта «Культура» в регионе реализуются три региональных проекта с идентичными названиями и целями («Культурная среда», «Цифровая культура», «Творческие люди»), их финансирование в 2022 году составило 139,9 млн руб., в том числе за счёт федерального бюджета – 113,6 млн руб., за счёт областного бюджета – 22,7 млн руб., местного бюджета – 3,6 млн руб. В 2023 году – 293,3 млн руб. Рост выделенных бюджетных средств наблюдается более чем в два раза. Финансирование региональных проектов осуществляется преимущественно за счёт федерального бюджета. Среди долгосрочных программных документов регионального уровня в области развития культуры необходимо выделить основную государственную программу «Развитие культуры, туризма и архивного дела Вологодской области», расходы по которой за счёт всех источников составили 3 115 353 тыс. руб.² Однако доля показателей, по которым достигнуты плановые значения в 2022 году составила только 81%.

Отдельные муниципальные программы приняты в таких крупных городах, как Вологда и Череповец. Необходимо отметить, что на уровне муниципальных районов и округов программы создания условий для развития культуры в области не обновлялись с 2013 года. Тем не менее в регионе реализуется комплекс мероприятий, нацеленных на развитие инфраструктуры сельских территорий в рамках программ Губернатора

¹ Структура и объём платных услуг населению Вологодской области в 2000–2022 гг. // Вологдастат. URL: https://35.rosstat.gov.ru/torgovlya_i_uslugi (дата обращения: 21.12.2023 г.)

² Публичный годовой отчёт о результатах деятельности Департамента культуры Вологодской области за 2023 год // Департамент культуры и туризма Вологодской области : [сайт]. URL: https://depcult.gov35.ru/dokumenty/detail.php?ELEMENT_ID=142476 (дата обращения: 10.02.2024).

области: «Сельский дом культуры», «Сельская библиотека», «Культурный экспресс», «Детская школа искусств – вектор развития».

Анализ статистики, нормативно-правовой базы и отчётов органов власти показал, что документы, необходимые для выполнения поставленных целей и задач в культурно-досуговой сфере, в основном приняты и реализуются. Однако несмотря на проведение комплексной политики по улучшению инфраструктуры культуры и досуга Департаментом культуры Вологодской области в регионе фиксируются проблемы недостаточного развития материально-технической базы учреждений в сельской местности; нехватки специалистов с профильным образованием в муниципальных учреждениях; неравномерности обеспеченности жителей центральных и отдалённых территорий региона услугами в сфере культуры и досуга. Следует обратить внимание на то, что отмеченные проблемы обуславливаются объективными причинами: сокращением численности населения в сельской местности, оптимизацией системы расселения, урбанизацией, снижением общего количества малых населённых пунктов, укрупнением муниципальных образований.

Инфраструктура сферы культуры, досуга и спорта в регионе в оценках населения. Анализ данных мониторинга показывает, что в 2022 году среди населения преобладает мнение, что ситуация в сфере культуры в Вологодской области за последний год не изменилась. Исключение составляет г. Череповец, в котором отмечен рост позитивных оценок жителей: 35% респондентов считают, что состояние инфраструктуры культурной сферы в регионе за последний год улучшилось. В г. Вологде такого мнения придерживаются 21% опрошенных, напротив, 24% дали отрицательный ответ. Вариация удельного веса нейтральных оценок по области составляет от 40 до 54%.

Существенный разрыв в оценках состояния сферы культуры в территориальном разрезе требует дополнительного пояснения. Резкое превышение положительных оценок над отрицательными у жителей г. Череповца, в то время как во всех других территориях эти оценки уравновешены, может объясняться эффектом более благоприятного социально-экономического положения города и более высоким уровнем жизни населения, относительно г. Вологды и муниципальных районов и округов [24]. Г. Вологда является административным центром области, а в г. Череповце сосредоточены крупные промышленные предприятия («Северсталь», «ФосАгро»), в которых благодаря финансовым возможностям градообразующих предприятий расположились учреждения культуры и спорта, удовлетворяющие современным требованиям. Например, Музей металлургической промышленности ПАО «Северсталь», спроектированный с использованием интерактивных технологий; инновационный музейный комплекс на территории АО «Апа-

тит», предприятия группы «ФосАгро». Также в г. Череповце в наибольшей степени развита концертная деятельность, где действуют шесть концертных залов, для сравнения: в г. Вологде только четыре. Вместе с тем, вероятно, что на оценки населения оказывает влияние и муниципальная культурная политика. Бюджетирование сферы культуры в г. Череповце составляет 2 737,44 руб. чел., в г. Вологде 2 001,35 руб. чел.¹

Распределение ответов в зависимости от социально-демографических характеристик показывает, что гендерная принадлежность не оказывает влияния на оценки состояния инфраструктуры сферы культуры в регионе. Отмечают улучшение в отрасли респонденты, относящие себя к категории наиболее обеспеченных, со средним специальным и высшим образованием. Ухудшение состояния сферы культуры чаще отмечают респонденты из группы наименее обеспеченных, молодёжь до 30 лет, лица со средним и н/средним образованием.

Следует отметить, что в инструментарии опроса имелся уточняющий вопрос о направлениях, в которых ситуация улучшилась. Субъективные оценки показали, что положительные изменения произошли в области внедрения современных цифровых технологий, доступности мероприятий, открытия новых культурных объектов, проведении концертов и фестивалей.

Кроме того, опрос выявил и предпосылки ухудшения ситуации в сфере культуры в стране и регионе, в том числе и в тех направлениях, которые относятся к прерогативе органов государственного управления. Наиболее значимыми причинами неблагоприятных процессов в культурно-досуговой отрасли, по оценкам населения, являются: снижение уровня жизни населения, проблемы финансирования объектов культуры, деградация общего интеллектуального и культурного уровня населения, а также снижение уровня образования, отсутствие качественного преподавания основ культуры в школе (см. табл. 2).

Посещаемость учреждений является важным показателем развития инфраструктуры культурно-досугового назначения, что отражает и уровень доступности тех или иных видов услуг для населения. Результаты опроса демонстрируют, что в регионе наиболее востребованными у жителей являются городские праздники (85%), кафе, рестораны, бары и клубы (71%), кинотеатры (70%) и музеи (62%). В рейтинге посещаемости наименее популярны клубы по интересам (46%), спортивные учреждения, залы (54%), а также театры (57%). В то же время, несмотря на их меньшую востребованность, доля пользующихся услугами данных учреждений культуры и спорта в среднем по региону достаточно высокая.

¹ Индекс качества жизни в городах России. 2023 // ВЭБиндекс : [сайт]. URL: <https://citylifeindex.ru/> (дата обращения: 10.01.2024).

Таблица 2

*Предпосылки ухудшения ситуации в сфере культуры в стране
и регионе в оценках респондентов, %*

Вариант ответа	Область (среднее)
Снижение уровня жизни населения	37,5
Низкий уровень финансирования объектов культуры	27,3
Деградация общего интеллектуального и культурного уровня населения	24,5
Снижение уровня образования / отсутствие качественного обучения культуре в школе	22,1
Высокая стоимость билетов / отсутствие льгот для отдельных слоёв населения	21,3
Интернет / отсутствие цензуры в Интернете	16,7
Правительство не занимается развитием культуры	11,7
Безграмотность / ненормативная лексика	11,2
Низкое качество проводимых мероприятий	8,3
Другое	1,2
Затруднились ответить	21,3

Социально-демографический профиль аудитории потребителей услуг в разрезе объектов культурно-досуговой сферы выглядит следующим образом. Женщины являются более активными потребителями любых услуг в регионе, связанных с культурой и досугом. В большей степени женщин привлекают музеи, городские праздники и кинотеатры, а в меньшей – клубы по интересам и спортивные залы. Необходимо подчеркнуть, что спортивные организации – единственный объект культурно-досуговой сферы, который привлекает больше мужчин, чем женщин.

Данные опроса свидетельствуют, что с повышением возраста сокращается посещаемость всех из предложенных к выбору учреждений или мероприятий в сфере культуры, досуга и спорта. Возрастной фактор оказывает наибольшее влияние на потребление услуг спортивных учреждений, зон отдыха и развлечений в торговых центрах, кафе, ресторанов, баров и клубов: население старше 56 лет меньше потребляет данные услуги, чем молодёжь до 30 лет. Обращает на себя внимание одна особенность: на посещаемость музеев, театров и библиотек возраст влияет незначительно по сравнению с другими институтами социально-культурной деятельности.

Характеристика потребителей услуг по образованию, позволяет говорить о высоком уровне образованности аудитории вне зависимости от ви-

дов деятельности. Фиксируется, что с повышением уровня образования растёт и спрос на услуги организаций в культурно-досуговой сфере.

Представляет интерес распределение оценок в зависимости от принадлежности респондентов к той или иной доходной группе. Наиболее обеспеченные респонденты проявляют высокий уровень активности в посещении учреждений инфраструктуры культуры, досуга и спорта, по сравнению с наименее обеспеченными. Низкодоходная группа жителей реже пользуется услугами музеев, клубов по интересам, кинозалов, театров, спортзалов. Незначительная разница выявляется между 20% наименее обеспеченных и 20% наиболее обеспеченных в посещении библиотек и городских праздников. Скорее всего, причиной этому является то, что данные виды деятельности не предполагают финансовых затрат. Сеть библиотек является единственным видом учреждений культуры, предоставляющих бесплатные услуги населению.

Распределение общественного мнения респондентов в зависимости от территории проживания показывает, что зрителей кинозалов и театров существенно больше в крупных городах региона (в г. Вологде и г. Череповце), чем в районах области. Аналогичная тенденция характерна и для посетителей музеев, что, вероятно, свидетельствует о проблемах с доступом к этим культурным благам у жителей сельской местности. Кинотеатры, театры и музеи преимущественно расположены в крупных городах региона. По общероссийским данным количество посещений киносеансов в селе и в городе отличается в 20 раз, что говорит о недоступности для сельского населения услуг кинопоказа при его высокой востребованности. В сельской местности отмечается недостаток общественных зон отдыха, доступных условий для занятий спортом¹, что также подтверждают данные опроса об их посещаемости в Вологодской области. Обращает на себя внимание тот факт, что в муниципальных районах достаточно высокая доля посетителей библиотек (см. табл. 3). Возможно, объяснением причин такого распределения ответов является то, что в муниципальных районах на базе домов культуры, сельских клубов и общеобразовательных школ сохранилась достаточно широкая сеть библиотек. Кроме того, в области ведётся работа по созданию модельных библиотек на селе в рамках национального проекта и региональных программ².

¹ Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности услуг культуры для населения». Счётная палата Российской Федерации 29 июня 2021 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/1fa/24gq7ws9u2tox2e5sqpy7lpitstlil7.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

² Публичный годовой отчёт о результатах деятельности Департамента культуры Вологодской области за 2023 год // Департамент культуры и туризма Вологодской области : [сайт]. URL: https://depcult.gov35.ru/dokumenty/detail.php?ELEMENT_ID=142476 (дата обращения: 10.02.2024).

Таблица 3
Социально-демографический профиль аудитории потребителей услуг
в разрезе объектов культурно-досуговой сферы *, %

Учреждения культуры, досуга и спорта	Социально-демографические группы											Территории			
	Пол		Возраст			Образование			Доходные группы			Вологда	Череповец	Районы	Область
	Мужчины	Женщины	До 30 лет	31-55 лет	56 и более	Среднее и н/среднее	Среднее специальное	Высшее, послевузовское	20% наименее обеспеченных	60% средне-обеспеченных	20% наиболее обеспеченных				
Кинотеатры	66,5	73,4	81,0	74,5	61,0	58,1	71,2	82,2	54,4	68,5	84,9	87,4	86,9	50,9	70,3
Музеи	51,8	96,4	68,5	61,3	59,1	48,2	63,2	73,7	42,6	62,6	77,2	81,1	70,1	45,4	61,5
Театры	47,1	65,7	64,8	57,0	54,9	40,7	60,2	71,8	39,9	58,7	72,8	81,3	67,7	37,7	57,3
Библиотеки	52,3	64,7	71,3	56,6	57,7	49,6	62,1	65,7	55,7	60,1	65,3	69,4	55,0	55,8	59,2
Городские праздники	81,1	88,5	90,7	88,2	79,4	78,3	87,7	89,7	84,9	83,4	93,0	86,1	93,1	80,1	85,2
Клубы по интересам	45,1	47,3	63,0	47,9	37,9	31,5	49,9	57,9	27,5	48,0	62,0	64,6	49,6	34,0	46,3
Спортивные учреждения, залы	54,4	53,1	79,6	59,1	37,2	39,0	55,5	67,8	39,8	52,0	68,8	73,5	61,8	37,7	53,7
Зоны отдыха и развлечений в торговых центрах	54,7	62,0	70,4	67,8	43,3	46,4	60,7	69,9	56,1	59,0	65,1	72,7	72,3	43,0	58,8
Кафе, рестораны, бары, клубы	68,8	72,8	85,2	80,7	53,7	59,2	72,3	82,2	60,9	66,7	84,6	86,9	82,2	55,5	71,0

* Формулировка вопроса «Как часто Вы пользуетесь услугами учреждений в сфере культуры, досуга и спорта (участвуете в мероприятиях)?». Представлены суммарно доли ответов: «несколько раз в месяц», «несколько раз в год», «реже, чем раз в год».

Таким образом, по итогам опроса составлен социально-демографический профиль посетителей учреждений культурно-досугового типа в регионе. Наиболее вовлечённые пользователи – женщины, молодое поколение (до 30 лет) и лица среднего возраста (31–55 лет), с высоким уровнем образования и дохода, представители крупных городов. Соответственно, «проблемные» группы – население старшего возраста (56 и более), низкодоходные группы, со средним и неполным средним образованием, жители муниципальных районов/округов и сельской местности.

Анализ удовлетворённости населения качеством оказываемых услуг в сфере культуры, досуга и спорта выявил, что жители практически в полной мере удовлетворены предоставляемыми услугами. Общий уровень удовлетворённости по всем учреждениям составил 72–84%. Максимальное значение в среднем по области зафиксировано в отношении деятельности библиотек и кинотеатров (84%), минимальное – клубов по интересам (72%). По среднероссийским данным уровень удовлетворённости значительно меньше и составляет 55,2%¹.

При рассмотрении данных в распределении по полу и возрасту существенных различий в удовлетворённости работой учреждений культуры, досуга и спорта не отмечается. Однако уровень образования, доходы и тип территории проживания респондентов оказывают влияние на оценки. Наиболее высокая удовлетворённость наблюдается у населения с высшим образованием, жителей крупных городов региона и благоприятным материальным положением (см. табл. 4).

Характеризуя степень развития инфраструктуры культурно-досугового назначения в регионе и уровень доступности услуг культуры для населения, необходимо обратить внимание на причины непосещения данной сети учреждений. Результаты опроса в среднем по области показали, что основными барьерами являются финансовые трудности (31%), отсутствие свободного времени (28%), а также нежелание посещать данные мероприятия (27%). Представляет интерес распределение обозначенных выше причин по социально-демографическим характеристикам респондентов. Финансовые трудности мешают приобщаться к культуре в большей степени женщинам и наименее обеспеченным группам жителей. Со снижением доходов уменьшается и интерес к культурным благам. Аналогичная зависимость выявляется по уровню образования: чем выше образование, тем больше потребность в получении услуг культурно-досуговой сферы. Отсутствие свободного времени является основной причиной для молодёжи и респондентов среднего возраста, а также низкодоходных групп и респондентов с более высоким уровнем образования. В условиях экономических трудностей малообеспеченная часть населения и молодёжь вынуждены заниматься поиском дополнительной занятости.

Высокая доля людей старшего поколения отмечает, что у них отсутствует желание посещать организации сферы культуры, досуга и спорта. Вместе с тем с возрастом ухудшается физическое и психологическое самочувствие, что также выступает ограничением в потреблении услуг. Однако у данной группы больше свободного времени.

¹ Отчёт о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности услуг культуры для населения». Счётная палата Российской Федерации 29 июня 2021 г. URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/1fa/24gq7ws9u2tox2e5sqpy71pitstlil7.pdf> (дата обращения: 21.12.2023).

Таблица 4
Оценки населением качества услуг учреждений (мероприятий) в сфере культуры, досуга и спорта в регионе *, %

Социально-демографические группы	Учреждения культуры, досуга и спорта								
	Кинотеатры	Музеи	Театры	Библиотеки	Городские праздники	Клубы по интересам	Спортивные учреждения, залы	Зоны отдыха и развлечений в ТЦ	Кафе, рестораны, бары, клубы
Пол									
Мужской	80,1	75,5	75,2	80,3	77,4	70,8	78,5	72,6	75,4
Женский	86,7	82,1	83,2	87,1	80,3	73,3	82,4	77,3	79,3
Возраст									
До 30 лет	79,5	72,9	77,2	79,5	75,8	72,6	82,2	74,4	77,7
31–55 лет	84,2	78,9	79,0	84,9	78,8	72,5	81,2	77,8	79,5
56 и более	84,8	81,9	81,5	84,8	80,6	71,7	79,4	72,3	75,2
Образование									
Среднее и н/среднее	72,3	69,2	69,3	77,0	73,8	60,9	69,6	65,5	66,7
Среднее специальное	88,7	83,4	83,9	87,5	82,4	77,4	85,0	78,9	82,0
Высшее, послевузовское	89,9	84,5	85,5	87,6	80,5	77,8	87,3	81,4	84,1
Доходные группы									
20% наименее обеспеченных	64,1	63,1	64,3	72,5	64,1	53,9	65,4	58,9	59,3
60% среднеобеспеченных	86,1	78,8	80,0	83,6	80,7	74,8	80,1	77,6	78,8
20% наиболее обеспеченных	91,4	92,5	90,3	90,2	90,3	83,9	91,4	88,0	89,5
Территории									
Вологда	90,9	83,2	89,8	89,8	77,9	77,1	89,6	78,4	87,6
Череповец	93,0	90,3	89,8	91,9	90,8	86,1	89,6	87,2	90,0
Районы	74,4	70,6	68,1	76,3	72,9	61,5	70,5	66,6	64,8
Область	83,7	79,2	79,7	84,1	79,0	72,2	80,7	75,2	77,6

*Формулировка вопроса «Оцените, пожалуйста, качество услуг учреждений в сфере культуры, досуга и спорта региона».

Представлены суммарно варианты ответов «удовлетворён и скорее удовлетворён».

Особое внимание следует уделить территориальному разрезу. В крупных городах, по сравнению с районами, среди причин, ограничивающих получение услуг, выделяются отсутствие свободного времени и финансовые трудности. Напротив, в муниципальных районах основная причина – безразличие к разному виду услуг культуры, досуга и спорта (см. табл. 5).

Таблица 5

Препятствия для посещения учреждений в сфере культуры, досуга и спорта *, %

Причины, мешающие посещать учреждения/ мероприятия культуры, спорта	Социально-демографические группы															
	Пол		Возраст			Образование			Доходные группы				Территории			
	Мужчины	Женщины	До 30 лет	31–55 лет	56 и более	Среднее и н/среднее	Среднее специальное	Высшее, послевузовское	20% наименее обеспеченных	60% средне-обеспеченных	20% наиболее обеспеченных	Вологда	Череповец	Районы	Область	
Отсутствие свободного времени	25,5	30,0	33,8	35,8	16,2	22,3	27,8	34,3	34,2	25,9	32,0	37,0	32,8	20,1	28,0	
Финансовые трудности	24,6	36,6	32,9	31,4	30,3	28,1	32,2	33,0	39,0	32,8	16,5	41,1	30,9	25,8	31,2	
Не устраивает низкое качество предоставляемых услуг/мероприятий	5,5	5,9	7,4	5,8	5,1	3,3	5,4	8,9	7,4	6,6	1,8	9,3	5,4	3,9	5,7	
Не устраивает ассортимент предлагаемых услуг/мероприятий	4,9	4,9	6,0	4,9	4,5	3,7	4,2	7,3	6,6	5,1	5,1	7,1	5,9	3,2	4,9	
Не получают своевременной информации о таких услугах/мероприятиях	6,0	6,6	6,9	7,5	4,7	5,4	5,3	8,9	7,0	5,6	6,6	26,4	12,3	18,9	19,1	
Не до этого, есть другие важные дела	21,2	17,5	14,8	20,3	19,3	16,5	20,1	20,5	15,8	19,9	15,8	26,4	12,3	18,9	19,1	
Плохое физическое и психическое самочувствие	8,2	9,4	4,6	4,2	16,2	9,7	10,2	6,4	6,3	10,8	8,1	9,1	8,4	9,0	8,9	
Нет желания	29,1	24,5	20,8	23,8	32,1	33,7	26,8	18,4	30,5	27,2	19,9	16,6	22,0	34,8	26,5	
Ничто не мешает, посещают в достаточной мере	17,4	18,6	24,1	18,7	15,0	13,2	20,8	20,0	5,9	15,6	33,5	16,9	28,9	12,5	18,1	

* Формулировка вопроса «Назовите причины, которые мешают Вам посещать учреждения / мероприятия культуры, спорта настолько, насколько Вам бы хотелось».

Примечание: респондентам предоставлялась возможность выбора нескольких позиций.

Несмотря на то, что меньшая часть опрошенных указала на проблемы с получением информации о культурных услугах и мероприятиях, нельзя недооценивать такие факторы, как низкое качество и ассортимент. Предполагается, что дополнительные усилия по повышению качества предоставляемых услуг и расширение ассортимента, а также более активное информирование регионального сообщества о существующих мероприятиях и возможностях сделает их более привлекательными для жителей.

Заключение

Анализ данных статистики, характеризующих культурный потенциал Вологодской области в части развития инфраструктуры, позволяет зафиксировать ряд накопившихся проблем. Прежде всего, это сокращение числа организаций культурно-досугового типа и снижение потребления некоторых видов услуг в долгосрочной динамике с 2000–2022 гг., несмотря на принятые и реализуемые государственные проекты и программы. Социально-культурная инфраструктура сельских территорий региона нуждается в изменениях ввиду низкой материально-технической базы учреждений и доступностью культурных благ в виде кинозалов и театров и ограниченных возможностей для проведения рационального, интеллектуального досуга и занятий спортом.

Показатели финансирования сферы культуры позволяют сделать вывод о росте общих расходов на культуру за последние годы с использованием источников федерального и регионального бюджета, однако остаётся незначительной доля внебюджетных источников.

В этой связи для решения выявленных проблем особое значение приобретают проекты государственно-частного и муниципально-частного партнёрства, эффективно работающих в российских регионах. Пилотные практики показали, что в настоящее время культура становится одним из факторов, определяющих инвестиционную привлекательность территории. Например, создание современных музеев крупными предприятиями «Северсталь» и «ФосАгро» в г. Череповце. Между тем, инвестирование бизнеса в культурно-досуговую сферу осложняется мониторингом характером ряда культурных благ, когда отдельные виды культурной деятельности имеют общественно полезный, социально значимый характер, однако лишены коммерческих возможностей – издержки производства объективно превышают цены на производимые культурные блага и услуги. Поэтому необходимо привлекать частных поставщиков из числа организаций некоммерческого сектора, миссия деятельности которых также социальная и не направлена на получение прибыли. Данные организации аккумулируют ресурсы из различных источников (бюджет, бизнес,

благотворительность граждан и др.) и выступают посредником в сетевом взаимодействии в создании условий развития культуры в регионах. Если бизнес в большей степени готов вкладываться в инфраструктуру крупных городов, то некоммерческие организации реализуют проекты и на малых территориях, и в сельской местности. Примером такого партнёрства с государством выступает грантовая деятельность Президентского фонда культурных инициатив, который распределяет средства на проекты в сфере культуры, искусства, креативных индустрий. Примером партнёрства с бизнесом является деятельность крупных благотворительных фондов. Так, Фонд Тимченко предоставляет поддержку некоммерческим организациям в рамках масштабного проекта «Культурная мозаика малых городов и сёл»; Фонд Потанина реализует программы по финансированию проектов «Музей без границ», «Музей 4.0» и др.

По результатам опроса общественного мнения выявлено преобладание умеренно-положительных оценок состояния культурно-досуговой сферы в Вологодской области, а также востребованность у населения услуг культуры, досуга и спорта. Зафиксирован высокий уровень удовлетворённости качеством оказываемых услуг, который превосходит среднероссийские показатели.

Данные опроса населения позволили определить не только положительные тренды в развитии культурно-досуговой инфраструктуры, но и проблемы. Выявлены диспропорции между муниципальными образованиями в разрезе «крупный город – муниципальные районы»: услуги культурно-досуговых учреждений для сельского населения, в частности районов, оказываются менее доступными, чем для населения крупных городов региона.

Кроме того, анализ результатов исследования позволяет установить, что старшее поколение, категории жителей с низким уровнем образования и малообеспеченные жители проявляют меньшую активность в потреблении услуг культурно-досугового профиля. Результаты исследования, полученные при анализе данных, представляют собой социологическое обеспечение управленческой стратегии, ориентированной на более дифференцированный подход к разработке национальной и региональной культурной политики с учётом специфики позиций представителей конкретных социально-демографических групп населения, специфических потребностей «проблемных» категорий жителей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Груздева М. А., Ипатова С. С. Развитие региональной сферы культуры в контексте целей национального проекта «Культура» // Социальное пространство. 2019. № 5 (22). DOI [10.15838/sa.2019.5.22.11](https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.11). EDN [DYKVHS](https://www.edn.ru/10.15838/sa.2019.5.22.11).
2. Weckroth M., Kemppainen T. Human capital, cultural values and economic performance in European regions // Regional Studies, Regional Science. 2016. Vol. 3, № 1. P. 239–257. DOI [10.1080/21681376.2016.1177467](https://doi.org/10.1080/21681376.2016.1177467).

3. *Латова Н. В.* Досуговые предпочтения российских специалистов как фактор наращивания человеческого потенциала // Социологический журнал. 2022. Т. 28, № 1. С. 80–100. DOI [10.19181/socjour.2022.28.1.8839](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8839). EDN ACUBDE.
4. *Каверина Н. А.* Ведущая роль культуры в развитии человеческого капитала и новой экономики // Человеческий капитал и профессиональное образование. 2017. № 3 (23). С. 10–16. EDN ZNEOGR.
5. *Горшков М. К., Комиссаров С. Н., Карпухин О. И.* На переломе веков: социодинамика российской культуры : [монография] / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпухин ; ФНИСЦ РАН. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с. ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-390-4.2022). EDN ZNLAIZ.
6. *Флиер А. Я.* Культурологическая интерпретация социальной реальности // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 3 (47). С. 39–46. EDN WNCUVB.
7. *Булочников П. А.* Развитие сферы культуры как комплексный фактор конкурентоспособности регионов // Петербургский экономический журнал. 2019. № 2. С. 17–28. EDN UWLJBW.
8. *Леонидова Е. Г.* Приоритеты и угрозы развития регионального туризма // Регионология. 2022. Т. 30, № 3 (120). С. 624–646. DOI [10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646](https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646). EDN EEJSZZ.
9. *Латова Н. В.* Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. 2016. № 4 (19). С. 155–179. DOI [10.19181/vis.2016.19.4.433](https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433). EDN XWETNN.
10. *Карпухин О. И., Комиссаров С. Н.* Динамика инфраструктуры культуры // Социально-гуманитарные знания. 2022. № 4. С. 8–22. DOI [10.34823/SGZ.2022.4.51811](https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.4.51811). EDN NUQLCC.
11. *Ирхен И. И., Орешкова О. А.* Ценностно-мировоззренческая ориентация личности: опыт культурной концептуализации // Вестник Костромского государственного университета. 2014. Т. 20, № 7. С. 257–261. EDN UBKQRF.
12. *Латова Н. В.* Социокультурные ценности российских горожан: модернизация vs традиционность // Terra Economicus. 2022. Т. 20, № 4. С. 99–114. DOI [10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114). EDN SXTYUA.
13. *Лапшин В. А.* Структурные компоненты человеческого потенциала // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 1. С. 259–263. EDN QYUCJX.
14. *Литвак Р. А.* Социокультурное развитие личности в системе общественных отношений // ЦИТИСЭ. 2018. № 2 (15). URL: <https://ma123.ru/en/2018/06/sociocultural-development-of-the-person-in-the-system-of-public-relations/>. EDN VBLDLL.
15. *D'Andrade R.* Some kinds of causal powers that make up culture // Explaining Culture Scientifically / Ed. M. J. Brown. London : University of Washington Press, 2008. P. 19–36.
16. *Baculáková K., Grešš M.* Spatial Distribution Model for Targeting the Support for Cultural Institutions' Development: A Case Study of Slovakia // Muzeológia a kultúrne dedičstvo. 2021. № 9 (3). P. 93–112. DOI [10.46284/mkd.2021.9.3.5](https://doi.org/10.46284/mkd.2021.9.3.5).
17. *Чернышова О. А.* Организационно-экономические аспекты использования культурного наследия в региональном туризме // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2010. № 5 (37). С. 208–215. EDN NCOYUL.
18. *Варкова Н. Ю.* Имидж и бренд территории как её конкурентный ресурс // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 1. С. 44–48. EDN SAWVGR.

19. *Throsby C. D.* Economics and Culture. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001. 208 p. ISBN 0-521-58639-9.
20. *Кузьменко Т. В.* Социокультурный потенциал как ресурс развития сельских регионов // Социологический альманах. 2012. № 3. С. 303–312. EDN **QASGWH**.
21. *Ласточкина О. С.* Тенденции развития инфраструктуры социально-культурного назначения сельских территорий // Society and Security Insights. 2022. Т. 5, № 2. С. 149–169. DOI **10.14258/ssi(2022)2-10**. EDN **MXKRXR**.
22. *Горшков М. К.* Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1 / М. К. Горшков ; изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Новый хронограф, 2016. 416 с. ISBN 978-5-94881-342-4. EDN **WETWRZ**.
23. *Евменов А. Д., Благова И. Ю.* Платные услуги в сфере культуры Российской Федерации: объём рынка, динамика и основные факторы спроса // Петербургский экономический журнал. 2017. № 4. С. 6–17. EDN **XINKIZ**.
24. *Кожевников С. А., Ворошилов Н. В., Секушина И. А.* Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития. Вологда : Вологодский научный центр Российской академии наук. 2021. 232 с. ISBN 978-5-93299-504-4. EDN **FEXPTD**.

Сведения об авторе

К. Е. Косыгина

кандидат экономических наук,

старший научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: **895817**

SPIN-код: **5799-0295**

Статья поступила в редакцию 24.01.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 02.04.2024.

Original article

DOI: **10.19181/snsp.2024.12.2.3**

THE CULTURAL POTENTIAL OF THE MODERN RUSSIAN REGION: INFRASTRUCTURE AND CONSUMPTION OF SERVICES BY THE POPULATION (ON THE EXAMPLE OF THE VOLOGDA REGION)

Ksenia Evgenievna Kosygina

Vologda Research Center RAS,

Vologda, Russia,

sene4ka.87@mail.ru,

ORCID **0000-0001-5875-8912**

For citation: Kosygina K. E. The cultural potential of the modern Russian region: infrastructure and consumption of services by the population (on the example of the Vologda region). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):55–77. (In Russ.). DOI **10.19181/snsp.2024.12.2.3**.

Abstract. The object of analysis in the article is the Russian region cultural potential in the context of infrastructure development and consumption of cultural and leisure services by the population. The purpose of the study is to identify quantitative and qualitative characteristics of various components of the cultural sphere of the region. The empirical basis is statistical data, reports from authorities, government programs and projects, as well as monitoring public opinion materials of Vologda region population in 2022 (n=1500). The methodology is based on a resource approach to studying the cultural potential of the region. Statistical data analysis shows negative trends in terms of a reduction in the number of cultural and leisure institutions in the region, a decrease in the consumption of certain types of services for 2000–2022, and the lag of municipal districts and rural areas in the development of cultural and leisure infrastructure compared to large cities. Positive changes are associated with the implementation of a comprehensive state cultural policy both on the part of the federal center and on the part of regional authorities: increasing in overall budget expenditures on culture was revealed with an insufficient share of extra-budgetary sources of funding. As an effective resource for leveling out problems with the involvement of extra-budgetary sources, examples of the participation of private investors within the framework of public-private and public-municipal partnerships are given. The results of the sociological survey recorded positive changes in the population's assessment of the general situation in the cultural and leisure sphere of the region, identified the range of popular cultural, leisure and sports services, and a high level of satisfaction with their quality, which exceeds the Russian average. It has been established that the older generation; categories of residents with a low level of education and low-income residents are less active in consuming cultural and leisure services. As age increases, attendance at all of the institutions offered for choice decreases. The set of analysis results substantiates the need to use a more differentiated approach to the development of national and regional cultural policies, focusing on socio-demographic categories of the population, taking into account their needs.

Keywords: cultural and leisure infrastructure, culture, potential, region, sociological diagnostics, territories, consumption of services

REFERENCES

1. Gruzdeva M. A., Ipatova S. S. Development of the regional sphere of culture in the context of the goals of the national project "Culture". *Sotsial'noye prostanstvo=Social space*. 2019;5(22). (In Russ.). DOI [10.15838/sa.2019.5.22.11](https://doi.org/10.15838/sa.2019.5.22.11).
2. Weckroth M., Kempainen T. Human capital, cultural values and economic performance in European regions. *Regional Studies. Regional Science*. 2016;3(1):239–257. DOI [10.1080/21681376.2016.1177467](https://doi.org/10.1080/21681376.2016.1177467).
3. Latova N. V. Leisure preferences of Russian specialists as a factor in increasing human potential. *Sotsiologicheskii zhurnal=Sociological Journal*. 2022;28(1):80–100. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2022.28.1.8839](https://doi.org/10.19181/socjour.2022.28.1.8839).
4. Kaverina N. A. The leading role of culture in the development of human capital and the new economy. *Chelovecheskiy kapital i professional'noye obrazovaniye=Human capital and professional education*. 2017;3(23):10–16. (In Russ.).
5. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. Moscow: FNISCSZ RAN; 2022. 703 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-89697-390-4.2022).

6. Flier A. Ya. Culturological interpretation of social reality. *Vestnik Chelyabinskoy gosudarstvennoy akademii kul'tury i iskusstv=Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2016;3(47):39–46. (In Russ.).
7. Bulochnikov P. A. Development of the cultural sphere as a complex factor in the competitiveness of regions. *Peterburgskiy ekonomicheskiy zhurnal=Petersburg Economic Journal*. 2019;(2):17–28. (In Russ.).
8. Leonidova E. G. Priorities and threats to the development of regional tourism. *Regionologiya=Regionology*. 2022;3(120):624–646. (In Russ.). DOI [10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646](https://doi.org/10.15507/2413-1407.120.030.202203.624-646).
9. Latova N. V. Cultural specificity of Russians (ethnometric analysis based on the concept of G. Hofstede). *Vestnik instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*. 2016;(19):155–179. (In Russ.). DOI [10.19181/vis.2016.19.4.433](https://doi.org/10.19181/vis.2016.19.4.433).
10. Karpukhin O. I., Komissarov S. N. Dynamics of cultural infrastructure. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya=Social and humanitarian knowledge*. 2022;(4):8–22. (In Russ.).
11. Irhen I. I., Oreshkova O. A. Value and worldview orientation of the individual: experience of cultural conceptualization. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta=Bulletin of Kostroma State University*. 2014;(7):257–261. (In Russ.).
12. Latova N. V. Sociocultural values of Russian citizens: modernization vs traditionalism. *Terra e'konomikus=Terra Economicus*. 2022;20(4):99–114. (In Russ.). DOI [10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114](https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-4-99-114).
13. Lapshin V. A. Structural components of human potential. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye=Knowledge. Understanding. Skill*. 2013;(1):259–263. (In Russ.).
14. Litvak R. A. Sociocultural development of personality in the system of public relations. *TSITISE=CITISE*. 2018;2(15). Available at: <https://ma123.ru/en/2018/06/sociocultural-development-of-the-person-in-the-system-of-public-relations/> (In Russ.).
15. D'Andrade R. Some kinds of causal powers that make up culture. In: *Explaining Culture Scientifically*. Ed. M. J. Brown. London: University of Washington Press; 2008. P. 19–36.
16. Baculáková K., Grešš M. Spatial Distribution Model for Targeting the Support for Cultural Institutions' Development: A Case Study of Slovakia. *Muzeológia a kultúrne dedičstvo*. 2021;9(3):93–112. DOI [10.46284/mkd.2021.9.3.5](https://doi.org/10.46284/mkd.2021.9.3.5).
17. Chernyshova O. A. Organizational and economic aspects of the use of cultural heritage in regional tourism. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv=Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*. 2010;5(37):208–215. (In Russ.).
18. Varkova N. Yu. Image and brand of the territory as its competitive resource. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Ural'skiy region=Ural'skiy region News of higher educational institutions*. 2014;(1):44–48. (In Russ.).
19. Throsby C. D. *Economics and Culture*. Cambridge, UK : Cambridge University Press, 2001. 208 p. ISBN 0-521-58639-9.
20. Kuzmenko T. V. Sociocultural potential as a resource for the development of rural regions. *Sotsiologicheskiy al'manakh=Sociological almanac*. 2012;(3):303–312. (In Russ.).
21. Lastochkina O. S. Trends in the development of infrastructure for social and cultural purposes in rural areas. *Society and Security Insights*. 2022;5(2):149–169. (In Russ.). DOI [10.14258/ssi\(2022\)2-10](https://doi.org/10.14258/ssi(2022)2-10).

22. Gorshkov M. K. Russian society as it is: (experience of sociological diagnostics). In 2 vols. Vol. 1. Ed. 2nd, revised and augmented. Moscow: Novy'j Xronograf; 2016. 416 p. (In Russ.). ISBN 978-5-94881-342-4.
23. Evmenov A. D., Blagova I. Yu. Paid services in the sphere of culture of the Russian Federation: market volume, dynamics and main factors of demand. *Petersburg Economic Journal=Peterburgskiy ekonomicheskij zhurnal*. 2017;(4):6–17. (In Russ.).
24. Kozhevnikov S. A., Voroshilov N. V., Sekushina I. A. Municipalities of the region: problems and ways of self-development. Vologda: Vologodskij nauchny'j centr Rossijskoj akademii nauk; 2021. 232 p. (In Russ.). ISBN 978-5-93299-504-4.

Information about the Author

K. E. Kosygina

Candidate of Economics,

Senior Researcher

ResearcherID: **K-7910-2018**

The article was submitted 24.01.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 02.04.2024.

ИЗМЕНЕНИЯ В РЕСУРСНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ РОССИЯН СТАРШИХ ПОКОЛЕНИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЛОНГИТЮДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Антонина Вячеславовна Носкова¹

Елена Игоревна Кузьмина²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия,

¹ a.noskova@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6587-0822

² e.kuzmina@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6192-7852

Для цитирования: Носкова А. В., Кузьмина Е. И. Изменения в ресурсном потенциале россиян старших поколений (по материалам лонгитюдных исследований) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 78–101. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.4. EDN QSOCQE.

Аннотация. Рост ожидаемой продолжительности жизни – глобальный тренд в сфере народонаселения. Цель статьи – в контексте парадигмы активного долголетия выявить изменения в компонентах ресурсного потенциала россиян, относящихся к разным реальным поколениям, но находящимся в одной возрастной фазе 50–69 лет. Первая когорта достигла возраста 50–69 лет в 1993 году, вторая – в 2021 году. Под ресурсным потенциалом в рамках исследования понимается набор значимых социально-экономических и личностных характеристик, необходимых для ведения активной социальной и повседневной жизни. В качестве методологической основы исследования берётся положение Э. Россета об удлинении периода зрелого возраста при росте ожидаемой продолжительности жизни. Положения теории социальной активности и социологического подхода к самодостаточности личности используются для выявления качественных изменений в социально-личностных характеристиках россиян, находящихся на переходной стадии жизненного пути от зрелости к старости. Исследовательская гипотеза о постепенных изменениях в семейных, профессиональных, коммуникативных и других характеристиках проверяется на основе сопоставления данных двух исследований: Руссет (RUSSET), 1-я волна, 1993 год; Национальное исследование старшего поколения по программе SHARE (население 50+), 2021 год. Сравниваются социальные характеристики и установки респондентов, находящихся в одной возрастной фазе (50–69 лет), но относящихся к разным возрастным когортам, различающимся на длину поколения. Главным результатом исследования стала дифференциация компонентов ресурсного потенциала старшего поколения на изменчивые и малоподвижные. Были выявлены тренды,

отражающие качественные изменения ресурсного потенциала россиян старших поколений. Их нельзя однозначно охарактеризовать как позитивные или негативные. В контексте обозначенной проблемы самое значимое изменение связано с повышением уровня образования россиян старших поколений. Сдерживает ресурсный потенциал россиян старших поколений ригидность установок на пенсионный возраст и профессиональную занятость. В заключение делается вывод, что результаты, полученные в ходе исследования, могут служить дополнительной основой для практической реализации задач, связанных с мобилизацией человеческого ресурса россиян старших поколений.

Ключевые слова: активное долголетие, старение населения, ресурсный потенциал, самодостаточность, установки на возраст, лонгитюдные исследования

Благодарности: в статье использованы данные, полученные в рамках работы по гранту РНФ 23-18-00635 «Жизненный путь, ценности, ожидания поколения, взрослого в 1990-е — лонгитюдное исследование через 30 лет». Авторы выражают искреннюю благодарность доктору социологических наук, заместителю директора Института сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) Анне Владимировне Андреевской за предоставленные данные для вторичного анализа и консультационную поддержку по обработке результатов лонгитюдных исследований.

Контексты и проблема исследования

Рост ожидаемой продолжительности жизни – глобальный тренд в сфере народонаселения. В течение всего XX века он сопровождался позитивными сдвигами в экономике и социальной сфере – ростом производительности труда, улучшением здоровья и социального благополучия населения [1, с. 128]. В XXI веке учёные говорят о переходе в долголетие как о демографическом переходе нового типа, содержанием которого стал рост продолжительности жизни за счёт снижения смертности в старших возрастах [1, с. 128].

Несмотря на отставание России по этому показателю от стран Европы, Северной Америки и некоторых стран Азии, мы тоже движемся в этом направлении. Так, если в 2005 году ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для мужчин, достигших 60 лет, составляла в среднем 13,26 года, то в 2022 году этот показатель вырос на 3,45 года и составил 16,71 года. Для женщин, достигших 55 лет, данный показатель в 2005 году составлял 22,85 года и подтянулся за 17 лет до значения 26,08, то есть увеличился на 3 с небольшим года¹.

Такой демографический тренд воспринимается специалистами двояко – и как общественная цель, и как социальная проблема. В контексте *дискурса человеческого развития* показатель ожидаемой продолжитель-

¹ Старшее поколение // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 12.12.2023).

ности жизни является важнейшим маркером прогресса в сфере здоровья и благополучия населения, а его рост определяется как приоритетная задача в сфере демографического развития многих стран мира, в том числе России. Однако *в контексте дискурса старения населения* рост ожидаемой продолжительности жизни рассматривается в качестве фактора перманентного увеличения доли пожилых людей в возрастной структуре населения, что оценивается как острая демографическая и социально-экономическая проблема современности.

Необратимые сдвиги в возрастной структуре не только генерируют новые риски для экономики и социальной сферы, но и влияют на разные аспекты жизни человека и семьи [2, с. 176]. Эксперты фиксируют рост государственных расходов на пенсии и здравоохранение, повышение коэффициента иждивенцев, а также изменение динамики домохозяйств [2, с. 174].

Шлейф демографического старения актуализировал потребность в переосмыслении проблемы старости [3, с. 165]. Её решение предполагает «смещение акцента с социальной защиты пожилого населения на его активное вовлечение в жизнь общества» [4, с. 19] путём создания инфраструктурных, социально-экономических и иных условий, способствующих как можно дольшему сохранению здоровья и социально-экономического потенциала людей по мере их старения. Такой подход нашёл отражение в концепции активного старения, представленной в докладе Всемирной организации здравоохранения «Active Ageing: A Policy Framework (2002)». Базовая концепция активного старения включает три направления: здоровье, социальное участие и безопасность (см.: [4; 5]). В дальнейшем она получила своё концептуальное развитие в теориях «позитивного старения», «осознанного старения», «оптимального старения» [4, с. 16], «продуктивного старения», «активного долголетия» и др. [6]. Вместе с расширением понятийного тезауруса интерпретация феномена активного долголетия прирастает новыми смыслами и компонентами.

Сегодня в разных странах мира ведётся деятельность по разработке и внедрению комплекса мер для расширения возможностей использования человеческого потенциала людей по мере их старения, внедряются «инновации, направленные на содействие активному долголетию» [4, с. 46]. Социально-экономические эффекты этих мер должны проявиться в «дивидендах долголетия» – социальных, экономических выгодах и выгодах для здоровья населения [7]. Экономический эффект, или «второй демографический дивиденд», связан с увеличением числа лет профессиональной занятости, повышением уровня участия пожилых людей в рабочей силе [2, с. 175], с более активным потреблением и т. д. Другой

вид «отдачи» от инвестиций в программы активного долголетия – продолжительное сохранение таких качественных параметров образа жизни, как независимость и автономность [5] – в противовес иждивенческим установкам людей пенсионного возраста, требующим заботы от государства и близких [3, с. 166].

В России эта проблема артикулируется на институционально-государственном уровне и встроена в федеральную повестку. Так, президентом России в ходе послания Федеральному Собранию анонсирован проект «Продолжительная и активная жизнь»¹, целью которого является увеличение ожидаемой продолжительности жизни в России до 78 лет (минимум). При этом президент отметил необходимость увеличения продолжительности «именно здоровой, активной жизни».

Изучение *активного долголетия* артикулируется также в качестве одной из основных *научных задач* [7]. Исследовательская повестка, связанная с *изучением активного старения (долголетия)*, продвигается на международном и национальном уровнях. Так, в современной практике международных сравнений используются разные индексы активного долголетия, позволяющие ранжировать страны по этому показателю [6].

Российские учёные активно встраиваются в эту повестку, адаптируя зарубежные подходы исследования активного долголетия к нашим социальным и демографическим реалиям: глубоко проработан понятийный аппарат [8; 6], применяются оригинальные методики индексной оценки активного долголетия в регионах России [6; 4, с. 69].

В контексте активного долголетия усиливают свою актуальность эмпирические исследования, направленные на выявление и количественное измерение параметров, характеризующих жизненные изменения людей по мере их старения [9]. Начиная с 2010-х гг., тематический спектр таких исследований постоянно расширяется. В фокусе внимания российских исследователей – специфика образа жизни пожилых россиян [10], проблемные зоны и «дезорганизирующие факторы, ведущие к социальной эксклюзии и социальному неравенству старших возрастных групп» [11, с. 181], сценарии перехода в старость [3], нормативные изменения возрастных границ [12] и др. Особое место в этом списке занимает Национальное исследование старшего поколения (НИСП), позволившее получить «многоуровневую информацию о населении старше 50 лет»².

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 «Послание Президента Федеральному Собранию» // КонсультантПлюс : [сайт]. 29 февраля 2024 года. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 02.03.2014).

² Национальное исследование старшего поколения (НИСП) // НИУ ВШЭ : [сайт]. URL: <https://ncmu.hse.ru/elderly-study> (дата обращения: 10.11.2023).

Вместе с тем наблюдается дефицит исследований, позволяющих сравнить *ресурсный потенциал* россиян, относящихся к разным реальным поколениям (возрастным когортам), при этом находящимся на одном этапе жизненного цикла – этапе перехода *из* зрелости в старость. Понятие «ресурсный потенциал» всё чаще используется для изучения адаптационных возможностей разных категорий населения к меняющимся условиям среды и повседневной жизни [13]. Данная статья, в которой представлены результаты вторичного анализа данных репрезентативных социологических опросов, проведённых в 1993, 2018 и 2021 гг. и охватывающих почти тридцатилетний период постсоветской истории, посвящена описанной выше исследовательской задаче. На фоне социально-экономических и демографических сдвигов в состоянии российского общества практическую значимость имеет социологический анализ изменений в ресурсном потенциале россиян возрастной группы 50–69 лет, произошедших за последние 30 лет. Цель статьи – в контексте парадигмы активного долголетия выявить изменения в компонентах ресурсного потенциала россиян, относящихся к разным реальным поколениям, но находящимся в одной возрастной фазе 50–69 лет.

Методологические аспекты исследования

Важным методологическим аспектом является определение возрастных критериев эмпирического объекта исследования в контексте современной подвижности/устойчивости возрастной периодизации.

Фундаментальную идею об изменении возрастных границ в результате роста продолжительности жизни одним из первых высказал влиятельный демограф XX века Эдвард Россет в работе «Продолжительность человеческой жизни» [14]. По мнению Э. Россета, удлинение человеческой жизни приведёт к тому, что следующие поколения будут обладать не более длительным периодом старости, а *более длительным периодом зрелости*.

В процессе *теоретического обоснования возрастных границ* эмпирического объекта обсуждаемого исследования авторы отталкивались от подхода Ш. Бюлер [15] о пяти стадиях жизненного пути, которые соотносятся с жизненными целями и выборами на протяжении жизни. Четвертая стадия, приходящаяся *на возраст 50–65 лет*, характеризуется рефлексией совершённых выборов и лиминальностью, сопряжённой с переходом в финальную возрастную фазу – угасающую или активную. На этом возрастном этапе осмысливается система приоритетов относительно жизни в старости. В условиях нового демографического перехода эта стадия жизненного пути становится более растянутой во времени и неопределённой. С учётом современной гибкости и изменчивости возрастных границ

в качестве эмпирического объекта исследуется возрастная группа 50–69 лет. Нижняя граница этой возрастной фазы соответствует предпенсионному возрасту, а верхняя – меняющейся верхней границе активного этапа в жизни людей старших возрастов. Так, в социально-экономической практике используются разные классификации категорий населения, в основании которых применяется возрастная переменная, например – трудоспособное/нетрудоспособное население (пенсионный возраст). В «Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года» говорится, что «граждане с 60 до 64 лет – это достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность»¹. При этом верхняя граница возраста экономически активного населения – 72 года. Однако для многих исследований, в том числе связанных со здоровьесбережением, используется верхняя граница 69 лет. Кроме того, один из важнейших анализируемых аспектов – трудовые отношения, интенсивность которых после 70 лет значительно снижается. Соответственно, включение в выборку дополнительных возрастных групп с одинаковым показателем «не работаю» не даёт возможности заметить различия в «переходных» группах. При проведении временных сравнений считается, что чем шире группа (например, 70+), тем больше людей, выросших в разных условиях и социально-политическом и экономическом контекстах, включается в анализ, тем самым увеличивая внутреннюю гетерогенность групп, что значительно усложняет анализ. Поэтому было решено изучать возрастную группу 50–69 лет как более доступный и релевантный исследовательским задачам эмпирический объект.

Исследовательский интерес к этой стадии жизненного пути обусловлен ситуацией выбора, т. е. осознанного или неосознанного предпочтения одного из возможных «сценариев старости» [3, с. 156] – *угасания (дожития) и активного долголетия*.

Для выявления тенденций в сфере активного долголетия в противовес сохранению общественных установок на «старость как дожитие» возможно использование таких групп теорий, как теории непрерывного старения, теории разъединения, экономической теории инвестиций в здоровье, теории ролей, теории активности [9, с. 172]. Теории непрерывного старения и разъединения фокусируются на образе жизни людей пенсионного возраста и уделяют особое внимание сохранению социальных контактов (теория непрерывного старения) или их размыванию (теория разъединения). В рамках экономической теории инвестиций в здоровье акцент де-

¹ Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения в Российской Федерации до 2025 года // Docs.cntd.ru (Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов) : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420334631> (дата обращения: 01.11.2023).

лается на разнонаправленных эффектах вложений в здоровье при выходе на пенсию. Теория ролей рассматривает новый ролевой репертуар людей третьего возраста. Теория активности предполагает связь между самочувствием, удовлетворённостью жизнью и степенью включённости в общественную жизнь. Именно в этом случае можно говорить об удлинении периода зрелости, который выражается в сохранении активности людей даже после выхода на пенсию [9]. В представляемом исследовании используются положения теории социальной активности, которые дополняются социологической концепцией самодостаточности личности [16]. Одним из маркеров активного долголетия является качество самодостаточности, трактуемое как особое свойство личности, выраженное в способности индивида «строить собственную жизнь без оглядки на государство и его поддержку» [16, с. 6], то есть предполагающее независимость и автономность [5]. В данном исследовании фокус делался на социально-экономическую активность и самодостаточность россиян старших возрастов. Выбор в пользу таких подходов обусловлен описанными выше двумя основными видами дивидендов от инвестиций в программы активного долголетия, а также параметрами имеющейся эмпирической информации.

С распознаванием тенденций в сфере активного долголетия (роста социально-экономической активности, самодостаточности и др.) связан такой важный методологический аспект исследования, как определение ресурсного потенциала. *Ресурсный потенциал имеет сложную структуру.* В научной литературе существует ряд подходов к классификации компонентов ресурсного потенциала [13, с. 50]. В рамках исследования, результаты которого представлены в статье, ресурсный потенциал старшего поколения интерпретируется как *набор* значимых характеристик, соотносящихся с основными сферами жизнедеятельности. Он включает в себя как качественные характеристики индивида, значимые для него лично, так и возможности человека участвовать «в социально-экономическом развитии общества, среди которых уровень образования, профессиональная квалификация» [17, с. 631].

В соответствии с обозначенными критериями сравнивались семейно-личностные, социально-экономические, образовательные характеристики (ресурсы) респондентов, находящихся в одной возрастной фазе (50–69 лет), но относящихся к разным реальным поколениям (возрастным когортам), различающимся на длину поколения в 30 лет:

- семейно-личностные ресурсы: брачный и семейный статус, семейные связи;
- образовательные ресурсы: уровень образования;
- социально-экономические ресурсы: трудовая занятость, статус и стабильность занятости, социально-экономическая самодостаточность.

В связи с тем, что активное долголетие сложно интериоризировать в привычный образ жизни населения в условиях сохраняющегося символического давления общественных норм по отношению к старению и пенсионному возрасту, дополнительно исследовалось восприятие возрастных границ старости. Данный фокус даёт возможность обозначить общественное отношение к феномену старения и соотнести между собой понятия «(не)активность» – «пенсия» – «старость».

Эмпирическая база исследования

В анализе использованы данные нескольких крупных национальных опросов: RUSSET (Российские социально-экономические тренды) Российского социального исследования по программе ESS, Национального исследования старшего поколения (НИСП) по программе SHARE. Данные исследования RUSSET получены на основе общероссийской выборки населения 18 лет и старше методом личных интервью по месту жительства. Исследование было разработано международной группой под руководством профессора Вилема Сариса (W. Saris, Университет Амстердама), выполнено ЦЕССИ (Институтом сравнительных социальных исследований) как лонгитюдный проект. Общий размер выборки в первой волне опроса осенью 1993 г. – 3727 респондентов, группа 50 лет и старше составила 1398 респондентов. В 1999 году были опрошены те же респонденты, что и в 1993 году (они опрашивались каждый год с 1993 по 1999), и дополнительно включены респонденты из новой выборки, отобранной, чтобы компенсировать осыпание в 1996 году. Количество респондентов 50 лет и старше – 807.

Российское социальное исследование по программе ESS (Европейского социального исследования) выполнено ЦЕССИ в ноябре 2018 – феврале 2019 г., общий размер выборки составил 2416 респондентов методом личных интервью на дому у респондентов по случайной вероятностной выборке населения страны 15 лет и старше. Методология исследования описана в технической документации проекта на сайте Института сравнительных социальных исследований¹.

Национальное исследование старшего поколения (НИСП) по программе SHARE – лонгитюдное исследование по вопросам здоровья, занятости, образа жизни людей старше 50 лет. Исследование проводится при поддержке НИУ ВШЭ (Высшей школы экономики). Первая волна исследования выполнена ЦЕССИ осенью 2021 г., общий размер выборки составил 3000 респондентов 50 лет и старше и их партнёров любого возраста (лю-

¹ Европейское социальное исследование в России : официальный сайт. Москва, 2024. URL: www.ess-ru.ru (дата обращения: 01.12.2023).

дей 50 лет и старше в выборке 2781) методом личных интервью по месту жительства по случайной вероятностной выборке.

В соответствии с методологией исследований анализировались респонденты двух когорт в возрасте с 50 до 69 лет. Для целей сравнительного анализа отбирались одинаковые по своим формулировкам и шкалам вопросы, позволившие сделать выводы о произошедших изменениях в этой возрастной группе.

Анализируя эмпирические данные, авторы пытались ответить на исследовательский вопрос об изменениях компонентов ресурсного потенциала респондентов в возрасте 50–69 лет в связи с демографическим переходом в долголетие и социально-экономическими трансформациями на протяжении 30 лет.

Результаты исследования

Изменения ресурсного потенциала возрастной категории 50–69 лет. Анализ трансформаций, произошедших с возрастной категорией 50–69 лет за последние почти три десятилетия, выполнен посредством обращения к данным и сопоставления двух исследований: Руссет (RUSSET), 1-я волна, 1993 год; Национальное исследование старшего поколения по программе SHARE (население 50+), 2021 год. Результаты исследований иллюстрируют вариативность в изменениях ресурсных характеристик людей, относящихся к возрастной когорте 50–69 лет.

Семейно-личностные ресурсы возрастной категории 50–69 лет. Для сравнения семейно-личностных ресурсов двух когорт россиян в возрасте 50–69 лет использовались следующие показатели: брачный статус, состав домохозяйства, наличие детей в домохозяйстве, частота контактов с детьми. В целом семейно-личностные ресурсы характеризуются изменчивостью, подвижностью.

Первая тенденция связана с изменениями в брачном статусе. Она проявилась в сокращении доли тех, кто на момент опроса состоял в браке. Если в 1993 году более 60% респондентов состояли в браке (~59% – в официальном и 3,5% – в гражданском браке), то в 2021 году значение данного показателя снизилось до 46%.

На этом фоне заметно увеличилась доля разведённых, а также тех, кто никогда не состоял в браке. Удельный вес разведённых респондентов вырос более чем в два раза. Если в 1993 году менее 10% респондентов указали «разведён» в своём брачном статусе, то в 2021 году практически каждый четвёртый из опрошенных находился в разводе (23%). Более чем в три с половиной раза выросла доля тех, кто никогда не состоял в браке, – каждый девятый опрошенный в 2021 году говорил об отсутствии брачных отношений в течение жизни (см. табл. 1).

Таблица 1
Сравнение брачного статуса возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Брачный статус	1993	2021
Живут в официальном браке	58,7	37
Живут в гражданском браке	3,5	9
Вдовцы/вдовы	23,4	19
Разведены	8,8	23
Союз распался	2,8	1
Никогда не состояли в браке	2,8	11

С брачным статусом тесно связаны изменения, произошедшие за эти годы в составе домохозяйств. Выявилась общая тенденция на увеличение одиночного проживания. Так, если в 1993 году доля одиночных домохозяйств составила 24%, то к 2021 году этот показатель увеличился до 44% (см. табл. 2).

Таблица 2
Сравнение состава домохозяйств возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Состав домохозяйства	1993	2021
Один человек	24,2	44
Два человека	44,2	36,7
Три человека	16,5	12
Четыре человека и больше	15,1	7,3

Более того, если в 1993 году каждый пятый респондент в возрасте от 50 до 69 лет имел в составе домохозяйства детей до 18 лет, то в 2021 году – это уже каждый четырнадцатый (см. табл. 3).

Таблица 3
Сравнение наличия детей в домохозяйстве у возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Дети в домохозяйстве	1993	2021
До 6 лет	5	1
6–12 лет	5	2
13–17 лет	11	4
Всего	21	7

Обратная тенденция проявилась в тесноте связей с детьми. В 2021 году подавляющее большинство (86%) представителей возрастной когорты

50–69 лет, имеющих детей, отметили, что они видятся с детьми практически ежедневно (или живут вместе) или же раз-два в неделю. В 1993 году данный показатель составил 63% (см. табл. 4).

Таблица 4
 Теснота связей с детьми возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Частота контактов с детьми *	1993	2021
Практически ежедневно или живут вместе	41	69,2
Раз или два в неделю	22	17
Несколько раз в месяц	12	7,3
Примерно раз в месяц	7	1,4
Несколько раз в год или раз в год	14	4,3
Реже, чем раз в год	4	0,8

* Если есть дети (если несколько детей, то ответы даются по ребёнку, с которым респондент видится чаще всего)

Изменения в семейно-личностных ресурсах дают основание полагать, что меняются и образ жизни, и социальные установки людей старших возрастов.

Образовательные ресурсы. В ходе анализа был выявлен значительный разрыв в уровнях образования между респондентами в 1993 и 2021 гг. (см. рис. 1).

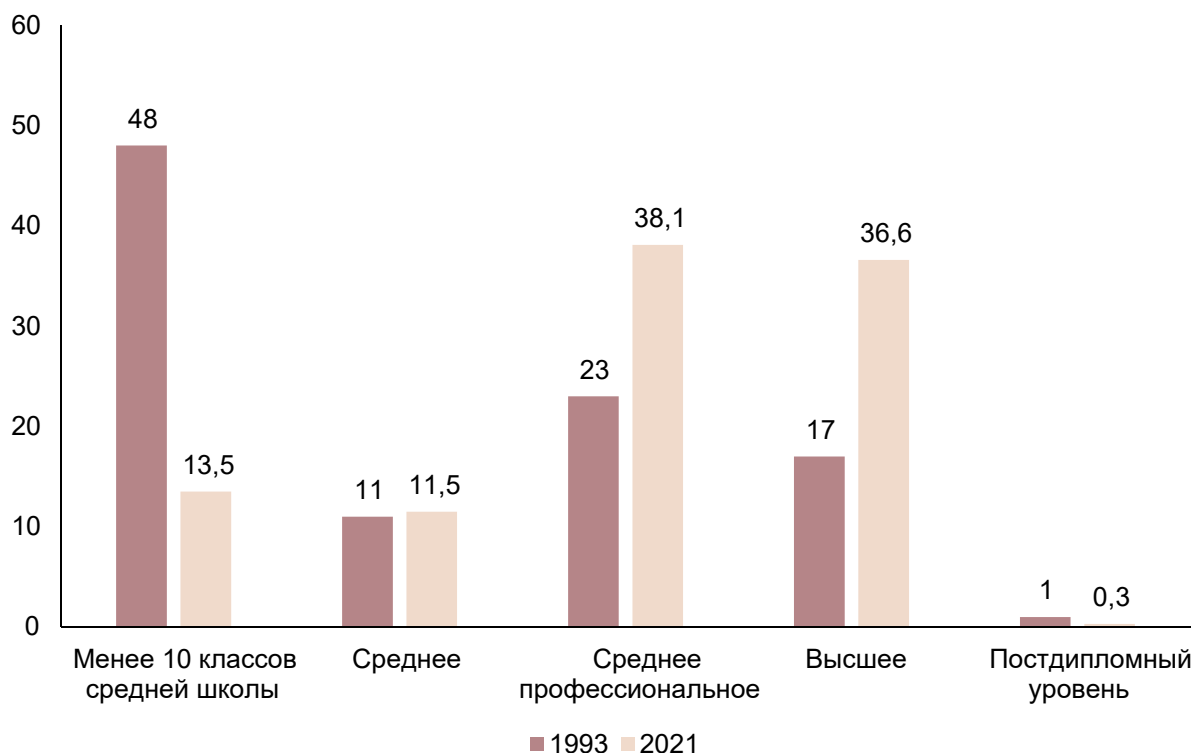

Рис. 1. Образовательный статус возрастной когорты 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

В 1993 году 48% опрошенных (то есть практически каждый второй) имели образование менее 10 классов средней школы. В 2021 году доля респондентов с таким уровнем образования снизилась в три раза – до 14%. Достаточно устойчивым оказался показатель удельного веса респондентов, имеющих среднее образование. При этом доля людей с высшим образованием увеличилась на 20 п. п. и составила 37%, что иллюстрирует рост уровня образования среди возрастной категории 50–69 лет в 2021 году.

Социально-экономические ресурсы. Для сравнения социально-экономических ресурсов двух когорт россиян в возрасте 50–69 лет использовались следующие показатели: статус занятости, объём занятости, стабильность занятости, а также субъективная оценка дохода.

В отличие от выявленных подвижек в образовательных статусах, *структура занятости россиян старших возрастов воспроизводится с достаточной устойчивостью.* За почти 30 лет соотношение тех, кто работает без пенсии, работает и получает пенсию, получает пенсию и не работает, практически не изменилось (см. табл. 5).

Таблица 5

Статус занятости респондентов возрастной категории 50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %

Статус занятости	1993	2021
Работает без пенсии	31,9	31,3
Работает и получает пенсию	16,9	15,6
Получает пенсию и не работает	48,8	47,5
Занят домашним хозяйством, включая временно неработающих	0,9	2,4
Безработный	1,5	3,2

Устойчивость наблюдается и в объёме занятости, который дифференцируется на полную занятость, сокращённую занятость, частичную занятость, расширенную занятость, экстразанятость. Соотношение респондентов с частичной и сокращённой занятостью, а также расширенной занятостью и экстразанятостью за 30 лет практически не изменилось. При этом в течение рассматриваемого периода доля тех, кто имеет полную занятость, сократилась на 13 п. п. (см. табл. 6).

Далее опишем некоторые аспекты трудового поведения работающих респондентов – объём и стабильность занятости.

Тенденции, связанные с объёмом трудовой занятости, не претерпевают изменений. За 30 лет модель занятости воспроизводится, обладает устойчивостью, несмотря на видимые отличия в образовательном и семейном статусе респондентов старших возрастов.

Таблица 6

*Объём занятости работающих респондентов возрастной категории 50–69 лет,
1993 и 2021 гг., %*

Объём занятости	1993	2021
Частичная занятость (менее 20 часов)	4	6,9
Сокращённая занятость (20–35 часов)	12	11
Полная занятость (36–45 часов)	65	51,5
Расширенная занятость (46–50 часов)	10,9	13,1
Экстразанятость (более 51 часа)	8,1	8,9
Нет информации	–	8,6

При этом проявились некоторые различия в паттернах трудового поведения, касающиеся постоянства занятости (трудоустройственной стабильности/мобильности). Для работающих респондентов, которые достигли возраста 50–69 лет в 1993 году, в целом свойственна достаточно высокая профессиональная стабильность. Так, большинство из них (~67%) указали, что не меняли место работы более 10 лет, и только 9% – что работают на текущем месте менее двух лет (см. табл. 7).

Таблица 7

*Стабильность занятости (работа на последнем рабочем месте) возрастной когорты
50–69 лет, 1993 и 2021 гг., %*

Количество лет на последнем (текущем) рабочем месте	1993	2021
Менее 2 лет	8,7	12,8
2–4 года	11,6	17,3
5–9 лет	13	18
10–19 лет	20,2	23,9
Более 20 лет	46,5	23,4
Нет информации	–	4,6

Работающие респонденты, достигшие возраста 50–69 лет в 2021 году, проявили меньшую привязанность к одному месту работы. Из общего числа опрошенных этой возрастной группы менее половины респондентов (~47%) отметили, что трудились на своём последнем месте работы более 10 лет. При этом по сравнению с 1993 годом произошло двукратное сокращение доли лиц, работающих на одном месте свыше 20 лет.

Кроме того, в 2021 году в 1,5 раза увеличилась доля лиц 50–69 лет со стажем менее 5 лет на последнем месте работы. Иными словами, поколение, достигшее возраста 50–69 лет в 2021 году, более склонно к трудовой мобильности, что может быть обусловлено как спецификой трудового поведения данного поколения, так и изменением экономической конъюнктуры. Готовность к смене занятости и места работы может рассматриваться как дополнительный социально-экономический ресурс этой возрастной группы.

На фоне относительной устойчивости структуры и объёма занятости существенные изменения выявились в субъективных оценках собственного дохода – важного социально-экономического атрибута самодостаточности (см. рис. 2).

Рис. 2. Субъективная оценка дохода, 1993 и 2021 гг., %

По сравнению с 1993 годом в 2021 году значительно (на 40 п. п.) сократилась доля тех, кто «жил от зарплаты до зарплаты», и увеличилась доля респондентов, отметивших, что денег им «хватает на ежедневные траты» (рис. 2). Если в 1993 году только 6% респондентов в возрасте 50–69 лет указали, что «денег хватает и ещё есть сбережения», то в 2021 году таких россиян стало около трети. Безусловно, укрепление такой позитивной тенденции в будущем, свидетельствующей об общей экономической ситуации в стране, будет способствовать формированию важного для активного долголетия качества социально-экономической самодостаточности.

Нормативность в определении старшего возраста. Один из исследовательских вопросов посвящён проблемам нормативности, что связано как с психологическим восприятием людей старшего возраста в российском обществе, так и с установлением законодательных рамок, регламентирующих жизнь, в том числе границ пенсионного возраста.

Чтобы проанализировать эмоционально-психологическую нормативность, складывающуюся вокруг восприятия возраста и старения, были использованы данные (за 2018 г.) последней доступной волны Российского социального исследования (РСИ), которое проводится по программе Европейского Социального Исследования (ESS). Вводились следующие показатели восприятия возраста и возрастных изменений: достижение среднего возраста («Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, женщины/мужчины достигают «среднего возраста»?»), достижение старости («Примерно к какому возрасту, на Ваш взгляд, женщины/мужчины достигают старости?»), достижение идеального возраста выхода на пенсию («Какой возраст Вы считаете для женщины/мужчины идеальным, чтобы перестать работать и выйти на пенсию?»).

Средний возраст – это первый ощутимый рубикон перехода от молодости к более старшему возрасту. Данные показывают, что восприятие «среднего возраста» соответствует статистическому показателю среднего возраста, который в 2022 году составил 40,4 года¹ (см. табл. 8). Стоит отметить, что тема «взросления» для России становится всё более актуальной, поскольку растёт не только средний, но и медианный возраст. Так, в 2022 году медианный возраст в России достиг рекордного показателя в 38,8 года².

Таблица 8

Восприятие «среднего возраста» разных по возрасту и полу групп респондентов, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение	В том числе:	
		для женщин	для мужчин
15–19	36,44	35,72	37,20
20–29	37,84	37,63	38,06
30–39	39,53	39,79	39,28
40–49	40,12	39,48	40,90
50–59	40,55	40,05	41,12
60–69	40,61	40,04	41,19
70+	40,33	39,87	40,80
ANOVA ³	F = 13,091 sig = 0,000 Всего 2273	F = 7,058 sig = 0,000 Всего 1173	F = 7,027 sig = 0,000 Всего 1098

¹ Демографический ежегодник России // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 10.11.2023).

² Department of Economic and Social Affairs Population Division // United Nations : [сайт]. URL: <https://population.un.org/wpp/Download/Standard/MostUsed/> (дата обращения: 29.11.2023).

³ Здесь и далее (в таблицах 8, 9, 10): оценка межгрупповых различий между средними, проведённая методом ANOVA, показывает, что различия между возрастными подгруппами являются статистически значимыми – как в отношении мужчин и женщин в целом, так и отдельно для женщин и для мужчин.

Ответы респондентов о достижении среднего возраста иллюстрируют линейную зависимость – с увеличением возраста респондентов возрастает среднее значение воспринимаемого возраста зрелости. Наименьший возраст зрелости называют представители возрастной когорты 15–19 лет. В возрастах от 50 до 69 лет зрелость определяется на четыре года больше. Выявлено также влияние гендерного фактора на восприятие среднего возраста – респонденты всех возрастов ставят мужчинам более высокую планку достижения среднего возраста по сравнению с женщинами.

Похожая тенденция проявилась и в восприятии возрастного порога старости (см. табл. 9).

Таблица 9

Восприятие возрастного порога старости разными по возрасту и полу группами респондентов, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение – порог старости		
	для мужчин и женщин	для женщин	для мужчин
15–19	62,32	60,55	64,15
20–29	62,05	61,47	62,62
30–39	64,71	64,22	65,19
40–49	64,62	64,48	64,78
50–59	66,08	65,44	66,75
60–69	67,03	66,15	67,90
70+	67,66	66,84	68,47
ANOVA	F = 17,247 sig = 0,000 Всего 2268	F = 8,533 sig = 0,000 Всего 1153	F = 9,757 sig = 0,000 Всего 1113

В представлении респондентов всех возрастных категорий возраст старости для женщин наступает раньше (например, в 66,15 года против 67,90 года для возраста 60–69 лет). С увеличением возраста опрашиваемых границы старости сдвигаются вверх: от 62,32 года для возраста 15–19 лет до 67,03 года для возраста 60–69 лет.

При ответе на вопрос об *идеальном* возрасте выхода на пенсию респонденты всех категорий называли значение меньшее, чем то, которое ассоциируется с переходом к старости (см. табл. 10). Здесь виден значительный гендерный разрыв, соотносящийся с нормативностью более раннего выхода на пенсию представительниц женского пола.

Таблица 10

Идеальный возраст для выхода на пенсию, 2018 год, лет

Возрастной интервал	Среднее значение	В том числе:	
		для женщин	для мужчин
15–19	56,97	54,26	59,52
20–29	56,01	53,27	58,78
30–39	56,58	53,78	59,39
40–49	56,44	53,71	59,91
50–59	57,07	54,26	60,06
60–69	57,35	54,57	60,34
70+	58,02	55,16	60,93
ANOVA	F = 4,297 sig = 0,000 Всего 2225	F = 2,944 sig = 0,007 Всего 924	F = 3,293 sig = 0,003 Всего 1098

Сравнение представлений о возрасте наступления старости и об идеальном возрасте выхода на пенсию иллюстрирует разрыв между значениями показателей, увеличивающийся с ростом возраста респондентов: если для группы 15–19 лет разрыв составляет 5,35 года, то для группы 60–69-летних – 9,68 года (см. рис. 3).

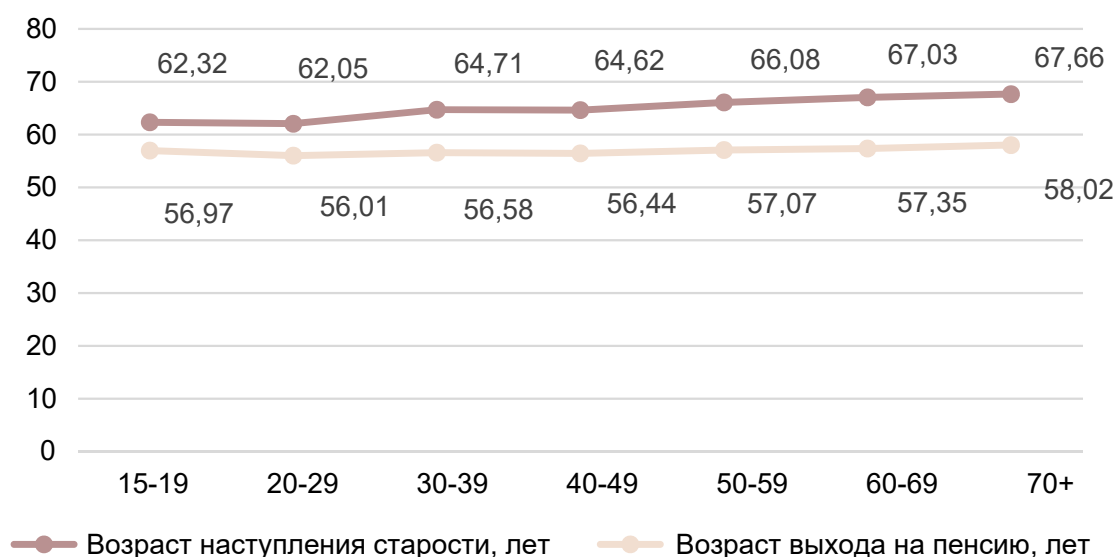

Рис. 3. Сравнение возрастов наступления старости и выхода на пенсию в различных когортах, 2018 год, лет

Полученные результаты иллюстрируют расхождение в восприятии пенсионного возраста и возраста наступления старости. Пенсионный возраст ассоциируется с желанием прекратить активную трудовую жизнь, но не с состоянием старости и немощности.

Дискуссия и заключение

Старение населения, на фоне которого обостряются проблемы людей старших возрастов, становится важной частью социальной и научной повестки. Общественное восприятие пожилого возраста и ресурсный потенциал пожилых людей претерпевают перманентные изменения. При этом данные тенденции, по мнению специалистов, ещё слабо исследованы [18].

Стоит отметить, что за тридцать лет произошли качественные изменения в ресурсном потенциале россиян 50–69 лет.

Компоненты ресурсного потенциала старшего поколения россиян можно дифференцировать на слабо подвижные и те, которые претерпели интенсивные изменения за почти 30 лет.

К группе изменчивых относятся компоненты ресурсного потенциала, связанные с семейно-личностными характеристиками (брачный статус, состав домохозяйства, проживание с детьми, теснота связей с детьми), образовательные ресурсы, а также элементы социально-экономических ресурсов – трудовая мобильность и самооценка доходов.

Большая стабильность (меньшая изменчивость) свойственна таким социально-экономическим ресурсам, как структура и объём занятости.

Выявленные тренды нельзя однозначно охарактеризовать как позитивные или негативные. Изменения в сфере семейно-брачных отношений и статусов, возможно, будут обострять социально-психологическую проблему одиночества людей старших поколений, что, безусловно, не будет способствовать росту благополучия этой группы населения. В контексте проблемы человеческого потенциала самое значимое изменение связано с повышением уровня образования россиян этой возрастной группы. Вместе с ростом образования, возможно, повышаются требования пожилых россиян к обществу, усиливается их социальная позиция. В условиях социально-экономической и демографической турбулентности особое значение для активного долголетия приобретает свойство самодостаточности. Первичными проявлениями этого качества можно считать увеличение доли россиян, удовлетворённых своим материальным положением, а также тех, кто имеет возможность откладывать сбережения.

Сдерживающим фактором социальной отдачи от ресурсного потенциала может стать *ригидность установок на пенсионный возраст* и профессиональную занятость в пенсионном возрасте. Выявленное качество

установок на возраст объясняется влиянием как внешних факторов, так и внутренней мотивации. Так, зарубежные исследователи эмпирически обосновали, что пассивность поведения людей старших возрастов определяется *отсутствием мотивации в изменении образа жизни* [5, p. 579]. Поэтому одним из сложных аспектов, с которым приходится сталкиваться при изменении чего-либо, является мотивация к внесению изменений в свой образ жизни, особенно когда человек не видит, что нужно изменить.

Следует также отметить, что анализируемые в статье результаты лонгитюдного исследования позволяют не только проследить, как менялся потенциал пожилых россиян за прошедшие почти 30 лет, но и способствуют концептуализации и содержательному наполнению понятия «ресурсный потенциал людей старших возрастов». Для дальнейших исследований важно расширение спектра субъективно-личностных ресурсов, таких как «целеполагание, решительность и уверенность, адаптивность, готовность к риску» [13, с. 50].

В заключение следует отметить, что результаты, полученные в ходе исследования, могут служить дополнительной основой для практической реализации задач, связанных с мобилизацией ресурсного потенциала россиян старших поколений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эгглстон К., Фукс В. Новый демографический переход: наибольший прирост продолжительности жизни в настоящее время происходит за счёт старших возрастов // Демографическое обозрение. 2019. Т. 6, № 4. С. 128–182. DOI [10.17323/demreview.v6i4.10430](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10430). EDN [TPSZWQ](https://www.edn.ru/TPSZWQ).
2. Демографические дивиденды: формирование и использование в странах СНГ и Балтии / В. Г. Доброхлеб, О. В. Кучмаева, А. Д. Брагин, М. Афзали // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 4. С. 172–188. DOI [10.15838/esc.2022.4.82.11](https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.11). EDN [UAKXLO](https://www.edn.ru/UAKXLO).
3. Шмерлина И. А. Либерализация старения: теоретические иллюзии и эмпирические аномалии (часть I) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 3 (115). С. 165–175. EDN [QIVAYF](https://www.edn.ru/QIVAYF).
4. Васильева Е. В. Концепция активного долголетия: возможности и ограничения реализации в России. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2022. 190 с. ISBN 978-5-94646-661-5. DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5).
5. Lifestyle Changes Using the Plan-Do-Study-Act Cycle among Older Thai Adults – A Focus Group Study / M. Wongsala, E.-M. Anbäcken, P. Manasatchakun [et al] // Activities, Adaptation & Aging. 2023. Vol. 47, № 4. P. 566–587. DOI [10.1080/01924788.2023.2172881](https://doi.org/10.1080/01924788.2023.2172881).
6. Калачикова О. Н., Короленко А. В., Нацун Л. Н. Теоретико-методологические основы исследования активного долголетия // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 1. С. 20–45. DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209). EDN [TYOGUM](https://www.edn.ru/TYOGUM).

7. Pursuing the Longevity Dividend: Scientific Goals for An Aging World / S. J. Olshansky, D. Perry, R. A. Miller, R. N. Butler // *Annals of the New York Academy of Sciences* (3rd International Conference on Healthy Aging and Longevity). 2007. Vol. 1114, № 1. P. 11–13. DOI [10.1196/annals.1396.050](https://doi.org/10.1196/annals.1396.050).
8. Видясова Л. А., Григорьева И. А. Предметное поле исследований активного/отложенного старения: результаты наукометрического анализа и картирования // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2023. Т. 16, № 1. С. 4–26. DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101). EDN [NXUANC](https://www.edn.ru/NXUANC).
9. Третьякова Е. А., Хасанова Р. Р. Влияние выхода на пенсию на состояние здоровья пожилых: обзор зарубежных исследований // *Вестник НГУЭУ*. 2018. № 1. С. 168–185. EDN [YWMIUH](https://www.edn.ru/YWMIUH).
10. Месяцева В. Р., Торгашова О. А. Стимулирование активного образа жизни как фактор обеспечения увеличения продолжительности жизни и активного долголетия // *Актуальные проблемы активного долголетия и качества жизни пожилых людей. Сборник научных трудов Второй региональной научно-практической конференции (Калуга, 17 декабря 2019 года)*. Калуга : Издательство Калужского государственного университета им. К. Э. Циолковского, 2020. С. 71–75. EDN [NZVDDE](https://www.edn.ru/NZVDDE).
11. Социальная эксклюзия лиц старших возрастных групп: социально-экономические аспекты / С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзина, М. М. Максимова, Д. К. Щеглова // *Вестник Алтайского государственного аграрного университета*. 2015. № 5 (127). С. 180–184. EDN [TSZJCB](https://www.edn.ru/TSZJCB).
12. Левинсон А. Г. Институциональные рамки старости: старость как гендер // *Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии*. 2011. № 3 (109). С. 52–81.
13. Мозговая А. В. Адаптация женщин к социальным изменениям: ресурсный потенциал // *Женщина в российском обществе*. 2023. № 2. С. 47–59. DOI [10.21064/WinRS.2023.2.4](https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.2.4). EDN [GGPRAV](https://www.edn.ru/GGPRAV).
14. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни / Э. Россет ; пер. с польского В. И. Бомкина, О. Д. Комаровой. М. : Прогресс, 1981. 384 с.
15. Bühler Ch. The Course of Human Life as A Psychological Problem // *Human Development*. 1968. Vol. 11, № 3. P. 184–200.
16. Горшков М. К., Седова Н. Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // *Социологические исследования*. 2015. № 12 (380). С. 4–16. EDN [VGMFJB](https://www.edn.ru/VGMFJB).
17. Шемятихина Л. Ю. Ресурсный потенциал старшего поколения // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 8-3. С. 629–632. EDN [UHAFXT](https://www.edn.ru/UHAFXT).
18. Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / В. А. Аникин, Е. В. Антонов, В. К. Антонова [и др.] ; под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. М. : Всероссийский центр изучения общественного мнения, 2023. 462 с. ISBN 978-5-906345-47-9. EDN [ZHNTSU](https://www.edn.ru/ZHNTSU).

Сведения об авторах

А. В. Носкова

доктор социологических наук, профессор,
и. о. заведующего кафедрой социологии, профессор

AuthorID РИНЦ: [397796](https://elibrary.ru/author_index.action?id=397796)

SPIN-код: [7471-5608](https://elibrary.ru/author_index.action?id=74715608)

Е. И. Кузьмина

кандидат социологических наук,
старший преподаватель
AuthorID РИНЦ: 1047312
SPIN-код: 6393-2790

Вклад авторов в подготовку публикации:

А. В. Носкова – 60% (формирование общей идеи и разработка концепции статьи; интерпретация данных, написание текста статьи, общее редактирование).

Е. И. Кузьмина – 40% (вторичный анализ данных исследования, написание текста статьи, визуализация данных в тексте).

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 28.04.2024; принята к публикации 20.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.4

CHANGES IN THE RESOURCE POTENTIAL OF OLDER GENERATIONS OF RUSSIANS (BASED ON MATERIALS FROM LONGITUDINAL STUDIES)

Antonina Viacheslavovna Noskova¹

Elena Igorevna Kuzmina²

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO University),
Moscow, Russia,

¹ a.noskova@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6587-0822

² e.kuzmina@inno.mgimo.ru,
ORCID 0000-0001-6192-7852

For citation: Noskova A. V., Kuzmina E. I. Changes in the resource potential of older generations of Russians (based on materials from longitudinal studies). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):78–101. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.4.

Abstract. The increase in life expectancy is a global trend in the field of population. The purpose of the article is to identify the changes in the components of the resource potential of Russians belonging to different real generations but being in the same age phase of 50–69 years. The first cohort reached the age of 50–69 years in 1993, the second in 2021. Within the framework of the study, resource potential is understood as a set of significant socio-psychological, economic and personal characteristics necessary for leading an active social and everyday life. E. Rosset's position on the lengthening of the period of adulthood with an increase in life expectancy is taken as the methodological basis of the study. The provisions of the theory of social activity and

the sociological approach to personal self-sufficiency are used to identify qualitative changes in the social and personal characteristics of Russians who are at a transitional stage of their life path from maturity to old age. The research hypothesis about gradual changes in the ways of organizing life, attitudes and behavior in people in transition from adulthood to old age is tested based on a comparison of data from two studies – RUSSET, Wave 1, 1993; the National Survey of the Older Generation under the SHARE program (population 50+), 2021. The social characteristics and attitudes of respondents who are in the same age phase (50–69 years old), but belong to different age cohorts that differ by generation length, are compared. The intensity and severity of family, professional, communication, etc. differentiates life choices on a scale from “active life” to “survival”. The main result of the study was the differentiation of the components of the resource potential of the older generation into changeable and stable ones. Trends were identified that reflect qualitative changes in the resource potential of older generations of Russians. They cannot be unambiguously characterized as positive or negative. In the context of the problem of human potential, the most significant change is associated with an increase in the level of education of older Russians. Older Russians are a highly educated population with high demands on society and an active social position. The rigidity of attitudes towards retirement age and professional employment constrains the resource potential of older Russians. In conclusion, it is concluded that the results obtained during the study can serve as an additional basis for the practical implementation of tasks related to the mobilization of the human resource of older Russians.

Keywords: active aging, population aging, population aging, resource potential, self-sufficiency, age-related attitudes, longitudinal studies

Acknowledgments: Grant RSF 23-18-00635 «Continuity and adaptation of values and behavior patterns during the lifespan in the time of radical social transformations». The authors express their sincere gratitude to Anna Vladimirovna Andreenkova, Doctor of Sociology, Senior Researcher of the Institute for comparative social research (CESSI), for providing data for secondary analysis and consulting support for processing the results of longitudinal studies.

REFERENCES

1. Eggleston K. N., Fuchs V. R. The new demographic transition: most gains in life expectancy now realized late in life. *Demographic Review=Demograficheskoe obozrenie*. 2019;6(4):128–182. (In Russ.). DOI [10.17323/demreview.v6i4.10430](https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10430).
2. Dobrokhleb V. G., Kuchmaeva O. V., Bragin A. D., Afzali M. Demographic dividends: formation and use in the CIS and the Baltic countries. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast=Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2022;15(4):172–188. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2022.4.82.11](https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.11).
3. Shmerlina I. A. Liberalization of aging: theoretical illusions and empirical anomalies (Part I). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2013;3(115):165–175. (In Russ.).
4. Vasilyeva E. V. The concept of active longevity: possibilities and limitations of implementation in Russia. Ekaterinburg: Institut e'konomiki UrO RAN; 2022. 190 p. (In Russ.). DOI [10.17059/661-5](https://doi.org/10.17059/661-5).

5. Wongsala M., Anbäcken E.-M., Manasatchakun P. (et al.). Lifestyle changes using the plan-do-study-act cycle among older Thai adults – a focus group study. *Activities, Adaptation & Aging*. 2023;47(4):566–587. DOI [10.1080/01924788.2023.2172881](https://doi.org/10.1080/01924788.2023.2172881).
6. Kalachikova O. N., Korolenko A. V., Nutsun L. N. Theoretical and methodological foundations of active longevity research. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2023;(1):20–45. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.1.2209](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.1.2209).
7. Olshansky S. J., Perry D., Miller R. A., Butler R. N. Pursuing the longevity dividend: scientific goals for an aging world. *Annals of the New York Academy of Sciences (3rd International Conference on Healthy Aging and Longevity)*. 2007;1114(1):11–13. DOI [10.1196/annals.1396.050](https://doi.org/10.1196/annals.1396.050).
8. Vidyasova L. A., Grigorieva I. A. Subject field of research on active/delayed aging: results of scientometric analysis and mapping. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology=Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2023;16(1):4–26. (In Russ.). DOI [10.21638/spbu12.2023.101](https://doi.org/10.21638/spbu12.2023.101).
9. Tretyakova E. A., Khasanova R. R. Influence of retirement on state of health of seniors: review of foreign studies. *Bulletin of the NGUEU=Vestnik NGUE'U*. 2018;(1):168–185. (In Russ.).
10. Mesyatseva V. R., Torgashova O. A. Stimulating an active lifestyle as a factor in increasing life expectancy and active longevity. Current problems of active longevity and quality of life of older people. In: Collection of scientific papers of the second regional scientific and practical conference. Kaluga: Izdatel'stvo Kaluzhskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. E. Ciolkovskogo; 2020; P. 71–75. (In Russ.).
11. Maksimova S. G., Noyanzina O. E., Maksimova M. M., Shcheglova D. K. Social exclusion of older age groups people: socio-economic aspects. *Bulletin of the Altai State Agrarian University=Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta*. 2015;5(127):180–184. (In Russ.).
12. Levinson A. G. Institutional framework of old age: old age as a gender. *Bulletin of Public Opinion. Data. Analysis. Discussions=Vestnik obshchestvennogo mneniya. Dannye. Analiz. Diskussii*. 2011;3(109):52–81. (In Russ.).
13. Mozgovaya A. V. Women's adaptation to social changes: resource potential. *Woman in Russian Society=Zhenshchina v rossii'skom obshchestve*. 2023;(2):47–59. (In Russ.).
14. Rosset E. Duration of human life. Moscow: Progress; 1981. 384 p. (In Russ.).
15. Bühler Ch. The course of human life as a psychological problem. *Human Development*. 1968;11(3):184–200.
16. Gorshkov M. K., Sedova N. N. “Self-sufficient” Russians and their life priorities. *Sociological Studies=Sociologicheskie Issledovaniya*. 2015;12(380):4–16. (In Russ.).
17. Shemyatikhina L. Yu. Resource potential of the older generation. *Fundamental'nye issledovaniya=Fundamental research*. 2015;(8-3):629–632. (In Russ.).
18. Ovcharova L. N., Anikin V. A., Sorokin P. S. (et al.). Human potential: modern interpretations and research results. Moscow: Vserossiiskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya; 2023. 462 p. ISBN 978-5-906345-47-9. (In Russ.).

Information about the Author(s)

A. V. Noskova

Doctor of Sociology, Professor
Professor, Acting Head of a Chair
ResearcherID: **H-7453-2016**
Scopus AuthorID: **23571287600**

E. I. Kuzmina

Candidate of Sociology
Senior lecturer
ResearcherID: **ABD-4103-2021**
Scopus AuthorID: **57209606264**

Contribution of the authors:

A. V. Noskova – 60% (formation of the general idea and development of the concept of the article; interpretation of data, writing the text of the article, general editing).

E. I. Kuzmina – 40% (secondary analysis of research data, writing the text of the article, visualization of data in the text).

The authors have no conflict of interest to declare.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 28.04.2024; accepted for publication 20.05.2024.

СТАНОВЛЕНИЕ СЛОЖНЫХ СТРАХОВ В МОЛОДЁЖНОЙ СРЕДЕ: РЕФЛЕКСИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ГЕНОТИПА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Сергей Александрович Кравченко¹

Дарья Александровна Свирская²

^{1, 2} Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Москва, Россия,

¹ Институт социологии ФНИСЦ РАН,

¹ sociol7@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2528-5703

² daria_svirskaya@mail.ru,

ORCID 0009-0000-5683-1768

Для цитирования: Кравченко С. А., Свирская Д. А. Становление сложных страхов в молодёжной среде: рефлексия через призму генотипа отечественной культуры // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 102–121. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.5. EDN CHCDDS.

Аннотация. В статье рассматривается процесс развития и усложнения страхов, начиная с перехода от традиционного общества к «обществу риска» и «мировому обществу риска» и далее к современному обществу, сущностными чертами которого, согласно антропосоциокультурному подходу Н. И. Лапина, являются «синергические сложности». Они представляют собой реалии как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего. Их имманентная суть проявляется в саморазвитии, самоорганизации и гибридизации природы, социума, технологий, что выражается в эмерджентных эффектах неустойчивости, неравновесности, динамического хаоса, которые производят страхи для людей перед неопределённостями настоящего и будущего. Конкретно рассматриваются два типа синергических сложностей, являющихся детерминантами «культуры страха» (У. Бек) и становления специфического рынка страхов, на котором доминируют инсценированные страхи сложного типа и продаются средства их «лечения». Однако содержание страхов детерминировано не только глобальными трендами преобразования мироздания, но и локально-национальными факторами, и прежде всего генотипом культуры страны. В связи с этим критически анализируются зарубежные прагматические подходы к минимизации страхов, которым противопоставляются исследования отечественных учёных, предлагающие культурно обусловленные средства их преодоления. В заключение авторы обосновывают контуры концепции стратегии рефлексивного

лечения страхов, нацеленной на противодействие проникновению инсценированных страхов в сознание российской молодёжи.

Ключевые слова: страх, риск, молодёжь, «синергичная сложность», «культура страха», генотип культуры, рефлексия

Формулировка проблемы

Феномен страха всегда привлекал к себе внимание представителей самых разных отраслей знания. Теологи рассматривают специфический «страх Господень», который, однако, «не означает ужаса, страха перед Богом. Скорее, это – благоговейное доверие к Богу, из-за которого мы хотим угождать Богу и повиноваться ему» [1, с. 1123]. Философы интерпретируют страх в контексте экзистенциальных основ существования людей. Так, С. Кьеркегор трактовал страх как переживание перед необходимостью *выбора* между добром, злом и грехом [2]. У М. Хайдеггера более развёрнутая трактовка страха: ужас перед небытием [3] и паника, обусловленная «растерявшимся настоящим» [4]. По З. Фрейду, если либидиозная и агрессивная энергии не могут сублимироваться в социальные действия, приемлемые как для индивида, так и для общества, то неизбежно будут воспроизводиться условия возникновения трёх разновидностей страха – страха перед чуждым внешним миром, страха совести перед «Сверх-Я» и невротического страха перед силой страстей в «Оно» [5].

В отличие от этих специфических трактовок страха, социологи *комплексно* подходят к данному феномену, учитывая факторы культуры, особенности социальных реалий. Так, М. Дуглас обосновала *культурную обусловленность* страха и риска. По её мнению, грань между объективным значением риска и его субъективным восприятием, органично включающим страх перед последствиями действий, крайне *подвижна в различных культурах*. Соответственно, разные социальные группы по-разному воспринимают риски и страхи, исходя из специфики приобретённого в конкретных жизненных мирах *риск-опыта* и «культурных предрассудков» [6]. Н. Луман утверждает, что «культура всегда предшествует любой социальной ситуации» и, исходя из этого методологического принципа, определяет риск следующим образом: «необходимость отбора означает контингентность, а контингентность означает риск», т. е. суть риска – *сознательный отбор* из культурно возможных альтернатив «для собственного конституирования и сохранения» (контингентность предполагает, что после сделанного выбора индивид продолжает (continues) его анализировать, страшась, «что, может быть, найдено не самое лучшее оформление» [7, с. 153].

Социологи особый акцент сделали на исследовании *динамики социального страха* (его ослаблении или усилении) в условиях новаторских, революционных периодов, в которые возникают моменты коллективного

эмоционального возбуждения. Если, как показал Э. Дюркгейм, «у людей возникает впечатление, что совсем близки времена, когда идеальное станет самой реальностью и Царство Божие осуществится на этой земле», то люди забывают о личных страхах, их энергия проявляется «то в деструктивном и глупом насилии, то в героическом безрассудстве» [8, с. 298]. Когда же возникает «новый перелом», но «ситуация остаётся отнюдь не радужной», то, как свидетельствуют результаты исследований учёных Института социологии ФНИСЦ РАН, социальные страхи, напротив, увеличиваются: в условиях перестройки и либеральных реформ [9].

Качественное усложнение страха З. Бауман видит в реалиях «текущей современности» [10] и интерпретирует изменение его природы с помощью концепции «текущего страха»: такой страх перманентно воспроизводится эффектами «негативной глобализации» (растущие рынки без границ ведут к несправедливости и мировому беспорядку, возникает незащищённость, дерегуляция социальной жизни, что оборачивается «планетарным беззаконием»). Если у «старого» страха были конкретные причины, ограничивающие его пространственно-временные параметры (с их исчезновением пропадали и страхи), то под современным «текущим страхом» социолог понимает постоянный объём беспокойства, порождающий «атмосферу фобии фобий». Страх, с его точки зрения, становится «самодвижущей силой». Он по-разному воспринимается в контексте исторических и социальных перспектив [11].

Процессы социального развития, эволюция технологий, переосмысление представлений о природных явлениях и угрозах меняют подходы к интерпретации страхов и рисков. Однако, несмотря на их динамику, у них общим остаётся *необходимость сознательного выбора из ряда культурно возможных альтернатив*.

Реакция индивидов на необходимость и возможность выбора обусловлена характером *генотипа культуры страны*, выраженного в «корневой системе нравственных ценностей и жизненных смыслов, вкусов и норм, критериев оценки человеком себя и окружающего мира» [12, с. 10]. Она также детерминирована историческим сознанием россиян, оценками прошлого, памятью, нашими материальными и духовными символами [13]. По нашему мнению, социальные страхи продолжают усложняться, что прежде всего обусловлено становлением в России и мире синергично сложных реалий. Они затронули жизнедеятельность всех россиян, но прежде всего повлияли на сознание молодого поколения, что делает их анализ особенно актуальным.

У. Бек об основных этапах усложнения рисков и страхов

Социолог утверждает, что риски и страхи взаимообусловлены и в своём развитии прошли три качественных этапа.

Первый – в условиях традиционного и раннего индустриального общества зарождаются *два типа относительно простых рисков*: 1) на макроуровне – риски в виде *непредсказуемых природных опасностей или бедствий*, на которые нужно было как-то реагировать, выбирая альтернативные варианты действий; 2) на микроуровне – *личностные риски*: условия жизни были таковы, что рискогенные действия были нетипичны, только отдельные индивиды проявляли мужество и отвагу (Колумб) [14, с. 23–24]; большинство же, напротив, предпочитало следовать традиционному образу жизни – сказывался фактор *личного страха* (хочу рискую, хочу – нет).

Второй: 1) на макроуровне – риски, адекватные индустриальному модерну, риски *развития промышленности с «недостаточной обеспеченностью гигиеническими технологиями»*. «Там, где после катастрофы защитные и предохранительные меры практически исключаются, остаётся только одна (кажущаяся) активность – отрицание опасности, успокаивание, которое порождает страх» [14, с. 7–8]; 2) на микроуровне – *риски добровольного принятия опасных практик индустриализации*, которые связаны с возможностью утраты здоровья и даже жизни. Соответственно, отдельные социальные группы (владельцы средств производства и пролетарии) ради получения благ или выживания добровольно подвергали себя дополнительным рискам и страхам. Для защиты от страхов, производимых экономическими и политическими институтами, создаются и получают развитие *институты страхования*.

Третий: 1) на макроуровне – *новая генерация сложных рисков «развитого индустриального» или рефлексивного модерна*, которые «*в общем и целом продукт передовых промышленных технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут постоянно усиливаться*» [14, с. 13]. По мнению У. Бека, учёные и общественность не дают на новые риски адекватных ответов: «в дискуссиях о рисках обнажаются трещины и разрывы между научной и социальной рациональностью в обращении с цивилизационными потенциалами риска. Спорят, не слушая друг друга. Одна сторона ставит вопросы, на которые другая не даёт ответа, эта другая сторона отвечает на вопросы, не затрагивающие сути того, о чём её спрашивают и что порождает страхи» [14, с. 19]; 2) на микроуровне – *риски институциональной индивидуализации*: «возникает тенденция к индивидуализированным формам и ситуациям существования, которые вынуждают людей ради собственного материального выживания ставить себя в центр планирования и осуществления собственной жизни... Спираль индивидуализации проникает и внутрь семьи» [14, с. 66–67]. Личные страхи вытесняются *индивидуализированными страхами*. Практически все социальные группы *вынуждены рисковать* в большей или меньшей степени: «Риски, распро-

страняясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы» [14, с. 25]. В результате «возникает и становится политической силой *общность страха*. Но пока ещё совершенно не ясно, как действует спланирующая сила страха. Насколько прочны общества страха? Какие мотивации, какую энергию действия они освобождают? Как поведёт себя эта новая солидарная общность объятых страхом? Способна ли социальная сила страха взорвать индивидуальное расчётливое стремление к выгоде? В какой мере порождающие страх общности способны к компромиссам? В какие формы они объединяются для действия? Побуждает ли страх к иррационализму, экстремизму, фанатизму? До сих пор страх не был основой рационального действия. Верна ли ещё эта гипотеза? Быть может, страх, в отличие от материальной нужды, очень шаткое основание для политических движений? Не может ли общность страха распасться от лёгкого сквозняка контрпропаганды?» [14, с. 36].

На эти вопросы о сути усложняющегося страха У. Бек вместе с супругой Э. Бек-Герншейм попытался дать ответы, конкретно исследуя *институциональные риски любви и семьи*, которые касаются прежде всего молодёжи. В книге «Нормальный хаос любви» авторами выделяются и анализируются следующие риски и страхи: в условиях, когда традиции утрачивают свою функциональность, у индивидов, как мужчин, так и женщин, появляются практически неограниченные возможности для создания союзов и выходов из них, что приводит как к свободе, так и к новым барьерам на пути реализации жизненных шансов; риски любви и семьи накладываются на карьерные риски, соответственно, увеличиваются страхи, обусловленные выборами альтернативной организации личной жизни: рождается тип «договорной семьи на время»; всё меньшее число людей вступают в брак или делают это значительно позже, чем было ранее; количество разводов увеличивается, растёт число неполных семей, но возникает запрос на лечение бесплодия. Квинтэссенция «нормального хаоса любви» – «любовный голод», страх одиночества, вера и надежда найти истинную любовь [15]. Как видно, весьма большое количество факторов производят страхи любви. Для сравнения, в своё время М. Ю. Лермонтов страхи любви обосновывал только одним фактором – временем:

«Страшись любви: она пройдёт,
Она мечтой твой ум встревожит,
Тоска по ней тебя убьёт,
Ничто воскреснуть не поможет»¹.

¹ Лермонтов М. Ю. Опасение // Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 1 / Под общ. ред. И. Л. Андроникова, Д. Д. Благого, Ю. Г. Оксмана. М. : Художественная литература, 1957. С. 120.

По мнению У. Бека, качественно новый этап в усложнении рисков и страхов связан с переходом человечества от «общества риска» к «мировому обществу риска»: «Категория *мирового общества риска* контрастирует с той, которая обозначает общество риска», что выражается в доминировании инсценированных рисков и «сводится к следующей формуле: глобальный риск есть инсценирование реальности глобального риска... стираются различия между риском и культурным восприятием риска». На этой почве формируется воистину парадоксальная реальность: «Не имеет значения, живём ли мы в мире, который “объективно” более безопасен, чем тот, который был ранее, – *инсценирование ожидания бедствий и катастроф обязывает нас принять превентивное действие*» [16, р. 11]. Социолог так конкретизирует суть новых сложных рисков: *на макроуровне* они приобретают три характерные черты: 1) они «делокализованы» (их причины и последствия не ограничены одним географическим пространством); 2) «неисчислимы» (ибо включают «гипотетические» риски, основанные на «нормативном инакомыслии»); 3) «не поддаются компенсациям» (никакими деньгами нельзя восполнить «необратимое климатическое изменение»). *На микроуровне*: прежние *риски институциональной индивидуализации* вытесняются рисками радикальной индивидуализации: «Ни наука, ни господствующая политика, ни масс-медиа, ни бизнес, ни правовая система, ни даже военная сила не в состоянии определить и контролировать риски рациональным образом. Индивид вынужден не доверять обещаниям рациональности этих институтов. В силу этого люди отброшены на самих себя: *высвобождение без укоренённости* – есть иронично-трагическая формула для определения размеров индивидуализации в мировом обществе риска» [16, р. 54].

Социолог обосновал корреляцию между *взаимно обусловленным усложнением* рисков и страхов, что привело к становлению *рынка страхов*, на которых одни акторы их продают, а другие рискуют, покупая всевозможные защитные средства: в «мировом обществе риска» доминирует «*инсценированная реальность*» и, соответственно, *культурно созданные* риски и страхи *инсценированного типа*. По его мнению, в обществах риска идёт «глобализация культуры страха... страх создаёт новую, хрупкую коммуникативную связь – сообщества страхов» [17, р. 295–296].

Идея У. Бека о доминировании *инсценированных* рисков и страхов получила развитие и у других социологов. Дж. Урри отмечает, что благодаря инсценированной реальности возникают *гибридные «страшные риски»*, которые «масштабно распространяются в глобальном пространстве... климатическое изменение превратилось из неопределённости (на-

бора неизвестных неизвестностей [unknown unknowns]) в набор страшных рисков» [18, p. 12–13].

У. Бек, также в соавторстве с Э. Бек-Герншейм, в книге «Дистанционная любовь» анализирует последствия процесса вытеснения институциональных рисков любви и семьи гораздо более сложными рисками и страхами, обусловленными *радикальной индивидуализацией* [19]. Как считают авторы, главным их детерминантом является *космополитическая культура*, перманентно воспроизводящая «новые гибридные типы мировой семьи». Среди них: супружеские пары, продолжающие отношения, но живущие в разных странах (усложнившиеся небеспочвенные страхи ревности); пары, проживающие в одной стране, но супруги родились и социализировались в разных культурах. Для ряда индивидов значимым средством достижения «истинной» любви и решения важнейших жизненных проблем становится мобильность в виде миграции; получают развитие мобильности ради суррогатного материнства. Вместе с тем увеличиваются риски и страхи конфликтов, обусловленные культурными различиями пар (не забываются ценности, приобретённые в разных жизненных мирах в процессе социализации); риски глобальных неравенств имманентно присущи мировым семьям, что проявляется в привилегиях и страхах унижения, с которыми они сталкиваются («жизнь в тени» – на полуполюгальном или нелегальном положении одного из супругов); многие риски мировых семей обусловлены противоречиями в правовых системах различных стран, которые рельефно проявляются при заключении браков или при разводах. Возникают риски для самого смысла понятия «семья»: мировые семьи сталкиваются с несовместимыми взглядами на сам союз (страхи выбора несовместимых друг с другом альтернатив: равноправие членов или мужское доминирование, традиционная социализация детей или воспитание в контексте трансгендерных трендов – у детей в таких семьях практически нет возможности получить информацию о своих биологических родителях и т. д.). Авторы ратуют за то, чтобы риски и страхи глобализации любви вошли в предмет современной социологии [19].

Принципиальным ответом на риски и страхи, обусловленные космополитической культурой, как считает У. Бек, могла бы стать *космополитическая этика*, основанная на «истинном прощении», состоящем в «прощении непрощаемого». Причём «не только Бог должен прощать, но люди должны прощать людям» [20, p. 46].

На наш взгляд, в представленных выше суждениях имеет место абсолютизация принципов формальной рациональности и прагматизма, при этом умаляется национально-локальная, культурная специфика рисков (и, соответственно, страхов), значимость которой особо подчёр-

квивали М. Дуглас, О. Н. Яницкий, Ю. А. Зубок. Однако мы считаем, что поставленные У. Беком проблемы, несомненно, актуальны. Критически отрефлексированные его соображения могут быть использованы в таких курсах, как «Социология семьи и демографии», «Социология молодёжи». Разумеется, в них следует включить культурно обусловленное изучение рисков и страхов *любви по-русски*, осуществлённое В. Н. Ивановым [21], а также исследования «настоящей любви», проведённое ВЦИОМ [22].

Синергийные сложности: адекватные им синергийно сложные риски и страхи

Значимый вклад в изучение многообразных факторов, производящих сложные риски, внёс Н. И. Лапин, обосновавший антропосоциокультурный подход [23]. По его мнению, в России и мире возникли «синергийные сложности», представляющие собой реалии как результат нелинейного процесса их становления в контексте прошлого, настоящего и будущего: происходит диалектическое возвращение к своим естественно-историческим основаниям с обретением цивилизационного качества собирания и надёжной защиты культурного своеобразия и равноценности различных этносов и религий. Как считает учёный, властные элиты не знали сложности того общества, которое они «построили». Имело место «непонимание *неприемлемых рисков как сигналов* о синергийной сложности проблем и неприемлемости простых решений – все эти и подобные им факторы стали едва ли не решающими предпосылками прекращения уникальных процессов перестройки» [23, с. 53]. В результате возникли риски «массовизации травм», фактически уходящие своими корнями в *прошлое*, но обуславливающие усложняющиеся риски *настоящему и будущему* устойчивому развитию страны, важнейшие из которых: 1) риски целостности страны, вывоз основных ресурсов и финансовых результатов их использования; 2) риски зависимости страны от технического, промышленного и экономического потенциала общеглобальной, мировой системы как продукта инвестиций транснационального капитала; 3) недостаток механизмов общественного саморазвития при стремительном увеличении рисков мирового масштаба (пандемия COVID-19 и санкционные инициативы в отношении РФ); 4) риски неравенств населения, плоской шкалы налогов на доходы; 5) риски социальной противоречивости гражданско-общественной культуры и деградации общей культуры населения как следствие недостатка инвестиций в инновационное развитие государства и избыточное финансирование СМИ, ориентированных на апелляции к «тёмным сторонам души» человека; 6) риски отчуждения граждан

от участия в доходах от использования природных ресурсов их регионов; 7) миграционные риски, представляющие угрозу безопасности и общему будущему локального населения; 8) риски *антропосоциокультурной травмы* социализации [23, с. 12, 25, 30, 38–43, 53, 74, 187–260]. Данные риски в итоге привели к становлению «общества травмы».

Изучение Ж. Т. Тощенко рисков, обусловленных конкретно травмами российского социума, позволило ему прийти к выводу о том, что травмы детерминируют многие социальные страхи, являющиеся «показателем деформированности общественного сознания и поведения» [24, с. 142]. Среди выделенных им страхов – тревожность, касающаяся прежде всего повседневной жизнедеятельности молодых людей, у которых сформировалось чувство несправедливости; беспомощность в желании повлиять на происходящее; страх перед настоящим и будущим (нестабильность работы, угроза быть уволенным, невозможность переквалифицироваться в связи с новыми технологиями и/или новой техникой, неясность и ограничения в оплате труда, отсутствие условий для отдыха и организации нормального отпуска). И главная суть социальных страхов – *«россияне столкнулись с новыми видами отчуждения»* [24, с. 142–144].

Отметим два типа синергийных сложностей и производимые ими сложные риски и страхи.

Первый. *Гибридная социо-техно/цифро-природная реальность*. Дж. Урри утверждает, что гибридизация «социальных и физических/материальных миров» привела их к «полному переплетению» [18]. В результате произошло становление *BANI-мира* (акроним, обозначающий его имманентные черты: Brittle (хрупкость), Anxious (тревожность), Nonlinear (нелинейность), Incomprehensible (непостижимость) [25]) – все его сущностные характеристики перманентно воспроизводят «порядок из хаоса» [26] и, соответственно, сложные риски и страхи, становящиеся дополнением к общим условиям нестабильности (Volatility), неопределённости (Uncertainty), сложности (Complexity) и неоднозначности (Ambiguity) *VUCA-мира* [27].

Второй. *Синергийная сложность сознания россиян*, важным компонентом которого является *историческое прошлое*. «Образы истории – это всегда одновременно и прообразы современности». Исследование, проведённое под руководством академика М. К. Горшкова учёными Института социологии ФНИСЦ РАН в 2020 году, выявило, что особый интерес россиян к отечественной истории «связан во многом с высокой ролью исторического прошлого в консолидации населения как на локальном, так и на страновом уровнях» [13, с. 17]. При этом была раскрыта суть рисков самобытности сознания россиян, а также фальсификаций отечественной истории: произошло «снижение исторических компетенций, в особен-

ности среди молодёжи»; «каждый третий россиянин сегодня не может сказать, кем могла бы гордиться страна» [13, с. 21, 33]. Причина тому комплексная – потоки неструктурированной информации о перипетиях отечественной истории, которую россияне получают из кинофильмов, телепередач, художественной литературы, а в последнее время особенно из Интернета [13, с. 27]. В синергичную сложность сознания также входят *национально-государственные символы*. В отношении к ним проявляются следующие риски: «наиболее глубокий “водораздел” в восприятии национальных символов обнаруживается между людьми, по-разному видящими желаемое будущее России... Сторонники сближения с Западом, вхождения России в “общеевропейский дом” чаще игнорируют исторические (а с ними и политические) аспекты национальных символов, фокусируясь на политически и исторически нейтральных ассоциациях... в подобных установках прозападно настроенных россиян проявляется желание стать национально и граждански “нейтральными” и дистанцироваться от “российскости” [13, с. 39]. *Этническая и гражданская составляющие формируют скрепы идентичности россиян*: «Национальность россияне определяют преимущественно через культуру, а не через “кровь”, биологическое родство... понимание этнической общности через сопричастность общей культуре делает её границы не “жёсткими”, а открытыми для новых членов, и этническую идентичность – изменяющейся под влиянием времени» [13, с. 136]. В тоже время общим, незыблемым, объединяющим стержнем выступают культура речи, историческая и культурная значимость русского языка.

Также возникли новые риски устойчивому развитию страны, среди которых: «националистические идеи чаще других поддерживают россияне без профессионального образования»; «национальный вопрос не только обладает колоссальным центробежным ресурсом, но и способен порождать многопоколенные острые конфликты»; представители определённой социальной группы, обозначенные как «катастрофисты», «чаще других высказываются в поддержку лозунга “Россия для русских”»; события на Украине «переносят фокус “русского вопроса” из внутренней политики, где дискурс защиты прав русских циркулировал с середины 2000-х гг., в международное пространство» [13, с. 138, 139, 140]. Особо в исследовании Института социологии ФНИСЦ РАН выделяются *риски идеологического противостояния*. В годы перестройки и либеральных реформ в общественное сознание россиян активно внедрялся миф о «деидеологизации истории», который, по существу, камуфлировал «множественные атаки на историю, попытки её переосмыслить, заменить её прочтение как героических страниц на прочтение как страниц идеологического и гуманитарного поражения» [13, с. 59–60]. Идеологическая

борьба не только не завершилась, но существенно усложнилась, распространяясь как на наше прошлое, исконные ценности, победы в Великой Отечественной войне, освоении космоса, так и на современную политику суверенного развития: «идеологическая борьба в обществе... фокусируется сегодня на “актуальной повестке” и в меньшей степени обращена в прошлое» [13, с. 76–77].

Идеологические противоречия коснулись и культуры. Как отмечал С. Г. Кара-Мурза, процесс разрушения и переустановки «культурного ядра» на уровне антропологической модели общества происходил в эпоху советской перестройки, когда идеям коллективизма, вытекающим из христианских догм, начинали латентно противопоставляться идеи исключительности индивидуальных прав каждого члена социума, естественности социального неравенства [28].

По существу, становление синергично сложных реалий привело к созданию *рынка страхов*, который функционирует за счёт искусственного производства и потребления *инсценированных рисков и страхов*. У. Бек прямо пишет об этом: утверждается «бизнес на страхе», процветающий от общих потерь. «Безопасность становится прибыльным общественным и частным сектором потребления товара подобно продаже воды и электричества» [16, р. 9]. При этом «экспансия риска опережает страховую защиту, последняя утрачивает свою функцию нейтрализации страха как на социальном, так и на политическом уровне... Утверждаются свободно плавающие страхи» [16, р. 139].

Отметим, на наш взгляд, наиболее значимые страхи для молодёжи на этом рынке, а также востребованные средства их «лечения». Подчёркнём, становление инсценированных рисков и страхов ведёт к беспрецедентным *манипуляциям по деформации их содержания*. Последствия этих манипуляций сказываются прежде всего на молодых людях, у которых в силу возраста нет достаточного риск-опыта.

1. *Общее состояние тревожности*, порождённое реалиями ВANI-мира, культурой страхов и перманентно воспроизводимое фармакологическими компаниями, которые процветают, производя и продавая антидепрессанты. Латентно они вытесняют занятия спортом, требующие регулярных физических и психологических активностей. Их отложенные во времени риски («эффект Гидденса») для здоровья очевидны [29]. Данные ВЦИОМ свидетельствуют, что эти страхи особенно распространились в молодёжной среде [30].

2. *Рынок страхов неизвестного будущего* взяли под свой контроль астрологи и маги [31].

3. *Страхи не поступить в вуз*, притом, что увеличивается число бюджетных мест. В общественном сознании страхи ЕГЭ/ОГЭ достаточно

высоки (страх большого объёма информации, страх нехватки времени, страх перед некалькулируемостью всех рисков образовательной системой и т. д.). Самый простой и прагматичный ответ на них – репетиторство. Данные опроса компании Rambler&Co 3–9 сентября 2021 г. свидетельствуют, что к репетиторам обращались 49% россиян. Среди них 35% делают это на постоянной основе, 10% – только перед поступлением в вузы, 4% – только перед экзаменами и олимпиадами [32].

4. *Страхи, обусловленные рисками нездорового питания.* Макдональдизированная еда, особенно распространённая среди молодёжи, как и постоянные перекусы, а также другие типы «нееды» содержат как медицинские риски, так и риски дегуманизации человеческих отношений [33]. Избыточное («заедание стресса»), или недостаточное питание, употребление кофеиносодержащих и газированных напитков с высоким содержанием сахара, нарушающее национальные традиции приготовления и потребления пищи, как показали исследования социологов МГИМО, вредны для молодого растущего организма [34].

5. *Страхи, порождённые гонкой за «правильной идентичностью»* [35], содержат риск отчуждения от социума и от себя (от своей самости, приобретённой в культуре своего жизненного мира).

6. *Страхи и тревоги социального бытия* за самореализацию, социально-профессиональное будущее, своё здоровье и физические возможности, которые «здесь и сейчас»; тревоги за прошлое (соответствие ожиданиям/ценностям общества, поколениям предков: (пра)-дедушек/пра-бабушек/родителей) и тревоги за будущее (за будущее своей семьи, за здоровье детей, свой социальный статус, положение в обществе) [36].

Выводы: запрос на рефлексивное лечение страхов, основанное на генотипе отечественной культуры

Западные социологи в своём большинстве предлагают средства лечения страхов, основанные на выработке «универсальных» подходов к рискам и лечению симптомов страхов. Так, лауреат Нобелевской премии по экономике М. Алле предложил постулат управления рисками, суть которого – не максимизировать ожидаемую полезность, а стремиться к *максимальной надёжности* [37]. Полагаем, он не утратил своей актуальности с учётом того, что многие молодые россияне хотят многого и сразу, не учитывая риски получивших распространение «марафонов желаний» [38]. Однако, по нашему убеждению, принципиальное решение проблемы сложных страхов в молодёжной среде видится в формировании на страновом уровне *отечественной культуры рефлексии рисков и страхов*. Именно такой подход содержится в исследовании Н. И. Лапина, который ратует за *гуманизацию* человеческих отношений и *всегражданское самопросвещение* по-

средством исторически сложившихся каналов социализации: «естественно-исторически сформировавшийся процесс самоидентификации индивидов с финальными ценностями и обобщёнными нормами своего общества, ядра культуры своей цивилизации» [23, с. 272]. Согласно его исследованиям, «с 1990 года на первых местах по уровню поддержки населением и по весу в совокупности факторов были и остаются позиции, имеющие чёткую *гуманистическую ориентацию* в повседневной жизни людей» [39, с. 239].

Суверенизация образования и науки – весьма значимый компонент рефлексивного лечения страхов, позволяющего целенаправленно и систематически создавать интеллектуальные условия для преодоления возникающих рисков хаотизации и дезорганизации жизни. Через развитие системы непрерывного образования возможно управление процессами «утечки национального человеческого капитала за границы страны» [40]. В условиях конфронтационных вызовов со стороны Запада важно создание *благоприятных жизненных шансов* для учёбы, работы, отдыха в России, чему российские социологи посвящают специальные исследования (см., напр.: [41]). Если западные теоретики в методологический фундамент анализа сложных реалий закладывают принципы формальной рациональности и прагматизма, то российские обществоведы исходят из особой значимости *культуры и гуманизма*. С этих позиций В. С. Стёпин дал обоснование теории социальной синергетики, базовыми принципами которой считал «социокультурную размерность» [42] и «ценностные основы» [43] научного знания.

Процессы «глобализации культуры страха» (У. Бек), действительно имеющие место, нельзя абсолютизировать. Из такой трактовки современного миропорядка фактически исключается *значимость национально-локальных и региональных реалий*, их специфическое влияние на производство страхов и средств противодействия им. Полагаем, в этом вопросе более прав В. А. Ядов, предложивший теорию гло-локал-анклавизации [44]. Со своей стороны мы отметили важность интеграции *мировых и национальных методологических подходов* в социальном знании [45], что может быть использовано и в диагностике усложняющейся природы рисков и страхов. К этому добавим, что в современном российском обществе наблюдается распространение принципов индивидуализма (в значительной степени под влиянием внедрения болонской системы образования), что актуализировало значимость морали, особенно в преодолении страхов одиночества. Академик А. А. Гусейнов отмечает: «Мораль соединяет, приравнивает то, что ни по каким законам чувственного мира и мира рассудка соединено, приравнено быть не может – человечество и человека, всеобщий закон и единичный поступок» [46, с. 5].

По нашему мнению, для избавления молодёжи от инсценированных страхов необходим переход к *нелинейногуманистическому мышлению и социально ответственному действию*, которое включает в себя следующие три

базовых методологических и практических принципа: 1) диагностика само-бытных реалий российского общества в контексте становления синергичных сложностей; 2) принятие во внимание факта новых трендов идеологической борьбы, в которой ныне акцент делается на производстве русофобии, инсценированных рисков и страхов, нацеленных на переформатирование сознания российской молодёжи; 3) на страновом уровне необходима разработка государственной стратегии рефлексивного лечения страхов, основанного на цивилизационных принципах российской культуры.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Теологический энциклопедический словарь / Под ред. У. Элвелла. М. : Ассоциация «Духовное возрождение», 2003. 1488 с. ISBN 5-87727-030-3.
2. *Кьеркегор С.* Страх и трепет / С. Кьеркегор ; пер. с дат. Н. В. Исаевой, С. А. Исаева ; 6-е изд. М. : Академический проект, 2020. 154 с. ISBN 978-5-8291-2463-2.
3. *Хайдеггер М.* Что такое метафизика? / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина ; 2-е изд. М. : Академический Проект, 2013. 288 с. ISBN 978-5-8291-1462-6. EDN **VRSIHD**.
4. *Хайдеггер М.* Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В. В. Библихина. Харьков : «Фолио», 2003. 503 с. ISBN 966-03-1594-5.
5. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции / З. Фрейд ; пер. с нем. М. : Наука, 1989. 456 с. ISBN 5-02-13357-4.
6. *Дуглас М.* Риск // THESIS. 1994. № 5. С. 242–276. URL: https://igiti.hse.ru/data/471/313/1234/5_4_2Daed.pdf?ysclid=ltvi20gsx1882576162 (дата обращения: 17.03.2024).
7. *Луман Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; под ред. Н. А. Головина ; пер. с нем. И. Д. Газиева. Санкт-Петербург : Наука, 2007. ISBN 978-5-02-026871-5. EDN **QOHQND**.
8. *Дюркгейм Э.* Социология. Её предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. А. Б. Гофмана. М. : Канон, 1995. 352 с. ISBN 978-5-02-026871-5.
9. Россия на новом переломе: страхи и тревоги / М. К. Горшков, В. В. Петухов, Н. Е. Тихонова [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. Москва : Издательский Дом «Альфа-М», 2009. 159 с. ISBN 978-5-98281-183-7. EDN **QBAOVH**.
10. *Бауман З.* Текучая современность / З. Бауман ; пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. СПб. : Питер, 2008. 240 с. ISBN 978-5-469-00034-1. EDN **QOABEJ**.
11. *Bauman Z.* Liquid Fear. Cambridge : Polity Press, 2006. 188 p. ISBN 978-07456-3679-5.
12. *Горшков М. К.* На переломе веков: социодинамика российской культуры / М. К. Горшков, С. Н. Комиссаров, О. И. Карпунин. М. : ФНИСЦ РАН, 2022. 703 с. ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4). 2022. EDN **ZNLAIZ**.
13. Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы: опыт социологического измерения / М. К. Горшков, А. Л. Андреев, Р. Э. Бараш [и др.] ; под ред. М. К. Горшкова. Москва : ООО Издательство «Весь Мир», 2022. 248 с. ISBN 978-5-7777-0904-2. DOI [10.55604/9785777709042](https://doi.org/10.55604/9785777709042). EDN **HEUCDA**.
14. *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну / К. Бек ; пер. с нем. В. Седельника, Н. Фёдоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 383 с. ISBN 5-89826-059-5. EDN **RAYTKJ**.

15. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* The Normal Chaos of Love. Cambridge : Polity Press, 1995. 240 p. ISBN 978-0-745-61382-6.
16. *Beck U.* World at Risk. Cambridge : Polity Press, 2009. 269 p. ISBN 978-0-745-64200-0.
17. *Beck U.* Power on the Global Age. Cambridge : Polity Press, 2006. 352 p. ISBN 978-0-745-63230-8.
18. *Urry J.* Climate Change & Society. Cambridge : Polity Press, 2011. 217 p. ISBN 978-0-745-65036-4.
19. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Distant Love. Cambridge : Polity Press, 2014. 220 p. ISBN 978-0-745-66181-0.
20. *Beck U.* Cosmopolitan Version. Cambridge : Polity Press, 2006. 216 p. ISBN 978-0-745-63399-2.
21. *Иванов В. Н.* Любовь и юмор. М. : Нефть и газ, 2010. 184 с. ISBN 5-7246-0399-3.
22. Настоящая любовь // ВЦИОМ : [сайт]. 07.07.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubov?ysclid=lto90f03o6236946703> (дата обращения: 17.03.2024).
23. *Лапин Н. И.* Сложность становления новой России. Антропосоциокультурный подход / Институт Философии РАН, Центр изучения социокультурных изменений. М. : «Весь Мир», 2021. 364 с. ISBN 978-5-7777-0848-9.
24. *Тощенко Ж. Т.* Общество травмы: между эволюцией и революцией (опыт теоретического и эмпирического анализа). М. : «Весь Мир», 2020. 352 с. ISBN 978-5-7777-0801-4. EDN **QLXXDD**.
25. *Cascio J.* Facing the Age of Chaos // Medium : [сайт]. 29.04.2020. URL: <https://medium.com/cascio/> (дата обращения: 17.03.2024).
26. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс ; пер. с англ. Ю. А. Данилова. М. : УРСС, 2023. 320 с. ISBN 978-5-354-01716-4.
27. *Амосова Н. А.* Финансовая стабильность на финансовых рынках между SPOD и VUCA мирами // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235, № 3. С. 174–185. DOI [10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185). EDN **VLKDas**.
28. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2005. 832 с. ISBN 5-699-08331-6.
29. *Куташова Л. А., Красников А. Н.* Последствия злоупотребления транквилизаторами // Центральный научный вестник. 2016. Т. 1, № 17 (17). С. 20–22. EDN **XEQXML**.
30. Уровень тревожности и страхи россиян // Клуб регионов : [сайт]. URL: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf> (дата обращения: 17.03.2024).
31. Таинственное и потустороннее, или россияне о магах и астрологах // ВЦИОМ : [сайт]. 06.03.2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=lto90f03o6236946703> (дата обращения: 17.03.2024).
32. Исследование Rambler&Co и Сберуслуги: услугами репетиторов пользуется половина родителей // Rambler-co : [сайт]. 10.09.2021. URL: <https://rambler-co.ru/news/350> (дата обращения: 17.03.2024).
33. *Кравченко С. А.* Парадоксы «стрелы времени»: рождение не-еды // Вестник Института социологии. 2015. № 3 (14). С. 12–29. EDN **UJEWDB**.
34. Социология питания: традиции и трансформации / С. А. Кравченко, Н. Н. Зарубина, А. В. Носкова [и др.] ; под общ. ред. Н. Н. Зарубиной, С. А. Кравченко. М. : МГИМО-Университет, 2017. 302 с. ISBN 978-5-9228-1585-7. EDN **XWBXKF**.
35. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман ; пер. с англ. ; под ред. В. Иноземцева. М. : «Логос», 2005. 390 с. ISBN 5-98704-075-2.

36. Шиловцев А. В. Социальная безопасность личности в условиях нестабильности и неопределённости: от страха к уверенности // Личность. Культура. Общество. 2015. Т. 17, № 3-4 (87-88). С. 206–210. EDN **SZMPPW**.
37. Алле М. Поведение рационального человека в условиях риска: критика постулатов и аксиом американской школы // THESIS. 1994. № 5. С. 217–241. URL: https://igiti.hse.ru/data/465/313/1234/5_4_1Allais.pdf?ysclid=ltvppqnxе2203921707 (дата обращения: 17.03.2024).
38. «Марафон желаний»: охват участников, удовлетворённость и потенциал // ВЦИОМ : [сайт]. 09.02.2022. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/marafon-zhelanii-okhvat-uchastnikov-udovletvorennost-i-potencial?ysclid=ltoa3nuеc9163358452> (дата обращения: 17.03.2024).
39. Лапин Н. И. Теория и практика инноватики : учеб. пособие. М. : Логос, 2008. 238 с. ISBN 978-5-98704-319-0. EDN **SURKRR**.
40. Горшков М. К., Ключарев Г. А. Непрерывное образование в современном контексте: монография / М. К. Горшков, Г. А. Ключарев ; 2-е изд. перераб. и доп. М. : Юрайт, 2020. 200 с. ISBN 978-5-534-08241-8. EDN **WAYZKB**.
41. Тихонова Н. Е. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. 2018. № 6 (410). С. 53–65. DOI [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053). EDN **XQOMMP**.
42. Стёпин В. С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 743 с. ISBN 5-89826-053-6. EDN **SIOLQR**.
43. Стёпин В. С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации // Вопросы философии. 1989. № 10. С. 3–18. EDN **STTZML**.
44. Ядов В. А. И всё же умом Россию понять можно // Россия: трансформирующееся общество / Отв. ред. В. А. Ядов. М. : Канон-Пресс-Ц, 2001. С. 9–20. ISBN 5-93354-008-0. EDN **SYMFHD**.
45. Кравченко С. А. Диагностика рисков становления новой России: запрос на интегральное и суверенное знание в сфере социально-политических наук // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 165–180. DOI [10.17976/jpps/2023.03.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.12). EDN **IRPWDE**.
46. Гусейнов А. А. Ценности и цели: как возможен моральный поступок // Этическая мысль. 2002. № 3. С. 3–37. EDN **LHTCZZ**.

Сведения об авторах

С. А. Кравченко

доктор философских наук,
профессор
AuthorID РИНЦ: **77019**
SPIN-код: **1915-6784**

Д. А. Свирская

соискатель кафедры социологии
AuthorID РИНЦ: **923211**
SPIN-код: **1714-4939**

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.
У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 18.03.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 02.04.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.5

THE BECOMING OF THE COMPLEX FEARS AMONG YOUNG PEOPLE: REFLECTION THROUGH THE PRISM OF THE GENOTYPE OF THE DOMESTIC CULTURE

Sergej Aleksandrovich Kravchenko¹

Daria Alexandrovna Svirskaya²

^{1, 2} Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation (MGIMO University)

Moscow, Russia,

¹ Institute of Sociology of FCTAS RAS,

¹ sociol7@yandex.ru,

ORCID 0000-0003-2528-5703

² daria_svirskaya@mail.ru,

ORCID 0009-0000-5683-1768

For citation: Kravchenko S. A., Svirskaya D. A. The becoming of the complex fears among young people: reflection through the prism of the genotype of the domestic culture. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):102–121. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.5.

Abstract. The article examines the process of the development and complication of fears, starting with the transition from the traditional society to the “risk society” and the “world risk society” and further to the modern society, the essential features of which, according to the anthropo-sociocultural approach of N. I. Lapin, are “synergistic complexities”. They represent realities as the result of a nonlinear process of their formation in the context of the past, present and future. Their immanent essence is manifested in self-development, self-organization and hybridization of nature, society, technology that is expressed in the emergent effects of instability, inequality, dynamic chaos, which produce fears for people about the uncertainties of the present and future. Specifically, two types of the synergistic complexities are considered, which are the determinants of the “culture of fear” (U. Beck) and the formation of a specific fear market in which staged fears of the complex type dominate and the means of their “treatment” are sold. However, the content of fears is determined not only by global trends in the transformation of the universe, but also by local national factors and, above all, by the genotype of the country’s culture. In this regard, foreign pragmatic approaches to minimizing fears are critically analyzed, which are contrasted with the research of the domestic scientists offering culturally determined means of overcoming them. In the conclusion, the authors substantiate the contours of the concept of a strategy for the reflexive treatment of fears, aimed at counteracting the penetration of staged fears into the consciousness of Russian youth.

Keywords: fear, risk, youth, “synergic complexity”, “culture of fear”, culture genotype, reflection

REFERENCES

1. Theological Encyclopedic Dictionary [Teologicheskij e'nciklopedicheskij slovar']. Eds. By U. Elvella. Moscow: Assotsiatsija "Duhovnoe vozrozhdenie"; 2003. 1488 p. (In Russ.). ISBN 5-87727-030-3.
2. Kerkegor S. Fear and trembling [Strax i trepet]. Transl. from Dan. by N. V. Isaeva, S. A. Isaev. 6nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt; 2020. 154 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-2463-2.
3. Heidegger M. What is Metaphysics? [Chto takoe metafizika] Transl. from Germ. by V. V. Bibihin. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt; 2013. 288 p. (In Russ.). ISBN 978-5-8291-1462-6.
4. Heidegger M. Being and Time [By'tie i vremya]. Transl. from Germ. by V. V. Bibihin. Kharkiv: "Folio"; 2003. 503 p. (In Russ.). ISBN 966-03-1594-5.
5. Freud S. Introduction to Psychoanalyses. Lectures [Vvedenie v psixoanaliz. Lekcii]. Trans. from German. Moscow: Nauka; 1989. 456 p. (In Russ.). ISBN 5-02-13357-4.
6. Duglas M. Risk. *THESIS*. 1994;(5):242–276. Available at: https://igiti.hse.ru/data/471/313/1234/5_4_2Daed.pdf?ysclid=ltvi20gsx1882576162 (accessed: 17.03.2024).
7. Luman N. Social Systems: general theory [Social'ny'e sistemy'. Oчерk obshhej teorii]. Ed. by N. A. Golovina. Transl. from German by I. D. Gaziev. Saint Petersburg: Nauka; 2007. 643 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
8. Durkheim E. Introduction to Sociology. The Rules of Sociological Method [Sociologiya. Eyo predmet, metod, prednaznachenie]. Transl. from French by A. B. Gofman. Moscow: Kanon; 1995. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-02-026871-5.
9. Gorshkov M. K., Petuhov V. V., Tihonova N. E. [et al]. Russia at a new turning point: fears and anxieties. Ed. by M. K. Gorshkov, R. Krumm, V. V. Petuhov. Moscow: Al'fa-M; 2009. 106 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98281-183-7.
10. Bauman Z. Liquid modernity [Tekuchaya sovremennost']. Trans. from Eng. by U. V. Asochakov. Saint Petersburg: Piter; 2008. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-469-00034-1.
11. Bauman Z. Liquid Fear. Cambridge: Polity Press; 2006. 188 p. ISBN 978-07456-3679-5.
12. Gorshkov M. K., Komissarov S. N., Karpukhin O. I. At the turn of the century: sociodynamics of Russian culture. Moscow: FNISC RAN; 2022. 703 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-390-4. DOI [10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022](https://doi.org/10.19181/monorg.978-5-89697-390-4.2022).
13. Gorshkov M. K., Andreev A. L., Barash R. E. [et al]. Historical consciousness of Russians: essays of the past, memory, symbols (experience of sociological dimension). Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Ves' Mir; 2022. 248 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0904-2. DOI [10.55604/9785777709042.20](https://doi.org/10.55604/9785777709042.20).
14. Bek K. Risk society: towards new modernity [Obshhestvo riska. Na puti k drugomu modern]. Transl. from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. Moscow: Progress-Tradisija; 2000. 383 p. (In Russ.). ISBN 589826-059-5.
15. Beck U., Beck-Gernsheim E. The Normal Chaos of Love. Cambridge: Polity Press; 1995. 240 p. ISBN 978-0-745-61382-6.
16. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press; 2009. 269 p. ISBN 978-0-745-64200-0.
17. Beck U. Power on the Global Age. Cambridge: Polity Press; 2006. 352 p. ISBN 978-0-745-63230-8.
18. Urry J. Climate Change & Society. Cambridge: Polity Press; 2011. 217 p. ISBN 978-0-745-65036-4.

19. Beck U., Beck-Gernsheim E. Distant Love. Cambridge: Polity Press; 2014. 220 p. ISBN 978-0-745-66181-0.
20. Beck U. Cosmopolitan Version. Cambridge: Polity Press; 2006. 216 p. ISBN 978-0-745-63399-2.
21. Ivanov V.N. Love and humor [Lyubov' i yumor]. Moscow: Neft i gaz; 2010. 184 p. (In Russ.). ISBN 5-7246-0399-3.
22. True love. VCIOM: [website]. 07.07.2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nastojashchaja-ljubov?ysclid=lt090f03o6236946703> (accessed: 17.03.2024).
23. Lapin N. I. Complexity of the formation of anew Russia anthroposociocultural approach. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Center of sociocultural change. Moscow: Ves' Mir; 2021. 364 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0848-9.
24. Toschenko Zh. T. Society of trauma. Between evolution and revolution (experience of theoretical and empirical analyses). Moscow: Ves' Mir; 2020. 352 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7777-0801-4.
25. Cascio J. Facing the Age of Chaos. Medium: [website]. 29.04.2020. Available at: <https://medium.com/cascio/> (accessed: 17.03.2024).
26. Prigogine I., Stengers I. Order out of chaos: man's new dialogue with nature. Transl. from Eng. by U. A. Danilov. Moscow: URSS; 2023. 320 p. (In Russ.). ISBN 978-5-354-01716-4.
27. Amosova N. A. Financial stability in financial markets between SPOD and VUCA words. *Scientific Works The Free Economic Society of Russia=Nauchnye trudy Volnogo ekonomicheskogo obschestva Rossii*. 2022;235(3):174–185. (In Russ.). DOI [10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185](https://doi.org/10.38197/2072-2060-2022-235-3-174-185). EDN VLKDas.
28. Kara-Murza S. G. Mind manipulation [Manipulyaciya soznaniem]. Moscow: Eksmo; 2005. 832 p. (In Russ.). ISBN 5-699-08331-6.
29. Kutashova L. A., Krasnikov L. A. Consequences of tranquilizer abuse. *Central Science Bulletin=Tsentralnyj nauchnyj vestnik*. 2016;1(17):20–22. (In Russ.).
30. Level of anxiety and fears of Russians. Klub of regions: [website]. Available at: <http://club-rf.ru/images/files/5eb3e657197b2.pdf> (accessed: 17.03.2024).
31. Mysterious and the other world or Russians about magicians and astrologers. VCIOM: [website]. 06.03.2024. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tainstvennoe-i-potustoronnee-ili-rossijane-o-magakh-i-astrologakh?ysclid=ltobm49911447738343> (accessed: 17.03.2024).
32. Half of parents use tutoring services. 10.09.2021. Rambler & Co: [website]. Available at: <https://rambler-co.ru/news/350> (accessed: 17.03.2024).
33. Kravchenko S. A. Paradoxes of the “arrow of time”: the birth of no food. *Bulletin of the Institute of Sociology=Vestnik instituta sotziologii*. 2015;3(14):12–29. (In Russ.).
34. Kravchenko S. A., Zarubina N. N. [et al]. Sociology of nutrition: traditions and transformations [Sotsiologija pitaniya: traditsii i transformatsii.]. Moscow: MGIMO-Universitet; 2017. 302 p. (In Russ.).
35. Bauman Z. Individualized society [Individualizirovanoe obshchestvo]. Transl. from Eng. by V. Inozemceva. Moscow: Logos; 2005. 390 p. (In Russ.). ISBN 5-98704-075-2.
36. Shilovcev A. V. Social security of the individual in conditions of instability and uncertainty: from fear to confidence. *Personality. Culture. Society=Lichnost. Kultura. Obschestvo*. 2015;17(3-4):206–210. (In Russ.).
37. Alle M. The behavior of the rational man in the face of risk: critique of the postulates and axioms of the American school [Povedenie racional'nogo cheloveka v usloviyax

- riska: kritika postulatov i aksiom amerikanskoj shkoly’]. *THESIS*. 1994;(5):217–241. Available at: https://igiti.hse.ru/data/465/313/1234/5_4_1Allais.pdf?ysclid=ltvppqnx2203921707 (accessed: 17.03.2024).
38. “Marathon of wishes”: scope of participants, satisfaction and potential. VCIOM: [website]. 09.02.2022. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analitycheskii-obzor/marafon-zhelanii-okhvat-uchastnikov-udovletvorennost-i-potencial?ysclid=ltoa3nu9163358452> (accessed: 17.03.2024).
 39. Lapin N. I. Theory and practice of innovation. Moscow: Logos; 2008. 238 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98704-319-0.
 40. Gorshkov M. K., G. A. Klucharev. Continuing education in the modern context. 2nd ed. Moscow: Yurajt; 2020. 200 p. (In Russ.). ISBN 978-5-534-08241-8.
 41. Tihonova N. E. Stratification by life chances of the mass strata of modern Russian society. *Sociological Studies = Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2018;(6):53–65. (In Russ.). DOI [10.7868/S0132162518060053](https://doi.org/10.7868/S0132162518060053).
 42. Stepin V. S. Theoretical science: structure, historical evolution [Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya e’volyuciya]. Moscow: Progress-Tradiciya; 2003. 743 p. ISBN 5-89826-053-6.
 43. Stepin V. S. Scientific knowledge and values of technological civilization [Nauchnoe poznanie i cennosti texnogennoj civilizacii]. *Problems of Philosophy = Voprosy filosofii*. 1989;(10):3–18. (In Russ.).
 44. Yadov V. A. You can understand Russia with your mind [I vsyo zhe umom Rossiyu ponyat’ mozžno]. In: Russia: transformation of society. Ed. V. A. Yadov. Moscow: Kanon-Press-CZ; 2001. P. 9–20. (In Russ.). ISBN 5-93354-008-0.
 45. Kravchenko S. A. Diagnostics of the risks of Russians development: request for integral and superstitious knowledge in the field of socio-political sciences. *Polis. Political Studies = Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023;(3):165–180. DOI [10.17976/jpps/2023.03.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.12).
 46. Guseynov A. A. Values and goals: how moral action is possible [Cennosti i celi: kak vozmozhen moral’ny’j postupok]. *Ethical Thought = Eticheskaja mysl*. 2002;(3):3–37. (In Russ.).

Information about the Authors

S. A. Kravchenko

Doctor of Philosophy,

Main Researcher

ResearcherID: [H-5769-2016](https://orcid.org/0009-0001-5769-2016)

Scopus AuthorID: [14630561400](https://orcid.org/0009-0001-5769-2016)

D. A. Svirskaya

Applicant

ResearcherID: [KFA-5785-2024](https://orcid.org/0009-0001-5785-2024)

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 18.03.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 02.04.2024.

АДАПТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МИГРАНТСКОЙ МОЛОДЁЖИ В МЕГАПОЛИСЕ: РЕСУРСОБЕСПЕЧЕННОСТЬ И ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАГЕСТАНЦЕВ, ПРОЖИВАЮЩИХ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ)

Екатерина Александровна Шекера

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
shekerak@gmail.com,
ORCID 0000-0001-6818-0181

Для цитирования: Шекера Е. А. Адаптационный потенциал мигрантской молодёжи в мегаполисе: ресурсообеспеченность и возможность развития (на примере дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге) // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 122–146. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.6. EDN WKMMBA.

Аннотация. В статье в рамках ресурсного подхода по результатам анкетного опроса выявляется оценка дагестанской молодёжью, проживающей в Санкт-Петербурге, своего адаптационного потенциала, выраженного в наличии как материальных, так и нематериальных ресурсов. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что успешность социальной адаптации внутренних мигрантов в новой среде во многом зависит от наличествующего адаптационного потенциала и составляющих его ресурсов, а также возможностей его мобилизации и наращивания. Соответственно, возможно корректировать процесс социальной адаптации, развивая определённые ресурсы, переводя их в капиталы. Автором обосновано разграничение понятий «потенциал», «капитал», «ресурс». Приведена авторская операционализация понятия адаптационного потенциала мигрантской молодёжи, разработанного на базе классификации адаптационных ресурсов, предложенной Ю. М. Пасовец. Новизна данного исследования заключается в первой попытке выявления адаптационного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, и составляющих его ресурсов. Выявлено, что на успешность адаптационного процесса наибольшее влияние оказывают личностно-культурный и социальный (индивидуальный) ресурсы. Обоснован вывод, что дополнительным ресурсом успешной адаптации может выступать включённость в общественную деятельность, но этот ресурс практически не реализован ввиду низкой включённости мигрантской молодёжи в данный вид деятельности. Соответственно, полученные результаты могут быть использованы в первую очередь лидерами и активистами общественных организаций, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, для вовлечения молодёжи в обществен-

ную деятельность. Полученные данные возможно использовать для корректировки процесса социальной адаптации дагестанской молодёжи на муниципальном уровне и уровне субъекта федерации.

Ключевые слова: социальная адаптация, адаптационный потенциал, ресурсы адаптации, дагестанская молодёжь, Санкт-Петербург, внутренняя миграция, ресурсный подход, капитал

Введение

Вопросы социальной адаптации мигрантов, в том числе внутренних, сохраняют свою актуальность в исследованиях миграции. Одни группы адаптируются в принимающее общество бесконфликтно, другие же постепенно маргинализируются, становясь завсегдатаями криминальных хроник, причин для этого может быть множество. Актуальность исследования, данные которого анализируются в статье, обусловлена тем, что успешность социальной адаптации внутренних мигрантов в новой среде во многом зависит от наличествующего адаптационного потенциала и составляющих его ресурсов, а также от возможностей его мобилизации и наращивания. Выявление составляющих адаптационного потенциала дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, позволит выделить наиболее востребованные ресурсы, а также дефицитные и невостребованные. Дагестанская молодёжь характеризуется как довольно «заметная» (в подавляющем большинстве случаев данное слово имеет отрицательную коннотацию) группа в Санкт-Петербурге, наряду с представителями других субъектов СКФО, что актуализирует социальный запрос на «мягкую» корректировку процесса социальной адаптации, для ответа на который требуется понимание структуры, объёма и сущности адаптационного потенциала дагестанской молодёжи. Это позволит увидеть, какие ресурсы входят в адаптационный потенциал, выявить нереализуемые, которые возможно мобилизовать для «сглаживания острых углов» адаптационного процесса.

Методология исследования

Основными в понятийном аппарате исследования являются категории ресурсов, адаптационного потенциала и капитала. Не претендуя на полный обзор теоретических подходов, рассмотрим вышеперечисленные понятия в рамках процесса социальной адаптации на примере работ отечественных и зарубежных исследователей. В отечественных социальных науках понятия «адаптационный потенциал» и «адаптивный потенциал» употребляются как синонимы [1]. Наиболее часто цитируемым определением адаптивного потенциала является определение, данное Л. В. Ко-

рель: «совокупность свойств, качеств, характеристик (ресурсов), которые существуют у адаптанта в скрытом виде и «задействуются», то есть актуализируются, в ходе адаптации» [2, с. 307]. При этом адаптивный потенциал, согласно Л. В. Корель, складывается из двух векторов: с одной стороны, он включает в себя способность к сопротивлению среде с её последующей перестройкой «под себя», с другой – способность к ассимиляции со средой с последующим поглощением ею [2, с. 307].

Пришедшее из экономики понятие «капитал» рассматривалось изначально как набор материальных ресурсов, однако этого оказалось недостаточно для разработки объяснительных моделей существования некоторых явлений, например, неравенства в социальной стратификации при наличии примерно равных материальных ресурсов. Основы понятия «капитал» в социальных науках заложены П. Бурдьё. К основным видам капитала он относит экономический (институционализируется в форме прав собственности), культурный (институционализируется в форме образовательных квалификаций)¹, социальный (существует в форме межличностных отношений, его образуют социальные обязательства «связи») [3]. Символический капитал делает возможным, или узаконивает, использование других видов капитала, это своего рода кредит доверия или репутация индивида. Таким образом, капитал является и ресурсом, и инструментом для достижения целей индивида. Общий объём капитала [4, с. 15] (сумма всех видов капитала) и сочетание разных видов капитала адаптанта – это его ресурсная база, которая может быть эффективной или неэффективной в зависимости от способов её использования [5, с. 3–4]. Задача адаптации связана с мобилизацией имеющихся ресурсов. Однако для успешной адаптации необходимо не просто наличие адаптационных ресурсов, но и их «ликвидность», востребованность в данной конкретной ситуации. Каждый ресурс имеет адаптивную ценность, а потому его адаптивный характер не абсолютен, а относителен [6, с. 13]. Таким образом, принципиально важна адекватная оценка адаптирующимся субъектом своего адаптивного потенциала, а также способность к его наращиванию в тех ресурсах, которые максимально ликвидны в данной среде в конкретный момент времени, либо прогнозирование этой ликвидности.

В отечественной социологии попытку экономико-социологической интерпретации понятия «капитал» предпринял В. В. Радаев [7, с. 5–17], интеллектуально проработав теоретические наработки П. Бурдьё, Дж. Коулмана и других исследователей, а также составив классификацию ос-

¹ Однако П. Бурдьё, расширяя понятие «человеческий капитал» Г. Беккера, которое непосредственно связано с образованием, включает в культурный капитал не только образование, но и манеру поведения, речи, эрудиции, жизненной философии и т. д.

новных форм капитала и проблемы их взаимной конвертации¹. Основная цель В. В. Радаева носит прикладной характер – поиск операциональных понятий для применения в эмпирических исследованиях. В. В. Радаев расширил список, предложенный П. Бурдьё, до восьми видов капитала. Так, из экономического капитала он выделил физический, из культурного – человеческий и административный, из социального – политический и символический. Все указанные формы капитала могут в той или иной мере конвертироваться в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Под капиталом В. В. Радаев понимает «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включён в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путём взаимной конвертации своих разнообразных форм» [7, с. 21]. В исходном политико-экономическом определении капитал обладает пятью конституирующими свойствами: ограниченностью, способностью к накоплению, ликвидностью (способностью превращаться в денежную форму), способностью к конвертации (постоянной смене собственных форм, благодаря которым капитал и воспроизводится) и самовозрастающей стоимостью (благодаря воспроизводству).

Понятие «социальный капитал» относится к ресурсам, связанным с прочными и надёжными связями в социальных сетях. Со второй половины XX века в социальном капитале стали также выделять сетевой капитал², однако в данном исследовании мы будем придерживаться классической трактовки социального капитала через объём и характер связей адаптанта.

В рамках ресурсного подхода [11], который заключается в выявлении и оценке имеющихся ресурсов у изучаемого объекта (индивида, группы, населения страны и др.), работали многие отечественные учёные, предложившие свои наборы ресурсов и способы их эмпирической интерпретации. Данная работа опирается на определение понятия «адаптационные ресурсы», предложенное А. Н. Осяниным: «совокупность потенциальных и актуальных средств, которыми обладает и которые использует субъект для обеспечения эффективной деятельности и успешной адаптации» [12, с. 20]. В целом все предложенные ресурсы опираются на перечисленные выше виды капиталов и представляют собой различные комбинации и где-то более мелкое, где-то более крупное типологическое деление [2; 13; 1; 14; 15]. Характер изменения в российской действительности (социально-экономическая турбулентность времён распада Советского Союза и дальнейшие экономические кризисы) показал, что наиболее стабильными оказались нематериальные виды ресурсов, составляющих адаптационный потенциал (см., например, [16; 17]), среди которых осо-

¹ Иные классификации капитала представлены в работах отечественных исследователей: [8; 9].

² Дискуссию о соотношении социального и сетевого капитала см. [10].

бое место занимает социальный капитал. Его исследованию посвящено подавляющее большинство отечественных исследований по капиталу вообще (см., например, [18; 19].

Обобщённо соотношение понятий «потенциал», «капитал», «ресурс» в понимании автора исследования, представленного в статье, выглядит следующим образом:

- Ресурс – запас материальных и нематериальных средств, который используется для удовлетворения потребностей.
- Капитал – совокупность ресурсов, которые можно применять для получения различного вида пользы, которые, в свою очередь, могут быть конвертированы в денежный доход. Капитал может быть скорректирован посредством целенаправленного инвестирования (временного, денежного и т. д.) в определённые виды ресурсов.
- Потенциал – совокупность ресурсов, существующих в скрытом виде, которые могут быть мобилизованы для достижения тех или иных целей. Мобилизация потенциала при благоприятных условиях переводит его в капитал при возможности получения пользы от его применения. Потенциал может включать в себя ресурсы (удовлетворение наличествующих потребностей), капиталы (целенаправленное инвестирование для увеличения шансов достижения жизненных целей от определённых ресурсов) и пассивную часть, которая не оказывает на текущую деятельность никаких эффектов.

Успешность социальной адаптации достигается через наличие и активацию имеющихся ресурсов, таким образом, задача данной статьи определить ресурсообеспеченность дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, а также предложить возможные пути активации и развития недоиспользованных и комбинации наличествующих ресурсов. По результатам проведённого аналитического обзора подходов к структурированию ресурсов адекватным для целей анализа автор принимает классификацию, разработанную Ю. М. Пасовец [1], по отношению к которой и конструирует эмпирическую интерпретацию конкретных ресурсов.

Методика сбора, анализа и интерпретации эмпирических данных

Одной из основных проблем изучения внутренней миграции является невозможность определения количества внутренних мигрантов, находящихся на той или иной территории в конкретный временной отрезок (подробнее см.: [20, с. 95]). По данным представителя Республики Дагестан в Санкт-Петербурге Гасана Гасанова от декабря 2020 г.: «Сегодня

свыше 75 тысяч дагестанцев официально прописано и зарегистрировано в городе и области»¹. Установить же точное количество молодёжи в возрасте от 16 до 35 лет, проживающей в городе, невозможно.

Цели и задачи исследования не требовали строгой репрезентации по определённым критериям тем более, что такая статистика отсутствует: интерес представлял первый диагностический замер общего состояния адаптационного потенциала дагестанской молодёжи в мегаполисе. Для такого замера объём совокупности, позволяющий делать общие выводы, допускается ограничить 300 респондентами. Методами сбора информации, адекватными целям и задачам исследования, стали аудиторный опрос, личные интервью, самозаполнение он-лайн по единому инструментарию.

Анкетирование проходило с 20 апреля по 20 мая 2019 г. Опрашивались представители молодёжи из Дагестана, проживающие в Санкт-Петербурге (в том числе проживающие с рождения – 23 респондента), в возрасте от 16 до 35 лет. Изначально анкетирование проводилось на совместном мероприятии КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», но раздаточное анкетирование на бумажном носителе не оправдалось ввиду занятости респондентов и объёма анкеты (анкета включает 48 вопросов). Респонденты просили прислать ссылку в электронном виде, чтобы иметь возможность заполнить анкету в удобное время. Таким образом, основной сбор данных проходил посредством распространения ссылки на анкету, расположенную на сервисе *Google Forms*, через площадки в социальной сети «ВКонтакте»: группы некоммерческих организаций – КПЦ «Дагестан» и СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», также группу, ориентированную на проживающих в Санкт-Петербурге земляков из Дагестана.

Всего пригодных для анализа анкет собрано 303. В рамках настоящего исследования будут проанализированы данные только 280 респондентов, непосредственно совершивших переезд из Республики Дагестан в Санкт-Петербург. База данных формировалась, и результаты анкетного опроса обрабатывались с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics.

К доминирующим причинам переезда молодёжи из Республики Дагестан в Санкт-Петербург, как показал опрос, относятся²: получение образования (61,3%), желание получить больше возможностей для развития (45,7%), намерение больше заработать (27,0%), повысить уровень жизни

¹ Казибеков М. Санкт-Петербург и Махачкала: далёкое и близкое... // Махачкалинские известия. Общественно-политический еженедельник. 04.12.2020. URL: https://midag.ru/2020/12/04/sankt_peterburg_i_makhachkala_dalekoe_i_blizkoe___/ (дата обращения: 16.06.2023).

² Отмеченные более, чем 20% опрошенных.

(23,8%), найти более интересную работу (21,3%), отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте (21,3%), возможность трудоустроиться по специальности (20,2%).

Таблица 1

Типология, интерпретация и эмпирические индикаторы ресурсов адаптации

Ресурсы адаптации	Интерпретация	Индикаторы
Материальный	Уровень доходов, объём собственности, жилищные условия и др.	Достаточное количество денежных сбережений, среднемесячный доход, основные источники дохода, жилищные условия, в том числе собственность
Демографический	Физические характеристики, семейное положение и др.	Пол, возраст, брачный статус, наличие детей
Личностно-культурный	Качества личности, её ценности, установки, идеалы и др.	Собственная целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе, жизненный опыт
Социальный	Включённость в различные социальные сети, обладание властью и др.	Помощь, поддержка родственников и друзей из земляков и/или из местных жителей, связи с нужными людьми (деловые, официальные, неформальные), помощь местных общественных организаций, помощь государственных структур, круг общения, вовлечённость в общественную деятельность, взаимодействие с общественными организациями
Образовательно-профессиональный	Уровень образования и квалификации, профессиональный статус	Наличие и уровень образования, профиль образования, наличие работы, профессиональный опыт, характер труда, сфера труда, наличие желания сменить работу

Исходя из выявленных причин переезда, успешность социальной адаптации дагестанской молодёжи мы определяем как встраивание в принимающее общество посредством образовательной и/или трудовой деятельности. Эмпирическими критериями успешности социальной адаптации молодых мигрантов из Дагестана в исследовании являются самоощущение степени приспособления к новым условиям жизни и позитивные изменения профессионального статуса и возможностей профессионального роста, финансового.

Проведённый анализ предыдущих исследований позволил остановиться на выборе классификации ресурсов, разработанной Ю. М. Пасовец [1], операционализировав их исходя из целей данного исследования (см. табл. 1). Выбранная классификация представляется в данном случае

наиболее приемлемой, единственное, был исключён властный ресурс, поскольку он малодоступен для мигрантской молодёжи. Индикаторы ресурсов были разработаны с учётом приведённого обзора исследований, стандартных вопросов (паспортичка), а также целей настоящего исследования. Сами вопросы и варианты ответов были разработаны с учётом проведённого в 2011 году авторского пилотажного исследования, эмпирическим объектом изучения которого являлась дагестанская студенческая молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге.

Результаты

Большинство дагестанской молодёжи к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге адаптировалось: 73,9% – полностью, 20,0% – отчасти, никак не приспособились – 2,2%, затруднились с ответом – 3,9%. Таким образом, степень адаптированности по самоощущениям основной части молодёжи довольно высокая. На успешность социальной адаптации непосредственно влияет обустройство на новой территории, что выражается в изменении положения после переезда в Санкт-Петербург (см. табл. 2.).

Таблица 2
Изменение положения после переезда в Санкт-Петербург, в %

Статус/положение	Характер изменений положения после миграции				
	улучшилось	ухудшилось	осталось прежним	затруднились	не ответили
Профессиональный статус и возможности профессионального роста	58,9	16,1	6,8	4,6	13,6
Финансовое положение	44,3	14,6	14,6	6,5	20,0
Имущественное (квартира, машина и т. д.)	25,0	11,4	23,2	5,7	34,7

Выявлено улучшение профессионального статуса и возможностей профессионального роста (58,9%) и финансового положения (44,3%), как следствие – улучшение имущественного положения (25,0%), однако примерно такая же часть опрошенных (23,2%) отметила, что имущественное положение осталось на прежнем уровне. Примерно у каждого седьмого опрошенного все три показателя: финансовый, имущественный, профессиональный – ухудшились после переезда.

Демографический ресурс адаптации. Основные социально-демографические характеристики молодёжи из Дагестана, проживающей в Санкт-Петербурге, отражены в таблице 3.

Таблица 3

Основные социально-демографические характеристики, в %¹

Характеристики		Распределение респондентов
Возраст, лет	16–19	13,2
	20–23	28,2
	24–27	28,9
	28–31	17,5
	32–35	9,7
Семейный статус	Холост/не замужем	62,1
	Женат/замужем	31,8
	Разведен (-а)	5,3
	Вдовец/вдова	0,4
Наличие детей	Нет детей	72,1
	Да, 1 ребёнок	12,5
	Да, 2 ребёнка	12,1
	Да, 3 ребёнка	1,4
	Да, более 3 детей	0,8

Распределение респондентов по полу практически равное: 47,9% – женщин и 52,1% – мужчин. Наиболее многочисленные дагестанские этносы, представленные в проведённом опросе, входят в список 14 коренных малочисленных народов Республики Дагестан: аварцы – 80 (28,6%), лезгины – 51 (18,2%), кумыки – 47 (16,8%), даргинцы – 32 (11,4%), табасаранцы – 21 (7,5%), лакцы – 17 (6,1%) и др.

Материальный ресурс адаптации. Основа материального положения – это наличие и уровень дохода. Мы рассмотрим доход на одного члена семьи учитывая иждивенческую нагрузку (в данное понятие мы включили только наличие детей). Фактически оценивался уровень дохода респондентов на одного члена семьи (относительно прожиточного минимума 11 055 руб./мес. по Санкт-Петербургу за IV квартал 2018 г. в зависимости от количества детей²). В совокупности доход 41,8% опрошенных примерно равен прожиточному минимуму (соответствует и немного выше), 17,8% имеют доходы ниже прожиточного минимума, также совокупно 36,1% имеют доход существенно выше прожиточного минимума (в два, три, четыре и более раз). Большинство респондентов, имеющих детей, по уровню дохода расположены относительно прожиточного минимума в категориях: «ниже», «соответствует», «немного выше». Основные источники доходов респондентов представлены на рисунке 1.

¹ В таблице не представлен вариант «Другое». 2,5% респондентов не указали возраст, 0,4% — не указали семейный статус, 1,1% — не указали наличие/отсутствие детей.

² 4,3% респондентов не ответили на данный вопрос.

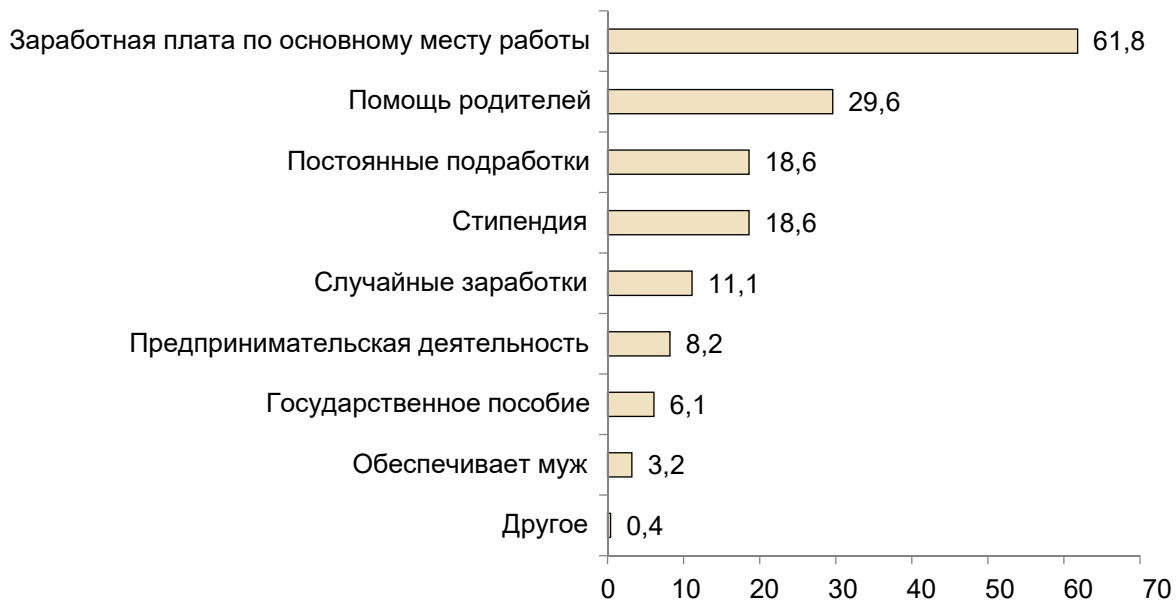

Рис. 1. Основные источники доходов респондентов

Данные опроса показывают, что в целом дагестанская молодёжь довольно активно включена в различную трудовую деятельность.

Продолжительность проживания респондентов в Санкт-Петербурге также может рассматриваться как дополнительный временной ресурс. Рубеж проживания в 10 лет – это достигнутый этап приживаемости по Л. Л. Рыбаковскому [21, с. 74]. Действительно, наибольшее число опрошенных, которые имеют своё жильё в Санкт-Петербурге (всего своё жильё имеют 14,6%, см. рис. 2), проживают в городе более 10 лет, распределение наличия собственного жилья в зависимости от сроков проживания выглядит следующим образом: более 10 лет (5,0%), 7–10 лет (3,2%), 4–6 лет (3,2%), 1–3 года (2,5%), меньше года (0,7%)¹.

Образовательно-профессиональный ресурс адаптации. На момент проведения опроса 38,6% опрошенных уже имели высшее образование, 24,3% – среднее специальное, 1,8% – получили степень кандидата наук. О наличии любого вида обучения на момент прохождения опроса сообщили совокупно 51,4% опрошенных. О наличии любого вида работы на момент прохождения опроса сообщили 67,8% опрошенных, в том числе 4,6% совмещают занятость по основному месту работы с дополнительной, неработающие составили 31,4%.

Совокупно 16,1% имеющих постоянную работу совмещают её с учёбой, 2,5% совмещают работу по основному месту работы, дополнительную работу и обучение. Также выявлена небольшая совокупность респондентов, не задействованных ни в учебной, ни в трудовой деятельности – 5,4%.

¹ Подробнее о проживании см. работу автора статьи [27].

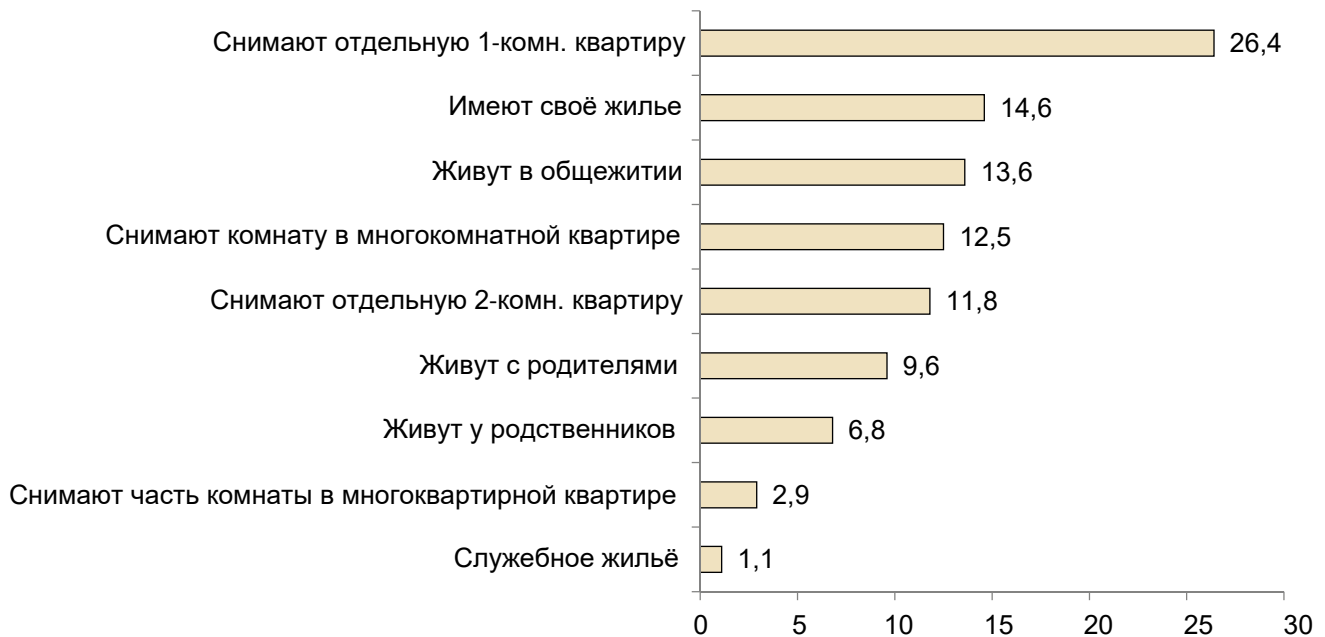

Рис. 2. Жилищные условия молодых дагестанцев в Санкт-Петербурге ¹

Далее рассмотрим сферы трудовой деятельности, в которых работает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге (см. рис. 3).

Исследование коллег [22] на основании результатов опроса выпускников университетов России выявило зависимость уровня заработной платы от степени совпадения полученного образования и сферы трудовой деятельности: чем выше несоответствие, тем ниже заработная плата. Таблица сопряжённости (не представлена в силу её объёма) по соотношению работы по специальности и сферы деятельности показала, что наибольшее количество респондентов, работающих по специальности, сосредоточено в сферах (по убыванию): медицина, фармацевтика, аптеки, наука/образование, государственные организации. Совпадение специальности и занятости представляет собой значимый адаптационный ресурс не только по показателю зарплаты, но и по нематериальному показателю удовлетворённости этой сферой жизни.

Немаловажную роль в оценке профессиональной деятельности играет её характер (см. рис. 4).

Тот факт, что более половины опрошенных заняты на должностях специалистов и руководителей, говорит о достаточном уровне адаптированности по этому ресурсному показателю.

Основным индикатором удовлетворённости от текущей трудовой деятельности является наличие/отсутствие желания сменить место работы: желание сменить работу имеется у 44,2% опрошенных, что свидетельствует о недостаточно полном удовлетворении их текущих потребностей.

¹ Нет ответа – 0,7% респондентов.

Рис. 3. Сферы трудовой деятельности, в которых работает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге¹

Социальный ресурс адаптации. Поскольку проведённое исследование не преследовало цели фокусирования только на ресурсах адаптации, мы используем расширенную классификацию, а именно выделение индивидуального и организационного социального капитала. Рассмотрим подробнее, какими ресурсами социального капитала обладает дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге.

Успешность процесса социальной адаптации во многом зависит от интенсивности связей в повседневной жизни с представителями принимающего общества, поскольку чем интенсивнее позитивные связи, тем легче проходит адаптация и интеграция. Наименее востребованными оказались варианты: соседи по дому (15,4%) и соседи по району (12,1), что довольно характерно для приезжих в мегаполисе: разрушение традиционного

¹ Доли рассчитаны от количества работающих – 190 респондентов, 1,8% не указали сферу деятельности.

Рис. 4. Характер трудовой деятельности¹

соседства в урбанизированном пространстве, мобильный характер жизни (частые переезды в связи с меняющимися обстоятельствами) и т. д. 6,4% респондентов оказались абсолютно не вовлечёнными в интенсивные социальные сети, указав на полное отсутствие друзей. В целом наблюдается высокая внутригрупповая сплочённость, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники и земляки.

В рамках методологии исследования общественная деятельность рассматривается как «адапталлизатор, то есть как совокупность элементов, условий, регуляторов, детерминант, повышающих адаптивную способность, помогающих раскрыться адаптивному потенциалу, ускоряющих адаптивный процесс» [23, с. 74]. Только 15,0% опрошенных были вовлечены в общественную деятельность на момент опроса (лидер и член/волонтер общественной организации). До переезда в Санкт-Петербург каждый пятый респондент (21,8%) был вовлечён в общественную деятельность. После переезда процент вовлечённых в общественную деятельность снизился (с 21,8% до 15,0%). Прослеживается тенденция более активной вовлечённости в общественную деятельность тех, кто мигрировал недавно: проживает в городе от одного до трёх лет.

Далее, чтобы не задавать респондентам наводящий вопрос, было скрыто наименование активно действующей в Санкт-Петербурге молодёжной

¹ 190 респондентов, 2,6% не указали характер трудовой деятельности.

организации – СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», вопрос задавался в обобщённом виде: «Можете ли вы сказать что-либо о какой-нибудь молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге?» Довольно малый процент имеет отношение к молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, совокупно о вовлечении («Являюсь членом этой организации» и «Являюсь организатором (активным участником) организации») сообщили 13,9% респондентов, чуть более трети информировано о наличии такой организации (33,9%), 0,4% респондентов получали помощь, т. е. совокупно 48,2% опрошенных в разной степени взаимодействуют (в том числе осведомлены о существовании) с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», и это при том, что данная организация проводит около 100 мероприятий ежегодно. Далее респондентам, которые указали на любые виды взаимодействия с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана», включая информированность¹, было предложено ответить на вопрос: «Какие преимущества Вы видите в том, что состоите в молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге?» Среди преимуществ членства (реальных или потенциальных)² в молодёжной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, доминирует коммуникативно-культурная направленность – общение с земляками (51,9%), сохранение культуры (47,4%), новые знакомства (48,1%), далее следует просветительская направленность («просвещают окружающих людей о культуре и народах Дагестана») (39,3%), затем – познавательная – узнают что-то новое (40,0%), также досугово-деятельностная направленность – совершают хорошие дела (34,1%) и участвуют в мероприятиях (31,1%), малая доля респондентов (5,2%) реализует свой проект, также значимо получение моральной поддержки (28,9%) и возможность обратиться за помощью (24,4%).

В Санкт-Петербурге находится дагестанское землячество, при проведении анкетного опроса оно было определено как диаспора³. Только треть опрошенных (32,9%) поддерживает связь с ней. Диаспора не играет никакой роли в повседневной жизни 66,7% опрошенных⁴.

Ответы остальных выявили, что среди преимуществ связи с диаспорой доминирует коммуникативно-культурная направленность – сохранение культуры (57,6%) и поддержание связи со «своими» (50,0%), на втором

¹ Информированность понимается в широком смысле, в том числе указывает на периодическое взаимодействие, например, посещение мероприятий.

² Мнение 135 респондентов (48,2% всей выборки), которые отметили взаимодействие с СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана».

³ Понятие «диаспора» в данном исследовании применяется к внутренним мигрантам, проживающим в ином субъекте РФ.

⁴ 0,4% респондентов не ответили на данный вопрос.

месте прагматическая направленность – есть к кому обратиться за помощью в случае чего (50,0%) и новые полезные знакомства (48,9%), замыкает тройку досуговая направленность (42,4%). Для сравнения, возможность обращения за помощью в дагестанскую диаспору значима для 50,0% опрошенных, в то время как в молодёжную общественную организацию – 24,4%, что понятно, поскольку молодёжная общественная организация обладает гораздо меньшими возможностями.

Обсуждение

В предыдущем разделе описывались фактологические данные относительно адаптационного потенциала дагестанских мигрантов. Без личного отношения к процессу вживания в новую среду не понять и не оценить продуктивность использования и капитализации этого потенциала. Прежде чем перейти к обсуждению результатов и формулированию выводов, рассмотрим данные о *личностной значимости адаптационных ресурсов (в том числе личностно-культурный ресурс адаптации)*. Респондентам задавался вопрос: «Что из перечисленного ниже, по-вашему мнению, помогло/воспрепятствовало/не помогло вам приспособиться к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге?» В инструментарии предлагался перечень адаптационных ресурсов (см. табл. 1). На рисунке 5 представлено распределение ответов респондентов.

Самым востребованным и эффективным типом ресурсов, который помог приспособиться молодым мигрантам из Дагестана к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге, оказался *личностно-культурный*: собственная целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе (92,9%), а также жизненный опыт (69,4%). Вторым по эффективности адаптации оказался *социальный (индивидуальный)*, выраженный в семейно-родственных, дружеских и земляческих связях (75,5%), родственников и друзей из местных жителей (62,2%), связях с нужными людьми (46,2%). На третьем месте – *образовательно-профессиональный* ресурс, выраженный в виде профессионального опыта, который на момент опроса помог 44,4% респондентов. *Материальный* ресурс в виде достаточного количества денежных сбережений занял четвёртое место, способствовал адаптационному процессу 36,8% опрошенных. Наконец, наименее востребованный вид ресурсов – *социальный (организационный)*, выраженный в помощи местных общественных организаций – 18,5% и помощи государственных структур – 12,2%. Эти ресурсы лидируют по критерию «не помогло приспособлению» – 24,4% (помощь местных общественных организаций) и 23,3% (помощь государственных структур), и по критерию «такого ресурса у меня не было» – 50,4% и 52,7%

Рис. 5. Характер влияния ряда ресурсов на адаптацию молодых дагестанцев к новым условиям жизни в Санкт-Петербурге, % от ответивших (n=280)

соответственно. Попытка выделения антисредств социальной адаптации (вариант «воспрепятствовало») не может быть оценена однозначно, поскольку интерпретация полученных результатов возможна только при более глубоком изучении, например, при проведении интервью.

Таким образом, наблюдается следующая тенденция: одни виды ресурсов компенсирует отсутствие других, либо индивиды сознательно выбирают определённую стратегию, при которой развивают наиболее выгодные ресурсы, превращая их в капиталы.

В целом данные показывают, что опрошенная дагестанская молодёжь в максимальной степени в процессе социальной адаптации полагается на себя, то есть на собственную целеустремлённость, предприимчивость, активность, требовательность к себе (92,9%). Используемый в процессе адаптации личностно-культурный ресурс опирается на базовые ценности российской молодёжи. Так, согласно исследованию М. К. Горшкова и Ф. Е. Шереги, качества, которые российская молодёжь ценит в людях в наибольшей степени: ум (69,3%), целеустремлённость (48,9%), уверенность в себе (48,7%) [24, с. 131]. Эти ценностные ориентации сегодняш-

ней российской молодёжи, по мнению авторов упомянутого исследования [24, с. 135], составляют потенциал формирования активной, в гражданском отношении плодотворной и ответственной позиции, гражданской самостоятельности и инициативности, необходимых для осознания молодёжью своих прав и ответственности за будущее государства. Вовлечение в общественную деятельность способно не только привить потребность в консолидации, но и предоставить необходимые инструменты для решения как личных, так и общественных задач. Несмотря на очевидные плюсы от занятий общественной деятельностью, вовлечённость дагестанской молодёжи остаётся на низком уровне. Стоит сделать необходимую оговорку: полученные в исследовании данные являются завышенными (15,0% вовлечены в общественную деятельность), поскольку распространение анкеты в том числе происходило посредством молодёжной общественной организации, представляющей Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, СПБОО «Содружество Молодёжи Дагестана». Соответственно, данный показатель существенно выше общероссийского, так, по данным Росстата за 2020 год¹, в деятельность общественных, добровольных и благотворительных организаций (движений) вовлечено 4,5% респондентов в возрасте 16–29 лет (для дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге в возрасте от 16 до 29 лет данный показатель – 11,4%).

Как и в исследованиях, приведённых выше (см., например, [18; 19]), социальный капитал занимает крайне сильную позицию в адаптационном потенциале дагестанской молодёжи, что объясняется высокой внутригрупповой сплочённостью, поскольку ближайший круг общения совокупно 84,3% респондентов составляют в том числе родственники и земляки. Похожие результаты демонстрирует исследование К. И. Казенина и И. В. Стародубровской дагестанских мигрантов в Астрахани [25]. В ходе исследования было выявлено, что «среднее число людей той же национальности, что и респондент, среди пяти человек, контакты с которыми наиболее часты, у молодёжи – 3,1, а у более старших – 3,6%» [25, с. 421]. К. И. Казенин и И. В. Стародубровская приходят к выводу, «что в условиях отсутствия дискриминации мигрантов и ассимиляционного давления на них происходит постепенная интеграция в том числе и представителей замкнутых переселенческих сообществ, причём эта интеграция характеризуется низкой конфликтностью, хотя всё равно сопровождается достаточно высоким уровнем стресса (особенно у девушек). Можно также утверждать, что подобные условия способствуют интеграции в культуру мейнстрима, а не в контркультуру, поскольку система образования обеспечивает перспективу вертикальных лифтов и необходимую социа-

¹ Российский статистический ежегодник. Стат. сб. / Росстат. М., 2021, С. 259.

лизацию в принимающем обществе. В то же время в определённой мере интеграция происходит в мусульманскую культуру – так, для молодёжи могут быть менее важны браки с односельчанами или в рамках своей этнической группы, но повышается важность религиозной общности супругов» [25, с. 425].

Предыдущее авторское исследование [20] выявило некую зависимость компактности проживания дагестанской молодёжи в Санкт-Петербурге от места исхода, по совокупным показателям («да, живут в моем доме» и «да, живут в соседних домах») лидируют следующие регионы исхода в порядке убывания по количеству выбравших данные варианты: Махачкала (10,5%), Хасавюрт (4,6%), Дербент (3,9%), Буйнакс (2,3%), Избербаш (2,3%), Каспийск (~2%), Сулейман-Стальский район (~2%), Хунзахский район (1,65%). В целом, совокупно 55,2%¹ опрошенных отметили, что по соседству с ними проживают другие дагестанцы.

Несмотря на регистрируемую позитивную роль диаспор и землячеств в адаптации и интеграции мигрантов (см., например, [26]), только 32,9% опрошенных среди дагестанской молодёжи поддерживают связь с дагестанской диаспорой, при этом доминирует коммуникативно-культурная направленность, прагматическая направленность отходит на второй план. Таким образом, предпочтение отдается родственно-дружеским связям.

Заключение

Проведённое исследование позволило выявить адаптационный потенциал дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге, и капиталы и ресурсы, составляющие его. На успешность адаптационного процесса наибольшее влияние оказывает личностно-культурный ресурс. Индивидуальный социальный и организационный социальный ресурсы оказывают диаметрально противоположное влияние, в связи с чем, возможно, имеет смысл пересмотреть операционализацию социального ресурса, либо произвести его переклассификацию. Образовательно-профессиональный ресурс для оценок дагестанской молодёжью был представлен только в виде профессионального опыта, если учесть, что среди причин переезда молодёжи в Санкт-Петербург для 61,3% доминирует желание получить образование, имело смысл сбалансировать данный вопрос анкеты также вариантом, отражающим ценность полученного/получаемого образования, но это уже залог на будущие исследования. Материальный ресурс оказался в достатке у 36,8% респондентов, при этом анализ ресурсов по самым крупным этническим группам, представленным в опросе,

¹ Из всей совокупности опрошенных (303 респондента), поскольку конструировалась общая карта расселения молодых выходцев из Республики Дагестан.

показал, что самой материально-обеспеченной этнической группой являются лакцы (41,2%).

В целом дагестанская молодёжь, проживающая в Санкт-Петербурге, активно включена в образовательную и трудовую деятельность, дополнительным ресурсом включения может выступать общественная деятельность (при ответе на вопрос об уровне адаптированности к новым условиям жизни все, кто вовлечён в общественную деятельность, выбрали варианты «вполне» и «отчасти»), однако сделать однозначные выводы о позитивном влиянии её на адаптационный процесс не позволяет объём выборки и малый процент вовлечённых в общественную деятельность вообще. Связи с дагестанской диаспорой не играют никакой роли в повседневной жизни 66,7% опрошенных. Однако возможность обращения за помощью в дагестанскую диаспору значима для 50,0% опрошенных¹, а в молодёжную общественную организацию – 24,4%, что указывает на заложенный в данных сетях социальный капитал.

Полученные результаты могут быть использованы в первую очередь лидерами и активистами общественных организаций, представляющих Республику Дагестан в Санкт-Петербурге, для вовлечения молодёжи в общественную деятельность, поскольку в ней, на взгляд автора, скрыт большой нереализованный потенциал, который позволяет облегчать адаптационный процесс. Также полученные данные возможно использовать для корректирования процесса социальной адаптации дагестанской молодёжи на муниципальном уровне и уровне субъекта федерации. На примере деятельности СПбОО «Содружество Молодёжи Дагестана» было выявлено слабое информирование дагестанской молодёжи о проходящих мероприятиях при том, что данная организация проводит около 100 мероприятий ежегодно. Таким образом, представляется необходимым расширить каналы распространения информации, например, задействовав группы дагестанских землячков в социальной сети «ВКонтакте», либо создать единое информационное пространство, где будут освещаться все новости и события из жизни как дагестанцев, проживающих в Санкт-Петербурге, так и актуальная и полезная информация из Республики Дагестан. В данной статье содержатся сведения, полезные самой дагестанской молодёжи, как то акцентирование внимания на эффективности расширения социальных связей, экономической выгоде работы, приближенной к полученному образованию, позитивной роли землячеств (диаспор) в процессе адаптации, пользе общественной деятельности.

Таким образом, проведённое исследование вносит вклад в изучение

¹ Из числа ответивших, что поддерживают связь с диаспорой и с молодёжной организацией, соответственно.

адаптационного потенциала мигрантов (в данном случае внутренних), актуализирует необходимость пересмотра некоторых классификаций ресурсов и/или ресурсов, а также демонстрирует наличие нереализованного потенциала, который может быть использован для коррекции адаптивного процесса дагестанской молодёжи, проживающей в Санкт-Петербурге.

Результаты проведённого исследования выявили следующие способы капитализации ряда ресурсов адаптационного потенциала дагестанской молодёжи:

- возможность капитализации образовательно-профессионального ресурса может заключаться:
 - в активном применении администрацией и педагогическим составом воспитательной функции учебных заведений;
 - при прочих равных условиях в трудоустройстве по специальности или смежных областях (при примерно равных уровнях заработной платы в разных сферах трудовой деятельности), работники, чья трудовая деятельность приближена или совпадает с полученным образованием, получают заработную плату выше на 7–14,4 п. п., чем работающие совсем не по специальности;
- возможность капитализации социального ресурса может заключаться в:
 - сознательном расширении круга общения молодыми людьми, поскольку, например, удовлетворение желания сменить работу 44,2% опрошенных возможно при активации «слабых связей» (эффективность социального ресурса при поиске работы подробно рассмотрена [27]);
 - вовлечении в общественную деятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пасовец Ю. М. Концептуальные основы изучения адаптационного потенциала населения // Вестник экономики, права и социологии. 2011. № 3. С. 205–207. EDN **STVTCZ**.
2. Корель Л. В. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск : Наука, 2005. 424 с. ISBN 5-02-032352-7. EDN **QODTJX**.
3. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74. EDN **OYUVRD**.
4. Бурдьё П. Социология социального пространства / П. Бурдьё ; пер. с франц., отв. ред. перевода Н. А. Шматко. М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. 288 с. ISBN 5-89329-762-8. EDN **QOECDF**.
5. Ильин В. И. Быт и бытие молодёжи российского мегаполиса: социальная структура повседневности общества потребления. СПб. : Интерсоцис, 2007. 388 с. ISBN 978-5-943-48-044-7.

6. Аврамова Е. М., Логинов Д. М. Адаптационные ресурсы населения: попытка количественной оценки // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 3 (59). С. 13–17. EDN [HTMNZX](#).
7. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 4. С. 20–32. EDN [OYUVFF](#).
8. Заславская Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М. : Дело, 2004. 400 с. ISBN 5-7749-0366-4. EDN [QOCZIJ](#).
9. Социальное расслоение и его воспроизводство в современной России / О. И. Шкаратан, В. А. Бондаренко, Ю. М. Крельберг [и др.]. М. : ГУ-ВШЭ, 2003. 68 с. (Препринт / Гос. ун-т Высш. шк. экономики; WP7 2003/03).
10. Заякина Р. А. Социальный и сетевой капиталы: соотношение понятий в сетевом подходе // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3, Ч. 2. С. 231–251. DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251](#). EDN [XSHMHC](#).
11. Тихонова Н. Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях // Экономическая социология. 2006. Т. 7, № 3. С. 11–26. EDN [OYOAUH](#).
12. Осянин А. Н. Адаптационные ресурсы современного студенчества: проблемы формирования : автореф. дис... канд. социол. наук : 22.00.04 / Осянин Андрей Николаевич ; науч. рук. Т. В. Свадьбина ; Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород, 2006. 33 с. EDN [ZNSCZL](#).
13. Кижеватова В. А. Адаптация населения в трансформируемом обществе: анализ, прогнозы (региональный аспект). Ульяновск : Изд-во Ульян. гос. ун-та, 2002. 174 с. ISBN 5-88866-126-0.
14. Тихонова Н. Е., Каравай А. В. Ресурсы россиян в условиях кризиса: динамика и роль в адаптации к новым условиям // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 43–53. EDN [WVJOXP](#).
15. Шлыкова Е. В. Уровень адаптивности и порог адаптивного потенциала взрослого населения России // Россия реформирующаяся : ежегодник. 2021. № 19. С. 360–383. DOI [10.19181/ezheg.2021.15](#). EDN [FFXTYV](#).
16. Смолева Е. О. Критерии и ресурсы социальной адаптации населения России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 2. С. 179–195. DOI [10.15838/esc.2019.2.62.11](#). EDN [NYGEPF](#).
17. Головчин М. А. Социологическое измерение адаптационного потенциала учительского сообщества (на примере Вологодской области) // Мир экономики и управления. 2020. Т. 20, № 4. С. 212–231. DOI [10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231](#). EDN [YTRMHY](#).
18. Каравай А. В. Социальный капитал российских рабочих и их установки в отношении его накопления // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 1–15. DOI [10.14515/monitoring.2016.3.01](#). EDN [XDGOMV](#).
19. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Социальные ресурсы и адаптация к риску: выбор стратегии (на примере социальной общности в ситуации конкретного риска) // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 25–49. EDN [TBWLTH](#).
20. Шекера Е. А. Дагестанская молодёжь в Санкт-Петербурге: социальная карта расселения // Дискурс. 2020. Т. 6, № 3. С. 94–108. DOI [10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108](#). EDN [ASFTEH](#).
21. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). М. : Наука, 2001. 114 с.
22. Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates

- in Russia / V. Rudakov, H. Figueiredo, P. Teixeira, S. Roshchin // Journal of Education and Work. 2022. Vol. 35, № 6-7. P. 680–699. DOI [10.1080/13639080.2022.2126966](https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966).
23. Корель Л. В. Архитектоника адаптивных механизмов социальных систем: социологический дискурс // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 169–185. EDN [JJROCX](#).
24. Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодёжь России: социологический портрет. М. : ЦСПиМ, 2010. 592 с. ISBN 978-5-89697-182-5. EDN [PDNXHX](#).
25. Казенин К. И., Стародубровская И. В. Дагестанские мигранты в Астрахани: опыт исследования интеграции // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4 (164). С. 405–428. DOI [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901). EDN [ZTNFRV](#).
26. Морозова Н. М. Роль диаспор и этнических землячеств в адаптации и интеграции мигрантов (на примере Нижегородской области) // Идентификационные стратегии диаспорных и земляческих групп в российских регионах : сб. статей / под ред. А. В. Дмитриева. М. : Новый Хронограф, 2016. С. 80–93. EDN [VYHTLW](#).
27. Грановеттер М. Сила слабых связей / М. Грановеттер ; пер. З. В. Котельниковой // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50. EDN [OYNYKJ](#).

Сведения об авторе

Е. А. Шекера

соискатель учёной степени,
кандидата социологических наук
AuthorID РИНЦ: [1207005](#)
SPIN-код: [6316-9036](#)

Статья поступила в редакцию 21.10.2023; одобрена после рецензирования 09.04.2024; принята к публикации 20.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.6

THE ADAPTIVE POTENTIAL OF MIGRANT YOUTH IN THE MEGAPOLIS: RESOURCE AVAILABILITY AND THE DEVELOPMENT OPPORTUNITIES (USING THE EXAMPLE OF DAGESTANIS LIVING IN ST. PETERSBURG)

Ekaterina Aleksandrovna Shekera

Saint-Petersburg State University,

Saint Petersburg, Russia,

shekerak@gmail.com,

ORCID 0000-0001-6818-0181

For citation: Shekera E. A. The adaptive potential of migrant youth in the megapolis: resource availability and the development opportunities (using the example of Dagestanis living in St. Petersburg). *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):122–146. (In Russ.). DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.6.

Abstract. In the article, within the framework of the resource approach, based on the results of a questionnaire survey, the assessment by the Dagestan youth living in St. Petersburg of their adaptive potential, expressed in the presence of both material and non-material resources, is revealed. The relevance of this study is due to the fact that the success of social adaptation of internal migrants in a new environment largely depends on the available adaptive potential and its constituent resources, as well as the possibilities of its mobilization and building up. Accordingly, it is possible to correct the process of social adaptation by managing the development of certain resources, transferring them into capital. The author provides a distinction between the concepts of “potential”, “capital”, “resource”. The author’s operationalization of the concept of adaptation potential of migrant youth, developed on the basis of the classification of adaptation resources proposed by Yu. M. Pasovets, is presented. The novelty of this study lies in the first attempt to identify the adaptive potential of the Dagestan youth living in St. Petersburg, and its constituent resources. It was revealed that the success of the adaptation process is most influenced by personal-cultural and social (individual) resources. It is concluded that involvement in social activities can be an additional mechanism for successful adaptation, but this potential is practically unrealized due to the low involvement of young people in this type of activity. Accordingly, the results obtained can be used primarily by leaders and activists of public organizations representing the Republic of Dagestan in St. Petersburg to involve youth in public activities, and the data obtained can also be used to correct the process of social adaptation of Dagestan youth at the municipal level and the level of the subject of the federation.

Keywords: social adaptation, adaptational potential, resources of adaptation, Dagestan youth, St. Petersburg, internal migration, resource approach, capital

REFERENCES

1. Pasovets Y. Conceptual principles of analysis of population’s adaptation potential. *The review of economy, the law and sociology*=*Vestnik e’konomiki, prava i sociologii*. 2011;(3):205–207. (In Russ.).

2. Korel' L. V. Sociology of adaptation: questions of theory, methodology and procedure [Sociologija adaptacij: Voprosy teorii, metodologii i metodiki]. Novosibirsk: Nauka; 2005. 424 p. (In Russ.). ISBN 5-02-032352-7.
3. Bourdieu P. Forms of capital [Formy' kapitala]. *Journal of Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya*. 2002;(5):60–74. (In Russ.).
4. Bourdieu P. Sociology of social space [Sociologiya social'nogo prostranstva]. Transl. from French, rep. ed. translation by N. A. Shmatko. Moscow: Institut e'ksperimental'noj sociologii; St. Petersburg: Aletejya. 2007. 288 p. (In Russ.). ISBN 5-89329-762-8.
5. Ilyin V. I. Life and being of the youth of the Russian megalopolis. Social structuration of everyday life in consumer society [By't i by'tie molodyozhi rossijskogo megapolisa: social'naya strukturaciya povsednevnosti obshhestva potrebleniya]. St. Petersburg: Intersocis; 2007. 388 p. (In Russ.). ISBN 978-5-943-48-044-7.
6. Avraamova E., Loginov D. Adaptation resources of the population: an attempt to quantify [Adaptacionny'e resursy' naseleniya: popy'tka kolichestvennoj ocenki]. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2002;3(59):13–17. (In Russ.).
7. Radaev V. The concept of capital, forms of capital and their conversion [Ponyatie kapitala, formy' kapitalov i ix konvertaciya]. *Economic sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2002;3(4):20–32. (In Russ.).
8. Zaslavskaya T. I. Modern Russian society: social mechanism of transformation [Sovremennoe rossijskoe obshhestvo: social'ny'j mexanizm transformacii]. Moscow: Delo; 2004. 400 p. (In Russ.). ISBN 5-7749-0366-4.
9. Shkaratan O. I., Bondarenko V. A., Krelberg Yu. M. [et al.]. Social stratification and its reproduction in modern Russia [Social'noe rassloenie i ego vosproizvodstvo v sovremennoj Rossii]. Moscow: GU-VSHE'; 2003. 68 p. (In Russ.).
10. Zayakina R. Social and network capital: the relationship between concepts in a network approach. *Ideas and ideals=Idei i idealy*. 2021;13(3 pt. 2):231–251. (In Russ.). DOI [10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-231-251).
11. Tikhonova N. E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification studies [Resursny'j podxod kak novaya teoreticheskaya paradigma v stratifikacionny'x issledovaniyax]. *Economic sociology=Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 2006;7(3):11–26. (In Russ.).
12. Osyanin A. N. Adaptation resources of modern students: problems of formation [Adaptacionny'e resursy' sovremennogo studenchestva: problemy' formirovaniya]: extended abstract of dis... Cand. Sociol. Sciences: 22.00.04. N. Novgorod; 2006. 34 p. (In Russ.).
13. Kizhevatova V. A. Adaptation of the population in a transforming society: analysis, forecasts (regional aspect) [Adaptaciya naseleniya v transformiruemom obshhestve: analiz, prognozy' (regional'ny'j aspekt)]. Ulyanovsk: Izd-vo Ul'yan. gos. un-ta; 2002. 174 p. (In Russ.). ISBN 5-88866-126-0.
14. Tikhonova N. E., Karavai A. V. Resources of Russians in crisis conditions: dynamics and role in adaptation to new conditions. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;10(390):43–53. (In Russ.).
15. Shlykova E. V. The level of adaptability and limits of adaptive potential of the adult population of Russia in the conditions of transformational changes. *Russia is reforming. Yearbook=Rossiya reformiruyushhayasya. Ezhegodnik*. 2021;(19):360–383. (In Russ.). DOI [10.19181/ezheg.2021.15](https://doi.org/10.19181/ezheg.2021.15).
16. Smoleva E. O. Criteria and resources for social adaptation of Russia's population. *Economic and social changes: facts, trends, forecast=E'konomicheskie i so-*

- cial'ny'e peremeny': fakty', tendencii, prognoz.* 2019;12(2):179–195. (In Russ.). DOI [10.15838/esc.2019.2.62.11](https://doi.org/10.15838/esc.2019.2.62.11).
17. Golovchin M. Sociological measurement of adaptation potential of the teaching community (by the example of the Vologda region). *World of economics and management=Mir e'konomiki i upravleniya.* 2020;20(4):214–233. (In Russ.). DOI [10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231](https://doi.org/10.25205/2542-0429-2020-20-4-212-231).
 18. Karavai A. V. Russian workers: social capital and capital accumulation settings. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'.* 2016;(3):1–15. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2016.3.01](https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.01).
 19. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Social resources and adaptation to risk: The choice of the strategy (on the example of the social community under the particular risk). *Sociological science and social practice=Sociologicheskaya nauka i socialnaya praktika.* 2014;4(8):25–49. (In Russ.).
 20. Shekera E. A. Dagestan youth in Saint Petersburg: social map of resettlement. *Discourse=Diskurs.* 2020;6(3):94–108. (In Russ.). DOI [10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108](https://doi.org/10.32603/2412-8562-2020-6-3-94-108).
 21. Rybakovsky L. L. Migration of the population. Three stages of the migration process (Essays on theory and research methods) [Migraciya naseleniya. Tri stadii migracionnogo processa (Ocherki teorii i metodov issledovaniya)]. Moscow: Nauka; 2001. 114 p. (In Russ.).
 22. Rudakov V., Figueiredo H., Teixeira P., Roshchin S. Horizontal job-education mismatches and earnings of university graduates in Russia. *Journal of Education and Work.* 2022;35(6-7):68–699. DOI [10.1080/13639080.2022.2126966](https://doi.org/10.1080/13639080.2022.2126966).
 23. Korel L. V. Architectonics of adaptive mechanisms of social systems: sociological discourse [Arxitektonika adaptivny'x mexanizmov social'ny'x sistem: sociologicheskij diskurs]. *Region: economics and sociology=Region: e'konomika i sociologiya.* 2007;(1):169–185. (In Russ.).
 24. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Youth of Russia: a sociological portrait. Moscow: CZSPiM; 2010. 592 p. (In Russ.). ISBN 978-5-89697-182-5.
 25. Kazenin K. I., Starodubrovskaya I. V. Dagestaniyan migrants in Astrakhan: a study of integration processes. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshhestvennogo mneniya: e'konomicheskie i social'ny'e peremeny'.* 2021;4(164):405–428. (In Russ.) DOI [10.14515/monitoring.2021.4.1901](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1901).
 26. Morozova N. M. The role of diasporas and ethnic communities in the adaptation and integration of migrants (on the example of the Nizhny Novgorod region). In: Identification strategies of diaspora and community groups in Russian regions: collection of articles. A. V. Dmitrieva ed. Moscow: Novy'j Xronograf; 2016. P. 80–93.
 27. Granovetter M. The Strength of Weak Ties [Sila slaby'x svyazej]. Translated by Z. Kotelnikova. *Economic Sociology=E'konomicheskaya sociologiya.* 2009;10(4):31–50 (In Russ.).

Information about the Author

E. A. Shekera

applicant for Candidate of Sociology degree

ResearcherID: [R-2114-2017](https://orcid.org/0009-0001-2114-2017)

The article was submitted 21.10.2023; approved after reviewing 09.04.2024; accepted for publication 20.05.2024.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ПРОЖИВАНИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ: (НЕ)ОЧЕВИДНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ

Анна Александровна Эндрюшко

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия,

anna.endryushko@mail.ru,
ORCID 0000-0002-1358-1145

Для цитирования: Эндрюшко А. А. Длительность проживания и интеграция мигрантов: (не)очевидные взаимосвязи // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 147–168. DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.7. EDN YOWZWA.

Аннотация. В статье представлены результаты исследования взаимосвязи длительности проживания и типа миграционных стратегий с различными аспектами интеграции мигрантов из постсоветских государств в российском обществе. Анализируется, как в разные временные интервалы (до пяти лет, через 5–10 лет, после 10 лет с начала миграции) происходят улучшения в статусе, качестве жизни, транснациональных связях (применительно к интеграции, уменьшение их «плотности»), языковых навыках, межэтнических контактах, формировании российской идентичности у долгосрочных и циркулярных внешних мигрантов. Используется модель исследования, включающая «соответствующие условия» по каждому индикатору интеграции. Эмпирическую базу составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов, проведённого Центром этнополитических и региональных исследований в 19 субъектах Российской Федерации (2017 год, выборка 7417 респондентов). Результаты показывают, что изменение статуса и частоты межэтнических контактов не связано с продолжительностью проживания ни у долгосрочных, ни у циркулярных мигрантов, даже при добавлении в анализ условий интеграции. «Плотность» транснациональных связей значительно меняется во времени (пик приходится на промежуток 5–10 лет после начала миграции, спустя 10 лет уменьшается), однако интерпретация этой связи требует дальнейших исследований. «Время» положительно связано с такими индикаторами интеграции, как языковые навыки, качество жизни, формирование идентичности. Эти взаимосвязи не исчезают при включении в анализ «соответствующих условий» интеграции, однако делается вывод о том, что длительность проживания сама по себе не является фактором прогресса в интеграции, а действует «совместно» с контекстом миграции, мотивацией субъектов, их индивидуальными возможностями и доступными ресурсами, определяющими траекторию и темпы интеграционного процесса.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, длительность проживания, долгосрочная миграция, циркулярная миграция, индикаторы интеграции

Введение

Современные процессы международной миграции характеризуются неоднородностью этапов и ритмов, а высокая мобильность населения всё больше размывает границы между постоянной и временной миграцией. Долговременность нахождения в новых обществах зависит как от самих мигрантов, так и от государственных систем принимающих стран, регулирующих потоки и сроки. В свете усложнения этих процессов вопросы временных аспектов международной миграции, взаимосвязи времени и интеграции мигрантов также требуют переосмысления в конкретных социальных контекстах.

Интеграция мигрантов существует как минимум в двух измерениях: как политическая цель и как «хаотичная», «оспариваемая» и не до конца определённая академическая концепция [1; 2]. Интеграция рассматривается исследователями с разных сторон, но все подходы так или иначе сведены к вопросу о том, как мигранты¹ становятся (или не становятся) частью общества, в котором они живут.

Понимая, что время в процессах интеграции мигрантов работает неравномерно, в данном исследовании мы хотим ответить на следующие вопросы: является ли фактор длительности проживания существенно связанным с различными аспектами интеграции мигрантов? Является ли время релевантной переменной в вопросах интеграции мигрантов в российском обществе при условии упрощённых миграционных обменов на постсоветском пространстве?

Теоретические основания исследования

Длительность проживания и интеграция мигрантов. Традиционное понимание процессов интеграции мигрантов в принимающем обществе основывалось на линейном «путешествии» от иностранца к гражданину, от прибытия к ассимиляции. Социологи Чикагской школы полагали, что длительный контакт с доминирующей культурой приведёт к включению мигрантских групп в принимающее сообщество [3], и чем больше времени они проведут в стране приёма, тем больше будут ассимилированы и меньше связаны с государствами исхода [4].

Позднее стало понятно, что даже спустя длительный период проживания в новой стране культурная отличительность продолжает сохраняться, включение новых членов в общество происходит не в той степени, в которой ожидалось ранее [5]. Ассимиляция перестала восприниматься

¹ Здесь и далее в статье мы говорим об иностранных гражданах применительно к российскому контексту, и о рождённых в другом государстве применительно к американскому и европейскому случаям, термины «иммигрант» и «мигрант» используются как синонимы.

как обязательный путь для всех, даже длительно живущих в новом обществе иммигрантов.

С появлением концепции транснационализма¹ исследователи обратили внимание не только на включение мигрантов в принимающие общества, но и на сохранение ими обширных связей со странами происхождения [6]. Я. Питерс заключил, что транснациональные связи и глобальная мультикультура теперь позволяют людям перемещаться между двумя или несколькими поликультурными средами, и с течением времени самим определять степень включённости в каждое из сообществ, быть «гибкими» [7, с. 77]. «Гибкая аккультурация» (flexible acculturation) обеспечивает мигрантам множественные схемы идентификации и интеграции, которые могут быть изменчивы во времени, и не обязательно линейно.

В отечественных (постсоветских) исследованиях внешней для страны миграции вопрос о влиянии длительности проживания на процессы инкорпорирования новых членов общества затрагивался лишь косвенно. Адаптация и интеграция зачастую описываются в работах российских авторов как две стадии процесса включения новичков. Иммигрантам, приезжающим на длительный срок (на постоянное жительство), необходима интеграция, а временным мигрантам (находящимся в стране короткое время, только для заработка) нужна частичная или полная адаптация – языковая, культурная, социальная, экономическая [8, с. 225; 9]. Впрочем, учёные признают, что такое деление весьма условно, поскольку со временем вторые могут переходить в разряд первых [8]. В. Ю. Леденева строго определяет интеграцию как заключительную стадию адаптационного процесса для невозвратных мигрантов, проживших в стране длительное время и получивших гражданство [10, с. 723].

В. И. Мукомель делает вывод, что мигрантов можно считать условно адаптированными, если они длительное время проживают в России и перевезли сюда семью. Автор обращает внимание и на установки самих мигрантов – намерение остаться в России на долгий срок (в идеале – навсегда) он выделяет в качестве важнейшего фактора² более высокого уровня интегрированности мигрантов. И. М. Кузнецов также пишет о том, что «адаптивный сценарий (аккультурации и интеграции) реализуется с той или иной степенью успешности, если жизненные планы мигрантов идут дальше временного пребывания в принимающей среде» [11, с. 16].

Обобщить описанное выше можно выводом о том, что роль длительности проживания в процессах инкорпорирования мигрантов может

¹ Под транснационализмом в миграционных исследованиях понимается процесс, с помощью которого мигранты создают социальные поля, объединяющие страну исхода и страну проживания.

² Наряду с позитивной оценкой отношений с местными жителями и идентификацией себя с Россией.

во многом зависит от теоретической парадигмы и операционализации исследователем самого понятия интеграции – как развивающегося во времени процесса включения в новую среду (зачастую понимаемого линейно) или как процесса постоянных «переговоров» и «согласований» между старыми и новыми нормами и принадлежностями.

Взаимосвязь длительности проживания с другими факторами интеграции. С развитием теоретических подходов к феномену включения мигрантов в новую среду, исследователи начинают говорить о необходимости многоаспектного анализа этого процесса, включающего индивидуальные и контекстуальные факторы.

В 1981 году немецкий социолог Х. Эссер показал, что продолжительность пребывания является важным фактором в интеграции мигрантов, особенно с точки зрения достижения статуса, знания языка, качества жилья, десегрегации, межэтнических контактов и этнической идентификации [12]. Связь между интеграцией мигрантов и длительностью проживания в стране приёма не исчезает при контроле «соответствующих условий» интеграции, таких как мотивы мигрантов, уровень их образования, условия принимающей среды [12, с. 77].

Т. Кульман позднее заключил, что на результаты интеграции влияет следующий набор переменных: характеристики самих мигрантов (*migrants factors*), факторы миграции (*migration factors*), факторы принимающего общества (*host factors*), политика (*policies*) и время (*time*) [13]. Первые четыре переменные связаны со временем, время – важный фактор прогресса в интеграции.

В большей степени продолжительность проживания в стране приёма связывают со структурными аспектами¹ процесса интеграции мигрантов. В эмпирических исследованиях показано положительное влияние длительного проживания (более 10 лет) на интеграцию в социальную, трудовую и экономическую сферы жизни принимающего общества [15; 16]. Например, улучшения в интеграции с течением времени были описаны для мигрантов в Великобритании в отношении знания языка и занятости [2; 17]. В исследовании Э. Селы, Е. Амбросети и Т. Фоккема показано влияние длительности проживания на транснационализм [18]. Авторы приходят к выводу, что экономическая интеграция мигрантов положительно связана с транснационализмом, в то время как социокультурная сопровождается ослаблением транснациональных практик.

Помимо объективных параметров интеграции изучается субъективное благополучие мигрантов, удовлетворённость жизнью в новой стране

¹ Разделение на культурные и структурные компоненты моделей интеграции мигрантов предложил Л. Элдериинг [14]. Первые включают культурные шаблоны (поведение, роли, отношения и т. п.), вторые – вхождение в институты принимающего общества.

[19]. Влияние длительности проживания на эти процессы противоречно. Одни исследования демонстрируют положительную связь [20], другие утверждают, что продолжительность проживания в стране не связана с удовлетворённостью жизнью мигрантами [21], третьи и вовсе обнаруживают, что удовлетворённость жизнью со временем уменьшается [22].

Длительность проживания в стране приёма неоднозначно влияет и на другие показатели интеграции. Например, обнаружено отсутствие связи между продолжительностью проживания и обретением социальных связей для латиноамериканцев в США [23].

Следует учитывать, что описанные выше исследования сосредоточены на первом поколении мигрантов, в других случаях в аналитические модели должен включаться возраст прибытия в принимающую страну.

Особняком стоят исследования, посвящённые сложности самого понятия времени и темпоральности в миграционных исследованиях. Центральными темами в них выступают временные «границы» и структуры времён в миграции (исчерпывающий обзор см.: [24]).

Итак, влияние длительности проживания на процесс интеграции мигрантов неоднозначно. Х. Эссер сделал весьма важный вывод о том, что «интеграция мигрантов является результатом процесса, происходящего при определённых условиях... а отнюдь не в результате временно-автоматического процесса» [12, с. 80]. Эти «определённые условия» следует проверять в моделях исследования интеграции мигрантов в разных социальных контекстах. В данной статье мы намерены рассмотреть взаимосвязь длительности проживания и миграционных стратегий иностранных граждан в России с различными аспектами их социальной и культурной интеграции.

Концептуальная модель, методика и эмпирическая база исследования

Интеграция в данном исследовании понимается как процесс встречного движения культур принимающего социума и мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно, противоречащих друг другу [25, с. 416]. Мы исходим из признания неравномерности этого процесса в разных сферах жизни (политико-правовой, социально-экономической, культурно-идентификационной).

Эмпирическую основу составили данные общероссийского опроса трудовых мигрантов (иностранцев граждан), проведённого Центром этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ) по заказу

НИУ «Высшая школа экономики» в 2017 году в 19 регионах России (рук. В. И. Мукомель, общий объем выборки – 8577 респондентов). Отбор респондентов из числа граждан стран бывшего СССР производился методом квотной выборки, для формирования которой использовались данные Главного управления МВД по вопросам миграции. В основу распределения квот выборочной совокупности была положена представленность граждан того или иного государства в числе стоящих на миграционном учёте.

Несмотря на то, что в распоряжении автора имеются и более поздние опросные данные мигрантов, описанная выше база была использована по двум основным причинам (помимо масштабности выборки): 1) она содержит наиболее полные данные (необходимые переменные) по изучаемой теме; 2) пандемия коронавируса внесла коррективы в трансграничные перемещения (ввиду закрытия государственных границ) и в последних опросах мигрантов не задавался вопрос о недавних визитах на родину.

Использовался метод, который в миграционных исследованиях называют синтетический когортный анализ [26, с. 122–123], т. е. данные были смоделированы во временном выражении, чтобы проанализировать их взаимосвязи с параметрами интеграции. В исследованиях интеграции мигрантов с течением времени использовались разные временные интервалы. Сравнение групп со стажем до 5 лет, от 5 до 10 лет и более 10 лет считается достаточным, мы остановились на таком же распределении. Для группировки использовалась переменная «В каком году после 1991 Вы приехали в Россию на 3 месяца и более?». Учитывая характер миграции на постсоветском пространстве (упрощённый миграционный обмен), мы также применили разделение на долгосрочных и циркулярных мигрантов¹ с помощью переменной «Когда Вы последний раз выезжали на родину на 3 месяца и более?». Дополнительный «слой» долговременности актуален в российском контексте, поскольку зачастую циркулярная трудовая миграция совершается на протяжении многих лет с преимущественным нахождением в России. Из анализа были исключены только респонденты, относящиеся к новоприбывшим временным мигрантам – приехавшие в Россию первый раз в течение года, предшествовавшего опросу. После исключения новоприбывших мигрантов итоговая подвыборка исследования составила 7417 респондентов².

¹ К долгосрочным мигрантам относятся не выезжающие год и более, к циркулярным – проводящие в России не более года. Категории долговременности миграции выделил В. И. Мукомель.

² Отметим, что исключение из выборки новоприбывших мигрантов не оказало влияния на представленность в итоговой подвыборке граждан той или иной страны (разница в пределах 1,5%).

За основу исследования взята модель, предложенная Х. Эссером [12]¹, в которой помимо параметров интеграции с проверенными (методом подтверждающего факторного анализа) связями учтены и «соответствующие условия», в которых она происходит (ввиду каузальности связей различных параметров интеграции друг с другом). Указанная модель была трансформирована под нужды и контекст исследования с учётом особенностей миграции в российском контексте и опорой на опыт исследований автора. Также была изменена терминология. Эссер называет выведенные из нескольких параметров показатели интеграции конструктами, а их значения – индексами. Мы будем придерживаться понятия «индикаторы интеграции».

На рисунке 1 представлена общая концептуальная модель исследования.

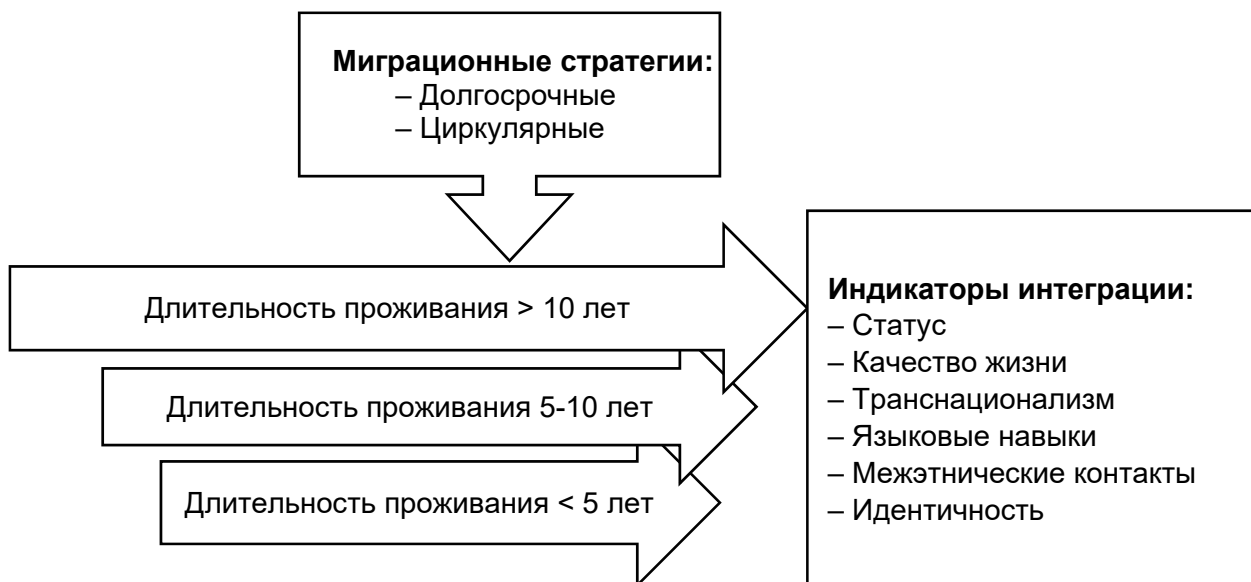

Рис. 1. Концептуальная модель исследования

Операционализация шести генерализованных индикаторов интеграции мигрантов проводилась по отдельным переменным (см. табл. 1). Для «соответствующих условий» интеграции добавлены экзогенные переменные «мотивация» и «образование». Мотивация представляет собой изначальные пожелания мигрантов остаться в принимающей стране или спустя время вернуться на родину. Образование используется как мера определённых когнитивных навыков, фактор, ранее доказавший своё влияние на различные показатели прогресса в интеграции.

¹ Модель исследования интеграции мигрантов Х. Эссера, несмотря на давность публикации, по сей день является одной из наиболее важных работ по данной теме с наиболее полным необходимым перечнем эмпирически проверенных индикаторов интеграции.

Операционализация индикаторов интеграции и их индексов

Генерализованные индикаторы интеграции	Операционализация индикаторов и их индексов по уровням низкий-высокий
<i>Эндогенные индикаторы</i>	
Статус	Профессиональный статус ¹ <i>Высокий индекс – уровни 1–8 по ISCO</i> <i>Низкий – уровень 9 по ISCO</i>
Качество жизни	Наличие отдельного жилья или его часть (включая общежитие) Проживание с семьёй или посторонними людьми <i>Высокий индекс – живут в отдельном доме/квартире и проживают одни/с семьёй</i> <i>Низкий – все остальные комбинации переменных (например, жильё отдельное, но делят его с посторонними)</i>
Транснационализм	Общение с семьёй, родственниками на родине Денежные переводы (ремиттансис) <i>Низкий индекс – общаются с семьёй не реже каждой недели и посылают деньги</i> <i>Высокий – остальные комбинации переменных</i>
Языковые навыки	Владение русским языком (оценка интервьюера) Фильтр – респонденты с неродным русским <i>Высокий индекс – оценка 4–5</i> <i>Низкий – оценка 1–3</i>
Межэтнические контакты	Состав рабочих коллективов <i>Высокий – в коллективе есть местные жители</i> <i>Низкий индекс – работают с иностранцами</i>
Идентичность	Ощущение близости с гражданами России Намерение получить гражданство РФ <i>Высокий индекс – часто и иногда ощущают близость с гражданами России и намерены получить гражданство</i> <i>Низкий – остальные комбинации переменных</i>
<i>Экзогенные индикаторы</i>	
Мотивация	Жизненные планы и намерения в начале миграции <i>Высокий индекс – намерение остаться в России навсегда</i> <i>Низкий – все остальные намерения (в т. ч. поработать и вернуться, постоянно ездить)</i>
Образование	Уровень образования <i>Высокий индекс – выше среднего общего</i> <i>Низкий – среднее общее и ниже</i>

Ввиду каузальности связей между анализируемыми индикаторами интеграции, нужно смотреть не только на прямое изменение тех или иных параметров во времени, но и учитывать условия, в которых происходит этот процесс. В исследовательском подходе, предложенном Х. Эссером,

¹ Деление по индикатору статуса выполнено в соответствии с международной стандартной классификацией занятий (ISCO, 2008) (см: [27; 28]).

на адекватность проверялись не только модели интеграции, но и их «соответствующие условия» для отдельных аспектов (в нашем случае – генерализованных индикаторов) интеграции как с точки зрения статистической корректировки, так и позиции теоретической достоверности. Это даёт возможность понять, исчезает ли взаимосвязь времени и изучаемых факторов интеграции при проверке «соответствующих условий». «Соответствующие условия»¹ для каждого генерализованного индикатора интеграции обозначены в таблице 2.

При статистической обработке данных методом анализа сопряжённости существуют довольно узкие пределы использования переменных. По этой причине «соответствующие условия» по каждому индикатору были сведены в индексы. То есть переменные условий суммировались на основе индексов из таблицы 1, затем трихотимизировались на плохие, средние и хорошие в соответствии с частотными распределениями (см. табл. 2).

Таблица 2

*Соответствующие условия интеграции
для генерализованных индикаторов интеграции*

Генерализованные индикаторы интеграции	Индикаторы «соответствующих условий»	Частотные распределения «соответствующих условий», %
Статус	Мотивация Уровень образования	Плохие – 36,4 Средние – 44,2 Хорошие – 19,4
Качество жизни	Мотивация Уровень образования Статус	Плохие – 11,6 Средние – 75,7 Хорошие – 12,7
Транснационализм	Мотивация Качество жизни	Плохие – 46,7 Средние – 35,6 Хорошие – 17,7
Языковые навыки	Мотивация Уровень образования Статус Транснационализм	Плохие – 38,2 Средние – 33,7 Хорошие – 28,1
Межэтнические контакты	Транснационализм Языковые навыки	Плохие – 29 Средние – 49,9 Хорошие – 21,1
Идентичность	Качество жизни Языковые навыки Межэтнические контакты	Плохие – 15,6 Средние – 72 Хорошие – 12,3

¹ Обоснование формирования «соответствующих условий» для каждого индикатора интеграции смотри: [12, с. 86–90]. Проверка условий для введённого в нашу модель индикатора «транснационализм» вместо индикатора «десегрегация» у Эссера осуществлена автором на основе факторного анализа.

Такой анализ обеспечивает динамическую перспективу и способен отделить фактор времени проживания и миграционных стратегий от других факторов. Модель исследования способна проанализировать потенциальные нелинейные модели включения мигрантов, учитывая, что интеграция может замедляться или ускоряться в разное время, быть неоднородным процессом в зависимости от условий. Эмпирический анализ взаимосвязи длительности проживания с обозначенными выше генерализованными индикаторами интеграции проводится в два основных этапа: первый посвящён выявлению простых прямых взаимосвязей, второй – взаимосвязей с учётом «соответствующих условий».

Результаты

1. Интеграция и время: линейные взаимосвязи и роль миграционных стратегий

Вначале разберём взаимосвязь длительности проживания с отдельными индикаторами интеграции, входящими в состав генерализованных индикаторов. Результаты в таблице 3 демонстрируют линейную статистически значимую связь длительности проживания со всеми индикаторами интеграции кроме статуса и межэтнических контактов. Улучшение качества жизни происходит после 10 лет от начала миграции, в то время как языковые навыки улучшаются уже через пять лет. Отчуждение от общества (когда мигрант не ощущает с ним связи) начинает снижаться только после 10 лет проживания. Сомнения в получении гражданства РФ несколько усиливаются через 5–10 лет после миграции, но потом заметно снижаются. Показатели транснационализма (общение с родиной и ремиттанс) также наиболее высокие в период через 5–10 лет после начала миграции/переезда, затем их «плотность» уменьшается.

Агрегируя показатели в генерализованные индексы интеграции, мы делили их на две категории: высокий и низкий индекс (см. табл. 1), далее речь пойдёт только об изменениях высоких индексов как индикаторах успешности интеграционного процесса. Взаимосвязь генерализованных индикаторов интеграции с длительностью проживания также показывает отсутствие значимости в изменении статуса и межэтнических контактов, линейный прогресс в языковых навыках и заметное после 10 лет проживания улучшение качества жизни. Индикаторы транснационализма и идентичности меняются волнообразно – они высоки¹ в первые годы после начала миграции, потом идут на спад, а затем снова увеличиваются (см. табл. 4).

¹ Напомним, что высокий индекс по индикатору «транснационализм» означает низкий уровень транснациональных связей (более редкое общение с родиной вкупе с отсутствием ремиттансов).

Таблица 3

Взаимосвязь длительности проживания с отдельными показателями интеграции

Индикаторы интеграции	Продолжительность проживания			χ^2	N
	< 5 лет	5–10 лет	> 10 лет		
<i>Профессиональный статус:</i> 9 уровень ISCO	33,3	31,9	32	1,364	2190
1–8 уровни ISCO	66,7	68,1	68		4548
<i>Качество жизни:</i> есть отдельное жильё	43,5	44,4	50,6	34,278***	3404
Нет отдельного жилья (включая проживание в общежитии)	51,4	50,8	43,9		3605
Живут одни или с родными	69,5	70,9	75,5	25,209***	5314
Живут с посторонними людьми	30,5	29,1	24,4		2079
<i>Транснационализм:</i> общаются с семьёй каждый день или каждую неделю	77,8	81,3	75,3	23,519***	5670
Посылают деньги на родину	60,5	72,8	65,9	80,754***	4795
<i>Языковые навыки:</i> оценка 1–3	52,5	41,6	31,9	143,456***	2046
<i>Межэтнические контакты:</i> работают с иностранцами	37,5	40,1	39,6	3,649	2611
<i>Идентичность:</i> никогда не ощущают близости с россиянами	21,3	21,5	18,1	11,106**	1504
Не планируют получать гражданство РФ	68,0	72,1	59,1	90,584***	4912

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Таблица 4

Взаимосвязь генерализованных индексов интеграции с продолжительностью проживания, %

Генерализованные индикаторы интеграции	Продолжительность проживания			χ^2	N
	< 5 лет	5–10 лет	> 10 лет		
Статус: <i>высокий индекс</i>	66,7	68,1	68	1,364 (0,506)	4548
Качество жизни: <i>высокий индекс</i>	35	35,5	43,2	44,051***	4599
Транснационализм: <i>высокий индекс</i>	48	35,6	43,3	77,373***	3190
Языковые навыки: <i>высокий индекс</i>	47,5	58,4	68,1	143,456***	2797
Межэтнические контакты: <i>высокий индекс</i>	62,5	59,9	60,4	3,640 (0,161)	4100
Идентичность: <i>высокий индекс</i>	36,1	31,8	42,4	55,689***	2739

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Приведённые выше распределения показаны лишь как начальные данные, на которые далее следует «наслаивать» дополнительные факторы и условия. В российском контексте это будет в первую очередь тип миграции – в ситуации упрощённых миграционных обменов с основными странами-донорами (безвизовый режим) долгосрочность миграционных стратегий может играть значимую роль в интеграционных процессах, по крайней мере об этом говорится в исследованиях отечественных учёных [29].

Таблица 5

Взаимосвязь генерализованных индексов интеграции с продолжительностью проживания по типу миграционных стратегий, %

Генерализованные индикаторы интеграции	Миграционные стратегии и продолжительность проживания (лет)					
	Долгосрочные			Циркулярные		
	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10
Статус: высокий индекс	66,8	68,8	66,8	66,5	67,5	68,9
N	2087			2461		
χ^2	1,065			1,599		
Качество жизни: высокий индекс	43,3	42,3	54,4	26,1	30,7	33,7
N	1616			1178		
χ^2	39,848***			18,655***		
Транснационализм: высокий индекс	55,4	42,4	51,7	40,2	30,7	36,2
N	1777			1413		
χ^2	37,062***			25,699***		
Языковые навыки: высокий индекс	49,1	61	71,8	46,2	57,6	65,3
N	1235			1562		
χ^2	77,178***			68,652***		
Межэтнические контакты: высокий индекс	64,6	59,8	62	60,3	60	59,1
N	1974			2126		
χ^2	5,086*			0,429		
Идентичность: высокий индекс	25,7	25,3	32	14,7	14,1	22,2
N	961			668		
χ^2	15,860***			37,855***		

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Данные в таблице 5 демонстрируют различия в значениях индексов интеграции у долгосрочных и циркулярных мигрантов и, соответственно, величину динамики изменений во времени, однако тенденции этих изменений и их статистическая значимость чаще всего совпадают. Так, языковые навыки планомерно улучшаются с увеличением времени проживания и у долгосрочных, и у циркулярных мигрантов, причём раз-

рыв в самих значениях индексов не более 5%. Положительные изменения в идентичности происходят и у тех, и у других после 10 лет от начала миграции. Качество жизни долгосрочных мигрантов выше во все изучаемые временные отрезки (43–54% имеют высокий индекс по этому индикатору). У циркулярных мигрантов они изменяются плавно во всех трёх временных отрезках, а у долгосрочных значительно (на 10%) улучшаются после 10 лет проживания. Транснационализм ожидаемо более присущ циркулярным мигрантам, но у обеих групп он изменяется в разные годы с одинаковой (волнообразной) тенденцией. Профессиональный статус с длительностью проживания значимо не связан ни у долгосрочных, ни у циркулярных мигрантов. Однако у долгосрочных мигрантов возникает статистически значимая связь длительности проживания с межэтническими контактами, хотя динамику изменений сложно назвать заметной.

Проанализированные связи уже показывают определённые устойчивые закономерности. Улучшения в языковых навыках, качестве жизни и идентичности действительно могут происходить в зависимости от длительности проживания. Транснационализм также меняется с течением времени, однако эти изменения нелинейны. Улучшение статуса едва ли связано со временем, переведённым в стране приёма, как и прогресс в межэтнических контактах.

Добавление к анализу типа миграционных стратегий (долгосрочные и циркулярные) не столь существенно меняет картину, как того можно было ожидать. Статистическая значимость изменений индикаторов интеграции в зависимости от времени проживания фактически совпадает у этих двух групп, различаются лишь темпы изменений.

2. Прогресс интеграции во времени: генерализованные индикаторы и их «соответствующие условия»

Анализ изменения индикаторов интеграции в зависимости от длительности проживания в связке с «соответствующими условиями» (см. табл. 2) для каждого индикатора (без деления на долгосрочных и циркулярных мигрантов) вносит коррективы в значимость их изменений во времени (см. табл. 6). Так, при хороших условиях изменения в качестве жизни не значительны и не значимы, как и изменения идентичности – оба этих индикатора изначально имеют более высокие значения (чем при плохих и средних условиях) и сохраняются (чуть улучшаясь) в процессе проживания. Идентичность при плохих условиях меняется медленнее всего. Также только при хороших условиях статистически значима динамика

в межэтнических контактах. Изменения в транснационализме и языковых навыках происходят с одинаковыми тенденциями, но с разными значениями индексов. Индикатор статуса стабильно остаётся неизменным во времени даже при добавлении условий интеграции.

Таблица 6

Изменения индикаторов интеграции во времени в зависимости от «соответствующих условий»

Генерализованные индикаторы интеграции	«Соответствующие условия» для индикаторов интеграции и продолжительность проживания (лет)								
	плохие			средние			хорошие		
	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10	< 5	5–10	> 10
Статус: высокий индекс	68,2	68,9	67,8	65,4	67,8	68,3	66,8	66,7	67,5
N	1692			2003			853		
χ^2	0,253			2,252			0,078		
Качество жизни: высокий индекс	17,7	28,9	35,3	31,4	33,2	39,8	58,9	56,5	57,4
N	210			1762			493		
χ^2	21,917***			29,185***			0,317		
Транснационализм: высокий индекс	35,6	24,2	27,8	52,4	41,7	48,7	72,2	65,5	65
N	1033			1266			881		
χ^2	40,464***			19,255***			9,961**		
Языковые навыки: высокий индекс	42,9	53,5	61,1	51,7	61,4	72	60	70,4	75,8
N	1101			931			543		
χ^2	53,135***			44,879***			16,068***		
Межэтнические контакты: высокий индекс	52,5	54,1	54,2	54	54,5	57	57,1	65,7	56,4
N	720			1254			509		
χ^2	0,349			1,646			5,832*		
Идентичность: высокий индекс	18,4	16	24,8	20,4	24,4	33,8	45,7	46,2	53,8
N	233			843			272		
χ^2	4,644*			52,782***			3,277		

Примечание: * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

Добавление к условиям интеграции типа миграции как ещё одного дополнительного параметра (см. табл. 7) позволяет уточнить выводы из предыдущей таблицы.

При хороших условиях у долгосрочных мигрантов изменения во времени всех изучаемых генерализованных индикаторов становятся статистически незначимыми. При таких же условиях у циркулярных мигрантов значимые временные изменения происходят только в языковых навыках и межэтнических контактах. В средних (нормальных) условиях значимость изменений индикаторов во времени сохраняется такая

же, как и без разделения на долгосрочных и циркулярных (изменения не происходят в статусе и межэтнических контактах). В плохих условиях изменение идентичности во времени у долгосрочных мигрантов статистически не значимо (см. табл. 7).

Таблица 7

Изменения индикаторов интеграции во времени в зависимости от «соответствующих условий» и типа миграционных стратегий

Генерализованные индикаторы интеграции	Миграционные стратегии и продолжительность проживания (лет)							
	Долгосрочные				Циркулярные			
	< 5	5–10	> 10	χ^2	< 5	5–10	> 10	χ^2
Плохие условия								
Статус	70,8	69,9	67	1,226	66,2	68,4	68,4	0,738
Качество жизни	17,5	38,1	44,6	19,531***	17,8	24,1	29,1	5,716*
Транснационализм	40,6	26,8	29	23,370***	32,1	22,9	27,2	16,063***
Языковые навыки	40,9	53,4	65,3	32,811***	42,6	53,5	58,6	23,131***
Межэтнические контакты	49,2	47,6	48,6	0,098	54,9	58	57,1	0,609
Идентичность	21,6	27,1	32,8	3,064	15,8	8,6	19,3	5,545*
Средние условия								
Статус	64,2	66,9	68,3	1,881	66,5	68,4	68,2	0,59
Качество жизни	39,1	38	50,8	29,973***	24,2	30,1	31,1	13,2**
Транснационализм	57,9	47,1	57	10,786**	45,8	37,2	40,8	6,581**
Языковые навыки	52,3	63,8	74,4	23,306***	51,1	59,9	70,2	22,237***
Межэтнические контакты	54,8	55,6	57,6	0,541	53,4	53,8	56,6	1,115
Идентичность	24,3	31,5	41	28,294***	17,6	19,8	28,8	26,239***
Хорошие условия								
Статус	66,4	71,3	64	2,276	67,6	60,7	72,2	4,446
Качество жизни	64,4	65,1	66,9	0,268	46,2	43,7	45,8	0,121
Транснационализм	73,6	65,5	68,6	4,459	68,2	57,7	58,3	4,192
Языковые навыки	68,3	73,8	78,4	3,56	51,7	66,7	73,2	14,135**
Межэтнические контакты	53,6	59,8	59	1,383	61,6	72,7	52,9	10,663**
Идентичность	47,1	51,7	61,2	4,235	44,3	41,1	43,6	0,196

Примечания: 1) по всем индикаторам представлены значения высокого индекса; 2) * – $p < 0,1$; ** – $p < 0,05$; *** – $p < 0,01$.

В результате отметим, что улучшение статуса и изменение частоты межэтнических взаимодействий не связано с длительностью проживания даже при включении в анализ «соответствующих условий» интеграции. Единственное исключение: в хороших условиях после пяти лет прожи-

вания могут увеличиться межэтнические контакты. Изменение статуса и увеличение межэтнических взаимодействий, очевидно, зависят (за упомянутым исключением) от других факторов, оставаясь фактически неизменными при разных условиях. Добавление в анализ типа миграционных стратегий ситуации не меняет, опять же, за единственным исключением в виде значимости межэтнических контактов циркулярных мигрантов в хороших условиях – они нарастают после пяти лет пребывания и идут на спад после 10 лет миграционной «карьеры».

Значительно более дифференцированная картина наблюдается в отношении языковых навыков, транснационализма, качества жизни и идентичности. В овладении языком при любых условиях видна сильная и последовательная связь с длительностью проживания. Однако время работает в дополнение к другим факторам, значимость которых сохраняется на разных этапах проживания. В хороших и средних условиях языковые навыки, будучи и так на довольно высоком уровне, улучшаются ещё сильнее, в плохих условиях после 10 лет проживания они едва ли лучше, чем в хороших условиях в начале пребывания. Причём в плохих и средних условиях это работает одинаково и для долгосрочных, и для циркулярных мигрантов. В хороших условиях у циркулярных мигрантов улучшение языковых навыков значительно не уступает долгосрочным (у долгосрочных изменения заметны, но становятся статистически не значимыми).

Взаимосвязь времени с изменением качества жизни остаётся значимой при плохих и средних условиях, в обоих случаях происходит планомерное улучшение этого индикатора. Однако даже после 10 лет проживания в плохих или средних условиях мигрантам не удаётся достичь того уровня, который есть при хороших условиях в начале миграции. В этом случае начальный уровень качества жизни настолько высок, что в дальнейшем уже едва ли может стать лучше. Вместе с тем долгосрочные мигранты при всех категориях условий добиваются большего прогресса в улучшении качества жизни, чем циркулярные.

Транснациональные связи при всех типах условий имеют тенденцию усиливаться после длительного проживания в чужой стране, особенно в перспективе 5–10 с начала миграции (высокий индекс по этому показателю уменьшается). Однако в плохих условиях теснота контактов фактически в два раза выше, чем в хороших. Разделение на долгосрочных и циркулярных мигрантов ещё больше дифференцирует «плотность» транснационализма, а значимость времени при таком делении в хороших условиях и вовсе исчезает. То есть главный фактор сохранения тесных транснациональных связей с течением времени – это циркулярная миграция в плохих условиях.

Последняя переменная, идентичность, заслуживает особого внимания как один из значимых маркеров интеграционных намерений мигрантов. Значимость времени в формировании российской идентичности исчезает при хороших условиях. В этом случае уже в начале миграции идентичность находится на довольно высоком уровне, недостижимом при других условиях. А если мы говорим о долгосрочной миграции в хороших условиях, то этот уровень ещё выше. При циркулярной миграции в хороших условиях может быть достигнут уровень идентичности с принимающим обществом, характерный для долгосрочных мигрантов в средних условиях. В плохих условиях отчуждение от принимающего общества слишком велико, чтобы иметь сильные изменения во времени, особенно при циркулярной миграции.

Обсуждение и выводы

Изначально поставленный в статье вопрос о связи длительности проживания с различными аспектами интеграции мигрантов уже содержал предположение о том, что время неодинаково работает в этом процессе.

Отсутствие значимости взаимосвязи времени с изменениями статуса и установлением межэтнических контактов наблюдается и в простых линейных распределениях, и при добавлении в анализ «соответствующих условий» интеграции и типа миграционных стратегий (долгосрочные или циркулярные). То есть улучшения в статусе не происходят со временем, а его значения не дифференцируются ни при разных условиях, ни по типу миграции. Некоторые исключения для межэтнических контактов, такие как долгосрочная миграция (без добавления условий) или хорошие условия (при их включении в анализ) говорят о том, что для прогресса в социальных взаимодействиях мигрантов и местных жителей важны благоприятные, вероятно даже специально созданные, условия.

Для таких переменных, как языковые навыки, качество жизни, транснационализм и идентичность наблюдаемые связи между интеграцией и длительностью проживания не исчезают (частично или полностью) при добавлении в анализ «соответствующих условий». Овладение языком принимающей страны при любых условиях и типе миграции требует времени. Длительное проживание, работающее в дополнение к другим условиям, показывает, что знание языка – это также результат способностей и навыков, поскольку при хороших условиях уровень в начале миграции равен уровню после 10 лет проживания в плохих условиях.

Схожие выводы получены о качестве жизни: улучшения происходят со временем при любых условиях, однако добиться одинаковых уровней довольно сложно. То есть любой, кто в течение длительного времени находится в принимающем обществе в плохих условиях постепенно улуч-

шает качество своей жизни, но эти значения всё равно значительно ниже, чем при хороших условиях.

Транснационализм, устойчиво показывающий связь с продолжительностью проживания, очевидно требует более детального анализа, поскольку имеет волнообразный характер – его пик приходится на период 5–10 лет после начала миграции и потом идёт на спад. Вероятно, усиливаясь в период приспособления к принимающему обществу, транснациональные связи ослабевают после 10 лет проживания у тех, кто не мигрировал обратно (или не прекратил поездки в случае циркулярной миграции). Очевидно, существуют и другие процессы (помимо изученных «соответствующих условий»), влияющие на ослабление транснациональных связей, например, пролегающие в сфере личных взаимоотношений, семейных традиций, групповых связей.

Формирование чувства сопричастности с принимающим социумом и желание остаться связаны с длительностью проживания частично. Время может влиять на прогресс индикатора идентичности в плохих или средних условиях, в хороших же – уровень сопричастности высокий уже в начале миграции, причём и у долгосрочных, и у циркулярных мигрантов. В плохих условиях, особенно при циркулярной миграции, простая продолжительность миграционной «карьеры» едва ли может помочь преодолеть отчуждение от общества. Это подтверждает выводы других исследований о том, что идентичность принимающего общества формируется во многом на основе структурного положения в чужой среде, отсутствия социальной изоляции.

Предположение об отказе в интеграции для «временных» и «мобильных» [29] весьма спорно, поскольку даже для мигрантов как минимум один раз в год (или больше) уезжающих на несколько месяцев на родину прогресс в интеграции происходит с течением времени, особенно в хороших и средних «соответствующих условиях». Государственная темпоральность [30] в ситуации упрощённых миграционных обменов на постсоветском пространстве позволяет мигрантам осуществлять подобные временно-постоянные стратегии.

Интеграция мигрантов не является самопроизвольным процессом, обусловленным исключительно временным фактором. «Время» действует «совместно» с контекстом миграции, мотивацией субъектов, их индивидуальными возможностями и доступными ресурсами, определяющими траекторию и темпы интеграционных процессов. Время служит фоном, на котором разворачиваются эти действия, и обеспечивает возможность их постепенной реализации. Таким образом, время не является изолированным фактором, но выступает элементом динамичной системы интеграции, тесно переплетённым с действиями мигрантов и воздействием окружающей среды.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ. REFERENCES

1. Ager A., Strang A. Understanding Integration: A Conceptual Framework // Journal of Refugee Studies. 2008. Vol. 21, № 2. P. 166–191. DOI [10.1093/jrs/fen016](https://doi.org/10.1093/jrs/fen016).
2. Kearns A., Whitley E. Getting There? The Effects of Functional Factors, Time and Place on the Social Integration of Migrants // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2015. Vol. 41, № 13. P. 2105–2129. DOI [10.1080/1369183X.2015.1030374](https://doi.org/10.1080/1369183X.2015.1030374).
3. Park P. Race and Culture. Glencoe : Free Press, 1950. 400 p.
4. Gordon M. Assimilation in American Life. New York : Oxford University Press, 1964. 288 p. ISBN 9780195008968.
5. Glazer N., Moynihan D. Beyond the melting pot: the Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians, and Irish of New York City. Cambridge, MA : MIT Press, 1970 (1963). 363 p. ISBN 978-0262570220.
6. Glick Schiller N., Basch L., Szanton-Blanc C. Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered / Ed. by N. Glick Schiller, L. Basch, C. Szanton-Blanc. N.Y. : New York Academy of Sciences, 1992. P. 1–24.
7. Pieterse J. Global Multiculture, Flexible Acculturation // Globalization. 2007. Vol. 4, № 1. P. 6579. DOI [10.1080/14747730701245616](https://doi.org/10.1080/14747730701245616).
8. Миграция населения: теория и политика : учебное пособие / О. Д. Воробьева, А. В. Топилин, В. И. Мукомель [и др.]. Москва : Экономическое образование, 2012. 364 с. ISBN 978-5-7425-0160-2. EDN [UXNSRN](https://www.edn.ru/uxnsrn). [Vorobyova O.D., Topilina A. V. eds. Population migration: theory, politics: Textbook. Moscow: Экономическое образование; 2012. 364 p. (In Russ.)].
9. Кузнецов И. М. Мигранты в мегаполисе и провинции: вариативность реализации интеграционного потенциала // Россия реформирующаяся: ежегодник. 2008. № 7. С. 273–288. EDN [PBVCHD](https://www.edn.ru/pbvchd). [Kuznetsov I. M. Migrants in the metropolis and provinces: variability in the implementation of integration potential. *Russia reforming: Yearbook=Rossiia reformiruyushhayasya : ezhegodnik*. 2008;(7):273–288. (In Russ.)].
10. Леденева В. Ю. Формы и модели социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и Общество. 2015. № 6. С. 717–728. DOI [10.7256/2454-0684.2015.6.10786](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2015.6.10786). EDN [UBIDVL](https://www.edn.ru/ubidvl). [Ledeneva V. Yu. Forms and models of social adaptation and integration of migrants. *Politics and Society=Politika i Obshhestvo*. 2015;(6):717–728. (In Russ.). DOI [10.7256/2454-0684.2015.6.10786](https://doi.org/10.7256/2454-0684.2015.6.10786)].
11. Кузнецов И. М. Адаптационные стратегии мигрантов в условиях мегаполиса (на примере г. Москвы) : автореф. дис... канд. социол. наук : 23.00.02 / Кузнецов Игорь Михайлович ; науч. рук. В. И. Мукомель ; ИС РАН. Москва : 2006. 23 с. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (дата обращения: 15.02.2024). [Kuznetsov I. M. Adaptation strategies of migrants in a metropolis (using the example of Moscow): abstract of thesis. diss. Ph.D. Official website of IS RAS. 2006. Available at: <http://www.isras.ru/publ.html?id=1840> (accessed: 15.02.2024)].
12. Esser H. Aufenthaltsdauer und die Eingliederung von Wanderern. Zur theoretischen Interpretation soziologischer «Variablen» // Zeitschrift Fur Soziologie. 1981. Jg. 10, № 1. P. 76–97. DOI [10.1515/zfsoz-1981-0105](https://doi.org/10.1515/zfsoz-1981-0105).
13. Kuhlman T. The Economic Integration of Refugees in Developing Countries: A Research Model // Journal of Refugee Studies. 1991. Vol. 4, № 1. P. 1–20. DOI [10.1093/jrs/4.1.1](https://doi.org/10.1093/jrs/4.1.1).

14. *Eldering L.* The Bhojpuri diaspora: A rich field for comparative acculturation research // *Psychology and Developing Societies*. 2005. Vol. 17, № 2. P. 237–247. DOI [10.1177/097133360501700209](https://doi.org/10.1177/097133360501700209).
15. *Stronks K., Ravelli A., Reijneveld S.* Immigrants in the Netherlands: Equal Access for Equal Needs? // *Journal of Epidemiology and Community Health*. 2001. Vol. 55, № 10. P. 701–707. DOI [10.1136/jech.55.10.701](https://doi.org/10.1136/jech.55.10.701).
16. *Boyd C.* Migrants in New Zealand: An Analysis of Labour Market Outcomes for Working Aged Migrants Using 1996 and 2001 Census Data. Wellington : New Zealand Department of Labour, 2003. 66 p. URL: <https://www.mbie.govt.nz/dmsdocument/2648-migrant-outcomes-working-age-migrants-pdf> (дата обращения: 29.01.2024).
17. *Cebulla A., Daniel M., Zurawa A.* Spotlight on refugee Integration: Findings from the Survey of New Refugees in the United Kingdom. London : Home Office, 2010. 27 p. ISBN 9781849872270. URL: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/5a7a1896ed915d6d99f5d1e1/horr37-report.pdf> (дата обращения: 07.02.2024).
18. *Cela E., Fokkema T., Ambrosetti E.* Variation in transnationalism among Eastern European migrants in Italy: the role of duration of residence and integration // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2013. № 13 (2). P. 195–209. DOI [10.1080/14683857.2013.789671](https://doi.org/10.1080/14683857.2013.789671).
19. *Sand G., Gruber S.* Differences in subjective well-being between older migrants and natives in Europe // *Journal of Immigrant and Minority Health*. 2018. Vol. 20, № 1. P. 83–90. DOI [10.1007/s10903-016-0537-5](https://doi.org/10.1007/s10903-016-0537-5).
20. *Ullman C., Tatar M.* Psychological adjustment among Israeli adolescent immigrants: A report on life satisfaction, self-concept, and self-esteem // *Journal of Youth and Adolescence*. 2001. № 30 (4). P. 449–463. DOI [10.1023/A:1010445200081](https://doi.org/10.1023/A:1010445200081).
21. *Murillo J., Molero F.* Relación entre la satisfacción vital y otras variables psicosociales de migrantes colombianos en estados unidos // *Revista Colombiana De Psicología*. 2016. Vol. 25, № 1. P. 15–32. DOI [10.15446/rp.v25n1.44308](https://doi.org/10.15446/rp.v25n1.44308).
22. *Kim I., Noh S.* Changes in life satisfaction among Korean immigrants in Canada // *International Journal of Culture and Mental Health*. 2015. № 8 (1). P. 60–71. DOI [10.1080/17542863.2014.892521](https://doi.org/10.1080/17542863.2014.892521).
23. Contextualizing nativity status, Latino social ties, and ethnic enclaves: An examination of the «immigrant social ties hypothesis» / E. Viruell-Fuentes, J. Morenoff, D. Williams, J. House // *Ethnicity and Health*. 2013. № 18 (6). P. 586–609. DOI [10.1080/13557858.2013.814763](https://doi.org/10.1080/13557858.2013.814763).
24. *Griffiths M., Rogers A., Anderson B.* Migration, Time and Temporalities: Review and Prospect. COMPAS Research Resources Paper. COMPAS, 2013. 31 p. URL: https://www.compas.ox.ac.uk/wp-content/uploads/RR-2013-Migration_Time_Temporalities.pdf (дата обращения: 21.02.2024).
25. *Мукомель В. И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся : ежегодник*. 2016. № 14. С. 411–467. EDN **WBLZPF**. [Мукомель В. И. Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. *Russia reforming : Yearbook=Rossiia reformiruyushhayasya : ezhegodnik*. 2016;(14):411–467. (In Russ.)].
26. The effect of length of residence and geographical origin on the social inclusion of immigrants / M. Millán-Franco, L. Gómez-Jacinto, I. Hombrados-Mendieta

- [et al] // Psychosocial Intervention. 2019. № 28 (3). P. 119–130. DOI [10.5093/pi2019a10](https://doi.org/10.5093/pi2019a10).
27. Мукомель В. И. Высококвалифицированные мигранты из постсоветских государств: трудовая мобильность // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 2. С. 31–59. DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264). EDN UIZFRO. [Mukomel V. I. Highly qualified migrants from post-Soviet states: labor mobility. *Sociological journal=Sociologicheskij zhurnal*. 2020;26(2):31–59. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2020.26.2.7264](https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.2.7264)].
28. Mukomel V. I. Labor Mobility of Migrants from the Post-Soviet Expanse States at the Russian Labor Market // Migration from the Newly Independent States / M. Denisenko, S. Strozza, M. Light, eds. Cham : Springer, 2020. P. 187–209. DOI [10.1007/978-3-030-36075-7_9](https://doi.org/10.1007/978-3-030-36075-7_9).
29. Бредникова О. Е. Мобильная занятость мобильного субъекта // The Journal of Social Policy Studies. 2020. Т. 18, № 4. С. 705–720. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720). EDN YCCCBY. [Brednikova O. E. Mobile employment of a mobile subject. *The Journal of Social Policy Studies*. 2020;18(4):705–720. (In Russ.). DOI [10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-4-705-720)].
30. Cwerner S. B. The Times of Migration // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2001. № 27(1). P. 7–36. DOI [10.1080/13691830125283](https://doi.org/10.1080/13691830125283).

Сведения об авторе

А. А. Эндрюшко

кандидат социологических наук,

научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: [906278](https://elibrary.ru/author_index.action?id=906278)

SPIN-код: [4458-5876](https://elibrary.ru/spin_index.action?id=44585876)

Статья поступила в редакцию 15.04.2024; одобрена после рецензирования 30.04.2024; принята к публикации 16.05.2024.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7)

DURATION OF STAY AND THE INTEGRATION OF MIGRANTS: (UN)OBVIOUS RELATIONSHIPS

Anna Alexandrovna Endryushko

Institute of Sociology of FCTAS RAS,

Moscow, Russia,

anna.endryushko@mail.ru,

ORCID [0000-0002-1358-1145](https://orcid.org/0000-0002-1358-1145)

For citation: Endryushko A. A. Duration of stay and the integration of migrants: (un)obvious relationships. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):147–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.7](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.7).

Abstract. The article presents the results of a study of the relationship between the duration of stay and the type of migration strategies with various aspects of the integration of migrants from post-Soviet states in Russian society. It is analyzed how at different time intervals (up to 5 years, after 5–10 years, after 10 years from the beginning of migration) improvements occur in status, quality of life, transnational connections (in relation to integration, a decrease in their “density”), language skills, interethnic contacts, the formation of Russian identity among long-term and circular external migrants. A research model is used that includes “relevant conditions” for each integration indicator. The empirical basis of the study was based on data from a nationwide survey of labor migrants conducted by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies in 19 constituent entities of the Russian Federation (2017, sample of 7417 respondents). The results of the study show that changes in the status and frequency of interethnic contacts are not associated with duration of stay for either long-term or circular migrants, even when integration conditions are added to the analysis. The “density” of transnational connections changes significantly over time (the peak occurs between 5–10 years after the start of migration, and after 10 years it decreases), however, the interpretation of this connection requires further investigation. “Time” is positively related to such indicators of integration as language skills, quality of life, and identity formation. These connections do not disappear when “relevant conditions” of integration are added to the analysis, however, it is concluded that the duration of stay in itself is not a factor in progress in integration, but acts “together” with the context of migration, the motivation of the actors, their individual capabilities and available resources. resources that determine the trajectory and pace of the integration process.

Keywords: migration, integration of migrants, length of residence, long-term migration, circular migration, integration indicators

Information about the Author

A. A. Endryushko

Candidate of Sociology,
Researcher

ResearcherID: [H-8504-2018](#)

Scopus AuthorID: [57208757763](#)

The article was submitted 15.04.2024; approved after reviewing 30.04.2024; accepted for publication 16.05.2024.

ЛИЧНАЯ ЖИЗНЕННАЯ СРЕДА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СТАТУС ПО ПРИЗНАКУ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ

Алла Викторовна Мозговая

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

mozgovai@yandex.ru,

ORCID [0000-0001-6810-5931](https://orcid.org/0000-0001-6810-5931)

Для цитирования: Мозговая А. В. Личная жизненная среда в социально-политическом контексте современной России: статус по признаку определённости // Социологическая наука и социальная практика. 2024. Т. 12, № 2. С. 169–187. DOI [10.19181/snsp.2024.12.2.8](https://doi.org/10.19181/snsp.2024.12.2.8). EDN [ONDNM](https://edn.org/ONDNM).

Аннотация. Тематика статьи относится к социологическому дискурсу относительно категории неопределённости на личностном уровне анализа. Неопределённость среды имманентно содержит риски как потенциальную возможность ущерба от неблагоприятного исхода событий, явлений, процессов. Стратегия анализа, представленного в статье, за исходное и независимое положение исследования принимает факт наличия в среде такого контекста, таких условий, которые могут послужить источниками рисков различного уровня. В предлагаемом в статье исследовании автор исходит из того, что принципиально рискованный социально-политический контекст на уровне страны (СВО, усиливающееся санкционное давление) конкретным субъектом может и не восприниматься как обуславливающий неопределённость в пространстве его личной жизненной среды. Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного опроса населения России, проведённого по квотной выборке в июне 2023 года. Применяется методический подход, особенностью которого является формирование внутри совокупности опрошенных целевых групп по критерию, соответствующему основной задаче анализа – самоопределению статуса непосредственной личной жизненной среды. Данные группировались и анализировались под разведывательную стратегию, нацеленную на выявление сходства и различий между теми, кто позитивно и чётко видит свою жизненную перспективу, и теми, кто находится в ситуации неопределённости в отношении будущего и настоящего. Анализ тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней, позволил оценить их внутреннюю взаимосвязь и осуществить эмпирическую (реальную) в отличие от априорной (теоретической) группировку. Эмпирическая группировка выявила три блока ресурсов-детерминантов различий целевых групп по самоопределению адаптивного статуса жизненной среды, которые соотносят-

ся с составляющими субъективного интеллекта: эмоциональным как способностью распознавать, понимать и использовать эмоции, с социальным как навыками и опытом коммуникации с институциональной средой, рациональностью как наличием навыков самоорганизации и самоконтроля.

Ключевые слова: неопределённость, жизненная среда, риск, уязвимость, социально-политический контекст, субъективный интеллект

Благодарности: лично Михаилу Константиновичу Горшкову за предоставленную базу данных социологического исследования по проекту, руководителем которого он является.

Введение

Переживаемый современным российским обществом исторический этап отличается скоростью и глубиной изменений процессов практически во всех сферах функционирования общественного целого.

Реформирование и модернизация, даже имеющие характер системной трансформации, обусловленной потребностями самой системы, в целом прогнозируемы и управляемы. Тем не менее при принципиальной управляемости масштабные изменения формируют и условия для кризисов и противоречий, которые до нахождения адекватных мер разрешения становятся источником возрастающей неопределённости. Основной фундаментальный признак неопределённости – это неоднозначность позитивной направленности изменений, принципиальная невозможность безошибочного подсчёта возможных рисков и ущербов от неблагоприятных исходов событий и процессов.

Актуальность теоретического, в частности социологического, дискурса относительно категории неопределённости в отечественной науке в настоящее время очевидна и высока в связи с новым мощным фактором влияния на все стороны жизни российского общества, а именно санкционным давлением и продолжающейся специальной военной операцией.

Обоснование социологической сущности феномена неопределённости основывается на идеях диалектики. Социологический дискурс относительно методологического статуса категории неопределённости одним из фундаментальных выводов формулирует утверждение, суть которого в том, что на современном этапе развития общественных систем неопределённость социальных процессов утрачивает качество чрезвычайности и становится неотъемлемым свойством повседневности. Это в свою очередь требует понимания неопределённости не столько как противоположности стабильности, устойчивости, абсолютной безопасности, сколько как этапа развития и социальной системы и личности, конструирования в «текущей современности» (З. Бауман) некоторого состояния устойчивости, в «обществе риска» (У. Бек) – уровня безопасности, что на субъек-

тивном уровне представляет собой создание индивидом статуса определённости личной жизненной среды. Этот методологический подход находит отражение в исследовательской практике.

На *теоретическом* уровне анализируются философская и социологическая сущность феномена неопределённости, функции, связь с трансформационными процессами, рисками [1; 2; 3; 4; 5]. *Субъектный* анализ обращён к специфике адаптации к условиям неопределённости социально-демографических групп, социально-профессиональных и территориальных общностей [6; 7; 8; 9; 10]. *Процессуальный* подход обращается к изучению динамики социального самочувствия, социокультурным аспектам, жизненному проектированию; адаптации, социализации, гражданской идентификации, консолидации; ресурсному потенциалу и стратегиям (особенно девиантной) взаимодействия с неопределённостью [11; 12; 13; 14; 15; 16]. *Институциональный* анализ сосредоточен на изучении неопределённости как фактора трансформации социальных институтов, системы управления [17; 18; 19].

Анализ актуального состояния проблемного поля исследований показывает, что личностный уровень взаимодействия с неопределённостью среды в основном связан с процессом адаптации, что, в сущности, отражает основную цель взаимодействия с этим состоянием среды. При анализе феномена неопределённости в аспекте взаимодействия с ней приходится учитывать, что институциональный и личностный уровни настолько тесно взаимосвязаны и взаимозависимы, что абстрагировать их друг от друга не только трудно, но по большому счёту и непродуктивно.

Неопределённость среды имманентно содержит риски как потенциальную возможность ущерба от неблагоприятного исхода событий, явлений, процессов. В социологии риска контекст (среда) является одним из существенных факторов, которые потенциальную возможность могут сделать реальной угрозой жизни и здоровью людей, состоянию территорий, стилю жизни общностей, повседневной жизненной ситуации отдельных индивидов. Стратегия анализа, представленного в статье, за исходное и независимое положение исследования принимает факт наличия в среде такого контекста, таких условий, которые могут послужить источниками рисков различного уровня. Так, социетальные риски, преломляясь, доходят до уровня индивидов и оказываются в их повседневной жизненной среде, в семейном и личностном пространстве, в ближнем круге.

Исследовательская задача в таком случае формулируется как выявление специфики оценок, отношения, позиций респондентов, по-разному идентифицирующих текущий статус своей жизненной среды при наличии источников неопределённости и рисков, ею создаваемых. При такой стратегии исследователь опирается на субъектность респондента в опре-

делении текущего статуса своей непосредственной жизненной среды через оценку рисков и угроз, обуславливающих уязвимость на индивидуальном уровне.

В предлагаемом в статье исследовании автор исходит из того, что принципиально рискованный социально-политический контекст на уровне страны (СВО, усиливающееся санкционное давление) конкретным субъектом может и не восприниматься как обуславливающий неопределённость в пространстве его личной жизненной среды. Факторы такой оценки, безусловно, могут оказаться за пределами инструментария опроса, тем не менее стоит проанализировать те, что доступны для изучения. Различия в идентификации среды по критерию определённости/неопределённости в данной статье интерпретируются в рамках концепции адаптации к рискогенным средам, трактуемой как процесс взаимодействия с условиями и факторами с целью снижения степени уязвимости объектов и субъектов до уровня приемлемого риска, до допустимого для субъекта статуса безопасности.

Эмпирическая база. Методика анализа данных

Эмпирической базой анализа являются данные репрезентативного опроса населения России, проведённого исследовательским коллективом под руководством академика РАН М. К. Горшкова по квотной выборке в июне 2023 года в рамках проекта РНФ № 20-18-00505 «Влияние нематериальных факторов на консолидацию российского общества в условиях новых социокультурных вызовов и угроз».

Применяется методический подход, особенностью которого является формирование внутри совокупности опрошенных целевых групп по критерию, соответствующему основной задаче анализа. В данном исследовании – самоопределению статуса непосредственной личной жизненной среды. Опрос проводился в условиях существования такого фактора социально-политического контекста, как осуществление контингентом добровольцев, контрактников и мобилизованных граждан специальной военной операции на территории Донецкой и Луганской областей и усиления внешнего санкционного давления на страну. Ситуация сложная, многоаспектная, несомненно, отличающаяся неопределённостью и рисками, но вместе с тем не однозначно формирующая неопределённость личной жизненной среды всего населения.

Из общего количества опрошенных автор посчитал целесообразным удалить 11 анкет, в которых не было ответов на важные для целей и задач исследования вопросы. Таким образом, анализ осуществляется для выборочной совокупности в 1989 респондентов, что никак не влияет на ре-

презентативность выборки и на надёжность результатов. Основным допущением для выявления статуса жизненной среды респондента в момент опроса была субъективная позитивная или негативная оценка будущего, то есть жизненной перспективы от заданной временной точки в пространстве обозначенного выше социально-политического контекста – момента опроса.

Данные группировались и анализировались под разведывательную стратегию, нацеленную на выявление сходства и различий между теми, кто позитивно и чётко видит свою жизненную перспективу, и теми, кто находится в ситуации неопределённости в отношении будущего и настоящего.

Базовым для группировки респондентов является вопрос, который позволяет определить, с какой направленностью человек воспринимает своё будущее. Респонденты, которые уверены, спокойны и смотрят в будущее с надеждой, отнесены к совокупности людей, среда которых для них отличается определённой ($n=1190$, что составляет 59,8% выборки; назовём их условно «определившимися»); среда респондентов, испытывающих беспокойство, страх, отчаяние в отношении своего личного будущего, явно отличается неопределённостью ($n=799$, что составляет 40,2% выборки; назовём их «сомневающимися»).

Среда – столь же многоаспектное и многогранное понятие, как и неопределённость, может быть описана множеством показателей. Интересует ряд личностных позиций, оценок, установок, которые отличают представителей двух выделенных для анализа совокупностей респондентов. Кроме фактологических социально-демографических характеристик респондентов из двух целевых групп автора интересовал целый ряд субъективных мировоззренческих позиций, оценок, установок, а именно следующее.

Естественные и приобретённые ресурсы: пол, возраст, состояние здоровья, уровень образования, сфера занятости, тип собственности предприятия/организации, условия, предоставляемые работодателем, источники дохода, социально-профессиональный статус, тип поселения, поддержка государства как ресурс.

Личностные особенности, позиции, установки: повседневный психологический настрой, перспективное планирование и целеполагание как практика, оценка факторов благополучия в современном обществе, сферы переживания неопределённости личной жизненной среды, статус различных сторон жизни, институциональное доверие, определение координат жизненного успеха.

Социально-политический контекст: оценка состояния среды на различных дистанциях, оценка влияния текущего контекста на личную жизнь и перспективы.

Статистическая значимость различий для выборок, численность которых соответствует полученным при группировке массива объёмам целевых групп, оценивалась по алгоритму, описанному В. А. Ядовым [20, с. 64]. При уровне доверительного интервала, не превышающего 5% статистически значимой ошибки выборки, различия между двумя целевыми совокупностями в 6,1% признаются существенными, статистически значимыми.

Методика анализа данных предусматривает два этапа: прежде всего выполняется сравнительное исследование двух целевых групп по заявленным признакам безотносительно к рискогенному фактору наличного контекста, затем производится оценка связи выявленных различий с реальными последствиями для субъектов и их жизненной среды СВО и санкций.

Анализ полученных результатов предположительно может дополнить знание о том, по отношению к какой именно дистанции социального пространства субъект оценивает статус определённости и перспективности своей личной жизненной среды; о векторах оценки её определённости/неопределённости; о наличии оснований для эмпирической группировки тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней.

Результаты анализа

Логично прежде всего обратиться к анализу наличных объективных естественных и приобретённых ресурсов респондентов, а именно выявить сходства и различия состава целевых групп по социальным и демографическим характеристикам. Далее, опираясь на неоднократно доказанный социологами факт, что такие личностные особенности, как психологический, эмоциональный статус, институциональное доверие как опыт взаимодействия с социумом и ряд других, также значительно влияют на субъективное оценочное сознание людей, обратиться к анализу субъективных оценочных показателей.

Естественные и приобретённые ресурсы. По полу, возрасту, уровню образования, типу поселения существенных различий между целевыми группами нет. Распределение по сферам занятости и источникам дохода также различий не показывает. Имеется существенное различие в долях неработающих: в группе «определившихся» доля тех, кто по разным причинам в момент опроса не работал, составляет 28,0%, а в группе «сомневающихся» – 35,8%. Есть небольшие, но тем не менее статистически значимые различия в причинах, по которым респонденты не работали:

при сходных долях пенсионеров (75,3% против 70,6%) доля обучающихся на момент опроса выше в группе «определившихся» (14,7% против 8,7%).

Среди работающих имеются различия по типу собственности предприятия/организации. Если занятых на государственных предприятиях в группе «определившихся» 44,8%, то в группе «сомневающих» – 37%; на организованных с самого начала как частные (включая фермеров) соответственно – 27,5% и 34,7%. Однако на предприятиях всех форм собственности работодатели занятым респондентам обеих групп обеспечивают одинаковые условия: распределение на уровне средних по массиву в целом.

Такой ресурс, как хорошее здоровье, в несколько большей степени имеется у «определившихся» – отмечают, что нет серьёзных проблем со здоровьем 38,5% против 31,4% в группе «сомневающих».

Помощь государства представляет собой значимый социальный как материальный, так и нематериальный ресурс для всех категорий населения. Доля тех, кто без поддержки государства не сможет выжить, в группе «определившихся» составляет 43,9%, а в группе «сомневающих» – 56,2%. Различия существенные.

Личностные особенности как фактор оценки статуса жизненной среды. Преобладающим в индивидуальном повседневном психологическом настрое у «определившихся» является уравновешенность (51,6%), а у «сомневающих» – тревожность (68,3%). Коррелируют с эмоционально-психологическим состоянием респондентов и оценки перспектив развития страны в ближайшем будущем: в успешность развития верят 38,1% «определившихся» и 11,9% «сомневающих».

Перспективное планирование свойственно в большей степени «определившимся»: 39,9% из них (против 25,9% в другой группе) планируют свою жизнь на пару лет вперёд.

В таблице 1 представлены данные о степени осуществления жизненных планов представителями целевых групп.

Самооценки респондентов, считающих свою жизненную среду неопределённой и бесперспективной, отличаются негативной направленностью: выше доля неудачников. Считают, что достигли всего, многого или ещё добьются того, что хотели, 72% тех, кто видит свою жизненную перспективу, и 49,8% тех, кто такой перспективы не видит.

Значимым для целей нашего анализа являются данные о представлениях респондентов двух целевых групп о том, что является фактором благополучия в современной России. Результатом высокого уровня образования, квалификации, трудолюбия его считают 72,3% «определившихся» и 55,9% «сомневающих»; результатом везения и личных связей – соответственно 27,7% и 44,1%.

Таблица 1

Осуществлённость жизненных планов по самооценкам представителей целевых групп, %

Степень реализации жизненных планов	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
Достигли всего, к чему стремились и на что были способны	17,7	7,9
Многого добились, но способны на большее	30,6	24,7
Добились значительно меньше, чем способны	25,5	41,4
Считают себя неудачниками, так как практически ничего не добились в жизни	1,6	8,8
Считают преждевременным подводить итоги, сумеют добиться того, что пока не удалось	24,6	17,2

Интересно выявить, чем обусловлены негативные установки респондентов по отношению к возможностям самореализации личности в современном российском обществе. Начнём с личностных жизненных переживаний (см. рис. 1).

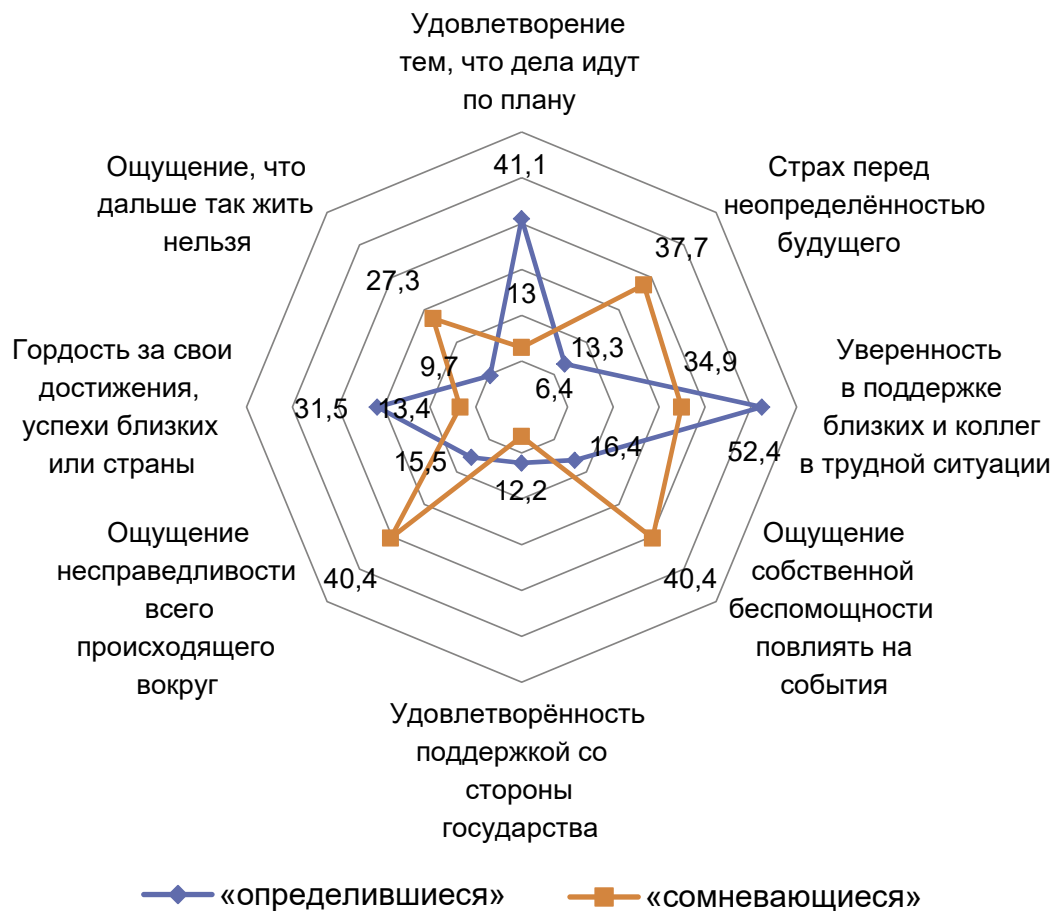

Рис. 1. Личностные переживания определённости/неопределённости среды представителями целевых групп (по позиции шкалы «часто»), %

Как показывают данные, переживания жизненной среды у «определившихся» характеризуются такими чертами, как удовлетворённость, уверенность, гордость, у «сомневающихся» – страх, беспомощность, несправедливость, невозможность. Чем обусловлен такой характер субъективных переживаний своей личной жизненной среды?

Выше подчёркивалось, что существует множество векторов среды, по которым субъект в своей повседневной жизни в тот или иной момент имеет стабильный или неопределённый статус. Разработчики инструментария опроса, данные которого использованы, включили в анкету перечень из 22 показателей, относящихся к различным условиям и обстоятельствам жизни человека. Автор статьи интерпретирует оценку по тому или иному показателю на «хорошо» как наличие статуса определённости у субъекта по данному вектору среды. В таблицу 2 сведены те факторы, по которым у значительной доли представителей целевой группы «определившихся» оценки высокие.

Таблица 2

Стороны жизни, статус которых высоко оценивается целевой группой «определившихся» в сравнении с целевой группой «сомневающихся», %

Стороны жизни	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
<i>Доля оценок «хорошо» у «определившихся» от 50% до 67,9%</i>		
Питание	52,4	25,9
Жилищные условия	51,9	36,9
Отношения в семье	67,9	53,8
Общение с друзьями	61,4	44,8
Место проживания (город, посёлок)	58,3	37,4
Доступность интернета и цифровых технологий в целом	56,3	36,9
<i>Доля оценок «хорошо» у «определившихся» от 35% до 45%</i>		
Приобретение одежды	41,2	20,8
Состояние здоровья	34,5	17,0
Проведение досуга	39,6	24,7
Возможности самореализации в профессии	40,5	20,2
Возможности получения образования и знаний	36,4	16,6
Положение, статус в обществе	43,1	22,7
Уровень личной безопасности	39,1	20,9
Экологическая обстановка в месте проживания	39,7	24,5
Как складывается жизнь в целом	44,6	17,9

Оценки практически всех сторон жизни, которые в значительной степени связаны со стабильностью личной жизненной среды, существенно ниже у целевой группы «сомневающихся». Менее всего определённость ощущают обе целевые группы по уровню социальной защищённости при потере работы: 16,0 и 8,1% соответственно доли тех, кто положительно оценивает этот вектор своей жизни. Тот факт, что сформированные целевые группы в оценках так существенно различаются, с одной стороны, радует в методическом аспекте, с другой – вызывает опасения в том, что критерий формирования уже закладывал негативность настроений и оценок одной и позитивность другой, поскольку базировался на оценке стабильности будущего. Однако, социологам и психологам известно, что неопределённость будущего не однозначно обуславливает негативные оценки всех сторон личной жизненной среды, скорее наоборот. Возможно, отношение и оценка защитной функции институциональной среды оказывает решающее воздействие на характер восприятия и жизненных перспектив и опосредованно личной жизненной среды.

При общей тенденции сравнительно более низкого уровня институционального доверия у представителей «сомневающихся» по ряду субъектов «ножницы» между оценками двух целевых групп составляют 22–23 п. п. (см. табл. 3).

Таблица 3

Субъекты институциональной среды, уровень доверия которым значительно различается у представителей целевых групп, % доверяющих

Субъекты институциональной среды	Целевые группы	
	«определившиеся»	«сомневающиеся»
Правительство РФ	71,1	47,2
Руководство республики, Губернатор области, края	69,5	47,8
Государственная дума РФ	52,9	29,7
Совет Федерации	55,3	32,7
Полиция, органы внутренних дел	55,3	32,7
Судебная система	57,1	34,5
Российские банки	47,3	24,7
Центральная избирательная комиссия	50,3	28,1

Интересно, что более половины (56,2%) «сомневающихся» при крайне низком уровне доверия всем ветвям государственной власти заявили, что без поддержки со стороны государства им и их семьям не выжить. 55,9% «определившихся» заявляют, что смогут сами обеспечить себя и свою семью и не нуждаются в помощи государства.

В инструментарии опроса респонденты имели возможность в предложенном перечне отметить, что они соотносят с жизненным успехом человека. Интересно, что жизненные приоритеты у представителей целевых групп практически совпадают: самореализация, хорошее образование и работа, создание семьи и воспитание детей, финансовое благополучие, здоровье.

Социально-политический контекст в оценках целевых групп. Установим прежде всего, как представители сформированных целевых групп оценивают общее состояние среды на различных дистанциях. Инструментарий построен таким образом, что респонденты, оценивая состояние среды, знают, что имеется в виду значимый фактор контекста – СВО и санкции.

Ситуацию в мире представители обеих целевых групп оценивают как напряжённую, критическую (71,8 и 74,6% соответственно). Ситуацию в России на момент опроса, то есть на весну 2023 года, – как спокойную оценили 26% респондентов той группы, в которую включены уверенные в стабильности среды люди («определившиеся»). Доля аналогичных оценок в совокупности тех, кто находится в ситуации неопределённости, – 8,5% («сомневающиеся»). Оценки ситуации как спокойной на дистанции такой локации, как область, край, республика, соответственно 60,2 и 36,4%, а по отношению к муниципальному уровню соответственно 70,3 и 46,4%.

Данные убедительно показывают, что, оценивая степень определённости в отношении собственного будущего, респонденты скорее всего ориентировались на состояние своей ближайшей жизненной среды.

Целевые группы демонстрируют существенные различия в оценках влияния как СВО, так и санкций, введённых западными странами в 2022–2023 гг., на их жизнь, что помимо непосредственного результата даёт ещё и подтверждение продуктивности применённого в анализе методического подхода. Отрицательно оценивают влияние СВО на свою жизнь 25,2% считающих свою среду перспективной (определённой, стабильной) и 56,1% респондентов, существующих в неопределённой среде (бесперспективной); считают, что СВО не оказывает никакого влияния на их жизнь соответственно 35,1% и 15,6%. По санкциям данные сходные: отрицательное влияние отметили 25,0% и 45,4%, а никакого – 37,4% и 26,5%. Отрицательное влияние на свою жизнь преимущественно отмечают респонденты из той совокупности, что и свою жизненную среду и перспективу считают неопределённой. Связь зафиксирована, респонденты направленность связи характеризуют как влияние. Тем не менее требуется более детальная «расшифровка» результата.

Анализ распределения ответов респондентов двух целевых групп на уточняющий вопрос по поводу того, в чём конкретно проявляются по-

следствия СВО на Украине, выявил различия в позициях по пяти из двадцати предложенных в анкете направлений. Гибель или увечья родных и/или друзей пережили 11,5% тех, кто среду считает перспективной (определённой) и 20,5% тех, кто живёт в неопределённости; увеличение текущих расходов зафиксировали соответственно 30,6% против 41,2%; ухудшение отношений в семье вследствие различий в оценках СВО отметили 11,9% против 22,0%; ухудшение психологического состояния и состояния здоровья в целом отметили 11,0% против 26,4% респондентов; отсутствие последствий отметили 26,4% против 15,4% респондентов в целевых группах.

Респонденты, оценивающие свою личную среду как определённо перспективную, и развитие страны определяют как успешное (38,1% против 11,9%), хотя доли считающих, что страну ждут тяжёлые времена, в обеих группах высокие (45,0% против 68,5%). Считают, что на развитие страны окажут крайне негативное воздействие санкции, 11,0% против 26,2%, а СВО на Украине – соответственно 15,3% против 36,7% респондентов анализируемых целевых групп.

То, что социально-политический контекст и его последствия повлияли на оценки респондентами статуса личной жизненной среды, данные фиксируют достаточно надёжно.

Заключение

Неопределённость автор рассматривает как один из фундаментальных элементов среды, взаимодействие с которым предполагает интериоризацию, принятие неопределённости «в состав бытия человека» [2, с. 8]. «Непредвиденная случайность становится онтологическим фактором» [2, с. 10] через процесс структурирования, упорядочивания посредством некоторых действий с использованием тех или иных ресурсов, то есть через создание субъектом собственных стратегий взаимодействия с меняющейся средой с целью стабилизации своего личного эмоционально-психологического и социального статуса.

Если фактором изменений выступает контекст, содержащий событие или процесс с высокой степенью рискованных последствий, внешняя среда становится рискогенной, и целью процесса адаптации повседневности («бытия») к неопределённости выступает конструирование субъектом некоторого статуса безопасности личной жизненной среды. Показатель позитивной адаптации – снижение степени уязвимости перед рисками, которые содержит зыбкая внешняя среда, и создание в личном пространстве пояса определённости и безопасности. При другом варианте адаптации субъект попадает в ситуацию затяжного противоречия со средой, неопре-

делённость которой им вводится в состав его личного бытия через тревожно-враждебное отношение. Обе стратегии целью имеют адаптацию, обе достигают результата, то есть приспособления к средовым изменениям.

Проблемой исследования в статье было выявление тех ресурсов, которые участвуют во взаимодействии субъекта с условиями неопределённости, обусловленной внешними социально-политическими условиями, формируя конкретный вариант адаптации к ней личной жизненной среды субъекта. Исследовательским интересом анализа данных, предпринятого в статье, был поиск ресурсов, которые детерминируют стратегии структурирования нестабильных, рискогенных сред на уровне личной жизненной среды субъектов.

Данные убедительно показывают, что потенциально рискогенные средовые факторы текущего социально-политического контекста, а именно продолжающаяся специальная военная операция и усиливающееся внешнее санкционное давление, на уровне жизненной среды индивидов проявляются в различных субъективных определениях статуса личной среды и повседневности. Для одних этот статус характеризуется неопределённостью и бесперспективностью, для других – определённостью и перспективами.

Результаты показывают, что статус определённости и перспективности личной среды субъект оценивает преимущественно по отношению к ближайшей дистанции – месту проживания.

Векторами, по которым субъект оценивает состояние своей жизненной среды, являются личная безопасность; самореализация в сферах образования/квалификации/занятости; социальный статус; семейные отношения; благополучие в жилищно-бытовой и финансовой сферах; состояние здоровья; наличный социально-политический контекст.

Анализ тех ресурсов и признаков, которые имеют наибольший вес в дифференциации самоопределения субъектами статуса своей личной жизненной среды внутри рискогенной внешней, позволил оценить их внутреннюю взаимосвязь и осуществить эмпирическую (реальную) в отличие от априорной (теоретической) группировку. Эмпирическая группировка выявила три блока ресурсов-детерминантов различий целевых групп по самоопределению адаптивного статуса жизненной среды, которые соотносятся с составляющими субъективного интеллекта: эмоциональным как способностью распознавать, понимать и использовать эмоции, с социальным как навыками и опытом коммуникации с институциональной средой, рациональностью как наличием навыков самоорганизации и самоконтроля.

Составляющими этих блоков, которые позволял выявить инструментарий, обуславливающими различия, выступают: эмоционально-психо-

логический профиль; целеполагание как умение соотносить цели и средства; планирование как практика; наличие занятости; субъективное переживание условий среды; принятие ответственности за собственное благополучие и самореализацию (установки относительно факторов жизненного успеха); поддержка со стороны государства; институциональное доверие; состояние и динамика здоровья; опыт реальных потерь вследствие трансформаций среды.

Целевые группы по потенциалу естественных и приобретённых ресурсов практически совпадают, то есть пол, возраст, уровень образования, тип поселения на различиях в оценках перспектив личного будущего не сказываются. Распределение по сферам занятости и источникам дохода также различий не показывает. Имеется существенное различие в долях неработающих: в группе «определившихся» доля тех, кто по разным причинам в момент опроса не работал, ниже, чем в группе «сомневающих». Большая доля респондентов, занятых на государственных предприятиях в группе «определившихся», не может существенно повлиять на дифференциацию. Тем более, что работодатели на государственных и частных предприятиях и организациях условия предоставляют идентичные. Такой ресурс, как хорошее здоровье, в несколько большей степени имеется у «определившихся».

Существенный вклад в различия вносят нематериальные факторы, за исключением жизненных приоритетов, которые у представителей целевых групп практически совпадают: самореализация, хорошее образование и работа, создание семьи и воспитание детей, финансовое благополучие, здоровье.

Планирование как практика в большей степени свойственно группе «определившихся», также как и продуктивное целеполагание, то есть достижение и/или уверенность в достижении жизненных целей. Причём первые уверены, что факторами благополучия в современной России являются образование, квалификация и трудолюбие, а вторые – везение и личные связи. Соответственно, личную жизненную среду одни описывают как устойчивую, другие – как тревожную, несправедливую, с минимальными возможностями.

Уровень институционального доверия у «сомневающих» крайне низкий.

Потери среди близких и друзей вследствие реализации СВО и усиливающегося санкционного давления со стороны коллективного Запада отмечают в большей степени «сомневающиеся», а именно: физические (гибель, увечья родных, друзей, ухудшение личного здоровья), материальные (увеличившиеся расходы), морально-психологические (ухудшение отношений в семье, личного эмоционально-психологического состояния).

Удовлетворённость различными сторонами жизни рассматривается как обобщающий показатель самочувствия субъекта в его непосредственной жизненной среде. В проведённом исследовании оценки практически всех сторон жизни, которые в значительной степени связаны с стабильностью личной жизненной среды, существенно ниже у целевой группы «сомневающихся».

Завершать приходится размышлением относительно того, что одними и теми же ресурсами один и тот же социально-политический контекст, отличающийся неопределённостью, структурировать на уровне личной жизненной среды (адаптировать) субъект может как с позитивной направленностью, так и с негативной. Для развития направления исследований специфики адаптации к рискогенным средам в этой связи необходимо «расшифровать» через применение методов качественной социологии мировоззренческое в отличие от ресурсного наполнение стратегий адаптации к рискогенным средам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. *Васильев В. В.* Социальная неопределённость как предмет социологического анализа // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 2 (46). С. 8–22. DOI [10.25688/2078-9238.2023.46.2.1](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1). EDN [JTOXKQ](https://www.edn.ru/entry/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1).
2. *Герасимова И. А.* Неопределённость в познании и в социальных практиках // Эпистемология и философия науки. 2019. Т. 56, № 4. С. 8–20 DOI [10.5840/eps201956462](https://doi.org/10.5840/eps201956462). EDN [JILDUX](https://www.edn.ru/entry/10.5840/eps201956462).
3. Мир человека: неопределённость как вызов / Под ред. Г. Л. Белкина. М. : URSS, 2019. 520 с. ISBN 978-5-9710-5915-8. EDN [KSCV FY](https://www.edn.ru/entry/978-5-9710-5915-8).
4. *Мозговая А. В.* Идентификация, оценка и адаптация к риску в условиях неопределённости // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7, № 4 (28). С. 151–165. DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808). EDN [WHBFAU](https://www.edn.ru/entry/10.19181/snsp.2019.7.4.6808).
5. *Смакотина Н. Л.* Основы социологии нестабильности и риска: философский, социологический и социально-психологический аспекты : монография / Н. Л. Смакотина. М. : КДУ, 2009. 242 с. ISBN 978-5-98227-615-5. EDN [QOKBPD](https://www.edn.ru/entry/978-5-98227-615-5).
6. *Белинская Е. П.* Конструирование идентичности в неопределённости // Личность в пространстве и времени. 2015. № 5. С. 26–31. EDN [UXMBRV](https://www.edn.ru/entry/10.25688/2015.5.26-31).
7. *Зборовский Г. Е., Амбарова П. А.* Будущее образовательных общностей: временная перспектива в условиях социальной неопределённости // Социологические исследования. 2016. № 10 (390). С. 3–13. EDN [WVJOVR](https://www.edn.ru/entry/10.25688/2016.10.3-13).
8. *Истомина О. Б., Майпиль Е. С.* Проблемы социализации молодёжи в условиях социальной неопределённости // Вестник Бурятского государственного университета. 2022. № 3. С. 25–31. DOI [10.18101/1994-0866-2022-3-25-31](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-3-25-31). EDN [JLMXDP](https://www.edn.ru/entry/10.18101/1994-0866-2022-3-25-31).
9. Особенности ценностных и мотивационных ориентаций будущих педагогов в условиях социальной неопределённости / В. Ю. Могилевская, Н. Н. Ковальчук, Д. В. Солдатов, Т. В. Тимохина // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. № 3 (48). С. 34–46. EDN [VOLSFE](https://www.edn.ru/entry/10.25688/2018.3.34-46).

10. Мясоутов О. В. Цифровая молодёжь в эпоху неопределённости: современные смыслы и социокультурные ценности // Архонт. 2022. № 6 (33). С. 47–53. EDN SIROCD.
11. Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Проблема социокультурных констант в нестабильной социальной реальности (региональный аспект) // Социодинамика. 2020. № 5. С. 94–104. DOI 10.25136/24097144.2020.5.32951. EDN SKWAFF.
12. Борцов Ю. С. Детерминация формирования девиантных поведенческих стратегий социальной неопределённостью: методологический подход // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 11. С. 42–49. EDN VVDGXF.
13. Буркина Л. С. Девиантность как способ преодоления социальной неопределённости // Социально-гуманитарные знания. 2014. № 11. С. 201–205. EDN TEEPLB.
14. Касьянов В. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И. Специфика политической социализации российской молодёжи в условиях социальной неопределённости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 1. С. 42–45. EDN XUXMPL.
15. Мозговая А. В., Шлыкова Е. В. Адаптация к неопределённости среды: ресурсы жителей больших городов // Logos et Praxis. 2019. Т. 18, № 3. С. 124–130. DOI 10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13. EDN GJZAEV.
16. Панкова С. Н. Социальный потенциал личности в условиях социальной неопределённости // В мире научных открытий. 2014. № 5-2 (53). С. 594–604. EDN SHTQVN.
17. Белая Е. А. Социальная неопределённость как фактор трансформации образования // Развитие территорий. 2017. № 2 (8). С. 24–27. EDN ZHFBID.
18. Дедов Н. П., Кохова И. В. Актуальные проблемы цифровой адаптации в высшей школе в условиях неопределённости // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № S2. URL: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf> (дата обращения: 24.05.2024). EDN OFGAKV.
19. Риски трансформирующейся среды обитания: проблема исследования и управления : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, И. С. Шаповалова [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Зубок. Белгород : ООО «Эпицентр», 2016. 207 с. ISBN 978-5-9907865-2-3.
20. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа, методы / В. А. Ядов ; отв. ред. В. Н. Иванов ; изд. 2-е перераб. и доп. М. : Наука, 1987. 248 с.

Сведения об авторе

А. В. Мозговая

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник

AuthorID РИНЦ: 71630

SPIN-код: 3454-6660

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

Original article

DOI: 10.19181/snsp.2024.12.2.8

PERSONAL LIFE ENVIRONMENT WITHIN THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF MODERN RUSSIA: STATUS ACCORDING TO THE ATTRIBUTE OF CERTAINTY

Alla Viktorovna Mozgovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
mozgovai@yandex.ru,
ORCID 0000-0001-6810-5931

For citation: Mozgovaya A. V. Personal life environment within the socio-political context of modern Russia: status according to the attribute of certainty. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2024;12(2):169–187. (In Russ.) DOI 10.19181/snsp.2024.12.2.8.

Abstract. The subject of the article relates to the sociological discourse on the category of uncertainty at the personal level of analysis. The uncertainty of the environment inherently contains risks as a potential possibility of damage from an adverse outcome of events, phenomena, processes. The strategy of the analysis presented in the article takes as the initial and independent position of the study the fact that there is such a context in the environment, such conditions that can serve as sources of risks of various levels. In the research proposed in the article, the author proceeds from the fact that a fundamentally risky socio-political context at the country level (SMO, increasing sanctions pressure) by a particular person may not be perceived as causing uncertainty in the space of his personal life environment. The empirical basis of the analysis is data from a representative survey of the Russian population conducted on a quota sample in June 2023. A methodological approach is applied, the peculiarity of which is the formation within the sample the target groups according to the criterion corresponding to the main goal of the analysis – self-determination of the living environment status. The data was rearranged and analyzed under an intelligence strategy aimed at identifying similarities and differences between those who positively and clearly see their life prospects and those who are in a situation of uncertainty about the future and the present. The analysis of those resources and features that have the greatest weight in differentiating the self-determination of the living environment status within the risky external environment made it possible to assess their internal relationship and carry out an empirical (real), as opposed to a priori (theoretical) grouping. The empirical grouping revealed three blocks of resource determinants of differences between target groups in determining the adaptive status of the living environment, which correlate with the components of subjective intelligence: emotional as the ability to recognize, understand and use emotions, with social as skills and experience of communication with the institutional environment, rationality as the presence of skills of self-organization and self-control.

Keywords: uncertainty, living environment, risk, vulnerability, socio-political context, subjective intelligence

Acknowledgments: personally to Mikhail Konstantinovich Gorshkov for providing a database of sociological research on the project, of which he is the head.

REFERENCES

1. Vasiliev V. V. Social uncertainty as a subject of sociological analysis. *MCU Journal of Philosophical Sciences=Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*. 2023;(2):8–22. (In Russ.). DOI [10.25688/2078-9238.2023.46.2.1](https://doi.org/10.25688/2078-9238.2023.46.2.1).
2. Gerasimova I. A. Uncertainty in cognition and in social practice. *Epistemology and philosophy of science=E'pistemologiya i filosofiya nauki*. 2019;56(4):8–20. (In Russ.). DOI [10.5840/eps201956462](https://doi.org/10.5840/eps201956462).
3. Belkin G. (ed.) The human world: uncertainty as a challenge. Moscow: URSS; 2019. 520 c. (In Russ.). ISBN 978-5-9710-5915-8.
4. Mozgovaya A. V. Identifying, Evaluating, and Adapting to Risks in an Atmosphere of Uncertainty. *Sociological science and social practice=Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2019;7(4):154–168. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2019.7.4.6808](https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.4.6808).
5. Smakotina N. L. Fundamentals of the sociology of instability and risk: philosophical, sociological and socio-psychological aspects [[Osnovy' sociologii nestabil'nosti i riska: filosofskij, sociologicheskij i social'no-psixologicheskij aspekt'y']. Moscow: KDU; 2009. 242 p. (In Russ.). ISBN 978-5-98227-615-5.
6. Belinskaya E. P. Constructing identity in uncertainty. *Personality in space and time=Lichnost' v prostranstve i vremeni*. 2015;(5):26–31. (In Russ.).
7. Zborovsky G. E., Ambarova P. A. The future of educational communities: a temporary perspective in conditions of social uncertainty. *Sociological studies=Sociologicheskie issledovaniya*. 2016;10(390):3–13. (In Russ.).
8. Istomina O. B., Maypil E. S. Problems of youth socialization in the conditions of social uncertainty. *Bulletin of Buryat State University=Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2022;(3):25–31. (In Russ.). DOI [10.18101/1994-0866-2022-3-25-31](https://doi.org/10.18101/1994-0866-2022-3-25-31).
9. Mogilevskaya V. Yu., Kovalchuk N. N., Soldatov D. V., Timokhina T. V. Features of value and motivational orientations of future teachers in conditions of social uncertainty. *Actual problems of psychological knowledge=Aktual'ny'e problemy' psixologicheskogo znaniya*. 2018;3(48):34–46. (In Russ.).
10. Myasoutov O. V. Digital youth in the era of uncertainty: modern meanings and socio-cultural values. The electronic scientific journal. *Archont=Arxont*. 2022;(6):47–53. (In Russ.).
11. Babintsev V. P., Gaidukova G. N., Shapoval J. A. The problem of sociocultural constants within the instable social reality (regional aspect). *Sociodynamics=Sociodinamika*. 2020;(5):94–104. (In Russ.). DOI [10.25136/24097144.2020.5.32951](https://doi.org/10.25136/24097144.2020.5.32951).
12. Bortsov Yu. S. Determination of the formation of deviant behavioral strategies by social uncertainty: a methodological approach. *Socio-humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2015;(11):42–49. (In Russ.).
13. Burkina L. S. Deviance as a way to overcome social uncertainty. *Social and humanitarian knowledge=Social'no-gumanitarny'e znaniya*. 2014;(11):201–205. (In Russ.).
14. Kasyanov V. V., Krotov D. V., Samygin S. I. The specificity of political socialization of the russian youth in the conditions of social uncertainty. *Humanities, socio-economic and social sciences=Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshhestvenny'e nauki*. 2017;(1):42–45. (In Russ.).

15. Mozgovaya A. V., Shlykova E. V. Adaptation to the uncertainty of the environment: resources of big cities residents. *Logos et Praxis=Logos et Praxis*. 2019;18(3):124–130. (In Russ.). DOI [10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13](https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.3.13).
16. Pankova S. N. Person's social potential at conditions of social uncertainty. *The World of Scientific Discoveries=V mire nauchny'x otkry'tij*. 2014;(5-2):594–604. (In Russ.).
17. Belaya E. A. Social uncertainty as a factor in the transformation of education. *Development of territories=Razvitie territorij*. 2017;(2):24–27. (In Russ.).
18. Dedov N. P., Kokhova I. V. Actual problems of digital adaptation in higher education under uncertainty. *The Eurasian scientific journal=Vestnik evrazijskoj nauki*. 2023;15(s2):01FAVN223. (In Russ.). Available at: <https://esj.today/PDF/01FAVN223.pdf> (accessed: 24.05.2024).
19. Zubok Yu. A. (ed.) Risks of the transforming habitat: the problem of research and management. Belgorod: OOO E'picentr, 2016. 207 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9907865-2-3.
20. Yadov V. A. Sociological research: methodology, program, methods. Ed. vt., reprint. and additional [Sociologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody'. Izd. vt., pererab. i dop.]. Moscow: Nauka; 1987. 248 p. (In Russ.).

Information about the Author

A. V. Mozgovaya

Doctor of Sociology,
Main Researcher

ResearcherID: [ABD-3432-2020](https://orcid.org/0009-0001-9210-8000)

Scopus AuthorID: [56153967200](https://orcid.org/0009-0001-9210-8000)

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И СОЦИАЛЬНАЯ ПРАКТИКА

Сетевой научный журнал

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Эл № ФС77-85089 от 31 марта 2023 года
ISSN 2413-6891

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5
Сайт: <https://www.fnisc.ru>. Телефон: 8 499 125-00-79

Главный редактор – *Горшков М. К.*

Заместитель главного редактора-ответственный секретарь – *Мозговая А. В.*

Заместитель главного редактора – *Кравченко С. А.*

Заведующая редакцией – *Зорина А. Е.*

Научные редакторы:

Зеленская О. Ю., Камышан В. В., Савоськина А. П.

Технический редактор: *Ломантёрова С. И.*

Оригинал-макет; вёрстка: *Чичилов Е. В.*

Журнал «Социологическая наука и социальная практика» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК – категория К1, индексируется в WoS RSCI
Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5

Электронная почта редакции: mozgovai@yandex.ru

Телефон редакции: 8 499 120-82-57. Факс редакции: 8 495 719-07-40

Официальный сайт журнала: <https://www.socnp.ru>

2024. Том 12, № 2. Дата выхода в свет 27.06.2024.

№ 2, 2024
ТОМ 12

ISSN 2413-6891

**Социологическая
наука
и
социальная
практика**

Москва, 117218, ул. Кржижановского,
д. 24/35, к. 5, e-mail: snsp@isras.ru
тел.: 8 499 125-00-79
[http:// www.socnp.ru](http://www.socnp.ru)